

Хелен Рой

Шанс для Данны

Острозащитный криминальный
роман

Остросюжетный криминальный роман. Самая опасная соперница — подруга твердила мама. Женская дружба существует, вопреки словам верила Аня и ошиблась. Любимый мужчина повёл под венец лучшую подругу. Радужные мечты о женском счастье остались мечтами. И что теперь? Решение напрашивается само собой — отомстит предателям, тем более и случай для этого появляется самый подходящий. Но всё ли так просто, как кажется? У Сергея всё в "шоколаде": красавица жена, крутая тачка, деньги. Очень скоро он займёт место отца и станет управлять металлургическим заводом. Вот только насладиться властью и деньгами он не успевает: покушение на Полякова старшего в один момент меняет всё. Случается, непоправимое — в подстроенной аварии Сергей получает тяжёлую травму. Он — инвалид и, всю оставшуюся жизнь проведёт прикованным к постели. Вдобавок ко всему бизнес отца в любой момент может отойти бандитам, если только этого захочет Аня... Эта книга о дружбе, предательстве, сострадании, прощении и истинной самоотверженной любви. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! В романе присутствуют откровенные сцены. Все образ героев собирательные. Совпадения случайны.

Ты знаешь, так хочется жить
Наслаждаться восходом багряным
Жить чтобы просто любить
Всех кто живёт с тобой рядом.
Ты знаешь, так хочется жить
Просыпаться с тобою на рассвете
Взять и кофе сварить
Пока ещё спят все на свете.
Ты знаешь, так хочется жить
Как не напишут в газете
Взять и всё раздарить
Жизнь чтобы помнили дети.
Ты знаешь, так хочется жить
В миг, когда тебя задавило
Встать и всем объявить:
“Я вернусь, даже если прибило”.
Ты знаешь, так хочется жить
В ту минуту что роковая
Всё плохое забыть. всех простить
Лишь прощение — спасение, я знаю.
Ты знаешь, так хочется жить
В зимнем саду спящей вишне,
Чтоб по весне расцвести
Деревом — для новой жизни.
(Рождество — Ты знаешь, так хочется жить)

ПРОЛОГ

От воспоминаний о далёком детстве у Анны осталась одна, особенно дорогая, фотография. Три неразлучные подруги сидят среди полевых цветов. Чёрно-белый снимок давно поблек, пожелтел от времени, уголки обтрепались.

Любительская фотография была сделанная её отцом. Так сказать, первый снимок только что приобретённым фотоаппаратом “Смена”.

Анна помнила, как отец долго наводил оптический фокус по символам погоды и расстояния, уговаривая семилетних непосед подождать ещё немного:

— Я сфотографирую вас сейчас, а потом ещё через год. Представляете, как вам будет интересно рассматривать фотографии, когда вы станете взрослыми тётями! Вы будете рассказывать своим детям о том, как дружили и какими не разлучными подругами были.

Именно в тот день и зародилась клятва, пронесённая Анной через всю жизнь. Сейчас она не могла толком вспомнить, кому первому пришла в голову эта идея. Они поклялись, что всегда будут поддерживать друг друга. Что никто и никогда не встанет между ними.

Каждый раз, рассматривая снимок, Аня пыталась понять, почему всё получилось не так, как они обещали друг другу?

Они всегда были “заклятыми” подругами. Друг от друга не имели секретов, обсуждали самые сокровенные вещи, все тайны — первую любовь, первый поцелуй. Почему вдруг они отдалились? Позволили мужчине встать между ними?

А всё оказалось очень просто, как поётся в песни: “А случится, что он влюблён, а я на его пути. Уйду с дороги — таков закон! Третий должен уйти!” Так и поступила Аня. Она отошла в сторону.

В те непростые годы они стремились жить, и выживали каждый своей ценой, кто как мог, кому, как позволяла совесть, а их дружба просто не прошла испытание временем, не выдержала трудностей, ну и, конечно же, предательства и обмана.

С каждым годом они всё дальше отступают от того времени, всё больше отдаляются друг от друга. Анне часто приходит в голову вопрос: “а что бы она поменяла, если бы время повернулось вспять? Встала бы на пути у Алины?” конечно же нет...

А ведь всё началось с Эллины...

Часть первая

Глава первая

Лето 1988 года.

Списки поступивших на отделение финского языка и литературы в университет были вывешены на стенде в фойе перед кафедрой. Вокруг толпились абитуриенты. Кто-то отходил: радостно улыбаясь, кто-то, хмуро бурча о несправедливости.

— Ну что там? — в нетерпении, спросила Элина племянницу. Девушка встала на носочки, чтобы через головы других абитуриентов самой рассмотреть список.

— Сейчас! — Аня ещё раз медленно провела пальцем по фамилиям на “К”. — Киселёва, Конькин, Кошкина, Краснов, Кулешов... — фамилии “Кукконен” не было.

Одиннадцати летняя Анна протиснулась через толпу к Элине.

— Нету...

— Ты хорошо посмотрела?

— Два раза! — кивнула головой Аня. — Ничего, позанимаешься ещё, и на следующий

год поступишь.

— Ну, уж нет! Второй попытки не будет!

— И что ты теперь будешь делать? -

— Домой поеду. Завтра же возьму билет и уеду! — твёрдо решила Эллина. — Хватит у твоих родителей на шее сидеть.

— У своих в Таллинне будешь сидеть? — передразнила Аня.

— Не хаами! Нос не дорос! Выйду замуж.

— И что кандидатура, подходящая есть?

— Да уж, самая подходящая — отмахнулась Эллина. — Маман позаботилась. Шестидесятилетний старикан. С квартирой в центре Таллинна.

— Может, тогда останешься? — робко предложила племянница. — Устроишься на работу...

— Ага, как твой отец вкалывать у станка? Нет, это не по мне.

— Ну, останься хотя бы ещё на месяц, — заканючила Аня.

— На месяц? — Эллина раздумывая, посмотрела на родственницу. — Ладно, — примирительно согласилась она. — Уговорила!

Они вышли из университета, и пошли, еле передвигая ногами. То лето выдалось на удивление жарким, что в Карелии было большой редкостью. Обычно температурный режим не поднимался больше двадцати градусов, а тут тридцать.

Грустные Аня и Эллина подставляли лица тёплым лучам солнца, не спеша, двигались к дому.

Анька грустила о том, что скоро придётся расстаться с тёткой, за несколько месяцев она ей стала как старшая сестра. Эллина приехала из Таллинна, вернее она свалилась на провинциальных родственников неожиданно. Девушка появилась в квартире Кондрашовых в раннее майское утро.

— Здравсте! — на распев произнесла родственница, когда папа Ани — Михаил Михайлович открыл дверь. — Я — Эллина дочка вашей тёти из Таллинна. Приехала поступать в университет. Буду жить у вас, если вы не против, — выпалив всё это и, не дождавшись ответа, девушка протиснулась в квартиру, толкнув Михаила плечом.

Как выяснилось позже, семье Кондрашовых была заранее послана телеграмма, но почему-то она так и не дошла до адресата.

— Привет сероглазая, — Эллина обняла и чмокнула Анну в нос.

— Привет! — племянница с восторгом ответно чмокнула её в щеку.

— Ну-ка дай на тебя посмотреть!

Девушка положила руки ей на плечи и отодвинула от себя, чтобы как следует рассмотреть. Перед Эллиной предстала: худенькая, одиннадцати летняя миловидная девочка, с широко открытым ртом от удивления, серыми большими глазами и волосами цвета пшеницы, заплетёнными в две аккуратные косички.

— Как тебя зовут, чудо? — спросила Эллина.

— Анна. А тебя?

— Эллина. Пойдём пить чай?

Новая родственница сразу же понравилась Анне. Девочка забыла своих подруг, всё время, ходя по пятам за ней. Интеллигентная и образованная Эллина решила взяться за “правильное” воспитание маленькой родственницы. Начала с книг, натаскивала по истории, рассказывала об известных художниках и пыталась привить любовь к языкам. В последнем

все её старания оказались бесполезными. Языки Анечке не довались вообще. В итоге махнув на английский и финский, углубились в изучение истории и литературы.

По вечерам они ходили в театр: то на оперетту, то на новую постановку. Очень много читали — от классиков: Толстого, Гоголя и до научной фантастики. Потом долго спорили, обсуждали прочитанную Анной книгу...

Но вот теперь Эллине, придётся уехать и не будет больше таких интересных вечеров.

Домой Эллинке ехать не хотелось, от предстоящего замужества и опеки мамы переворачивалось всё внутри. Именно поэтому девушка и приехала в Карелию, подальше от строгой маман, как часто она её называла за глаза.

От так они брели, каждая думая о своём. А потом как-то так получилось, что свернули на короткую дорогу. Срезали через железнодорожные пути и, прибавив шагу, завернули во двор, а там Картина Репина “Не ждали”. На скамейке восседала почти вся детвора близлежащих домов.

Там же присутствовала и Юлька Волкова, лучшая подруга Анны. Только не хватало Алинки, которая была в очередном отъезде.

Юля, Аня и Алина дружили с садика. Это была самая настоящая девчоночья дружба, даже несмотря на то, что Алина Новикова постоянно уезжала. Её папа был дипломатом и из-за этого, семья моталась с ним по свету, иногда приезжая домой. Пожив и отдохнув в родном городе полгода, опять ехали в очередную командировку.

В отличие от яркой, красивой и ветреной Алинки, Юлька Волкова была тихой, на внешность простоватой девочкой. Юля училась на отлично, много читала и часто мечтала.

За безудержную мечтательность, бесконечные размышления о будущем человечества, над Волковой потешался весь класс. Аня и Алина решительно защищали подругу от нападок одноклассников.

Собирались подруги всегда у Ани, потому что у неё родители постоянно пропадали на работе, и девочки чувствовали себя вольготно. Они ходили в кино, читали вслух запрещённые книги, которые приносила тайком от своих родителей Юлька. Делали вместе уроки, обсуждали западные страны, в которых успела побывать Алина. А как только на улице становилось тепло, перебирались во двор на скамейку, как сейчас...

Все ребята толпились вокруг Сергея Полякова. Он восседал как король, на лавочки перетасовывая карты. Аня резко затормозила и попыталась спрятаться за Эллину. Но, увы, поздно.

— Анька привет! — крикнула Юля, заметив подругу. — Иди к нам...

— А она не может, — ехидно прокомментировал Сергей. — Ей некогда... в театр опоздает.

— Не завидуй! — ответила Аня, направляясь к ребятам.

— Началось, — пробормотала Элина, поднимая глаза к небу. — И что же вам не живётся спокойно?! Не можете и дня прожить, что не цеплять друг друга?

— Эллиночка, ты иди домой, я скоро буду, — крикнула Анька, садясь рядом с Сергеем. — Двинься! И мне карту давай, — потребовала она, толкая Полякова.

— У тебя деньги, то есть?

— А ты сдавай и увидишь, — приняла вызов девочка.

Беспечно махнув в воздухе засаленными картами, Сергей с готовностью смешал их. На скамейки выросла пирамида из монет. Вокруг Полякова и Кондрашовой собралась толпа.

Игра началась.

У Ани дрожали руки, а всё от того, что она сидела рядом с Сергеем Поляковым. Мальчиком, в которого была тайно влюблена. Всё началось с первого сентября, с первой Анькиной линейки. Всю дорогу до школы она чувствовала страх и предвкушение чего-то заведомо неприятного.

На улице, возле школы первоклассников выстроили рядами, поставив парами. Аньки в пару достался Сергей Поляков. Девочки совершенно не хотелось брать его за руку, как требовала учительница. Ещё раздражало шерстяное платье коричневого цвета, называемое школьной формой. В нём было ужасно жарко и некомфортно.

Дальше хуже. Всю линейку Сергей стоял за Аней и периодически дёргал её за косички. Терпением Кондрашова не отличалась и ответила сдачей — развернулась и недолго думая, залепила обидчику новеньким ранцем по голове. Тут же начался переполох, праздничное мероприятие оказалось под угрозой срыва.

Аню и Сергея вывели из строя и поставили перед всей школой. Директор толкала поучительную речь, как должен себя вести Советский школьник. Поляков стоял, опустив голову, и казался таким скромным, таким образцово-показательным мальчиком, что все присутствующие взрослые почему-то сразу сделали вывод, что во всём виновата исключительно Аня Кондрашова.

Кипя от обиды и гнева, Аня еле сдерживала слёзы. А Поляков уже придумывал новую проказу.

Никто из присутствующих даже не предполагал, что очень скоро это парочка поставит всю школу, чуть ли не на голову. Их постоянная война и проделки станут настолько забавными, что каждый ученик, начиная с начальных классов и заканчивая старшими, будет ждать, кто же из этих двоих сделает следующий шаг.

Поляков сыпал впереди сидящей Ани за шиворот опилки от поточенного карандаша, в ответ на его стуле случайно оказывалась кнопка или грязная меловая тряпка. Как-то Кондрашова принесла в школу котёнка и на перемене умудрилась его подсунуть в ранец Сергея.

На уроке в самый неподходящий момент, Тамара Степановна объясняла новую тему, котёнок стал мяукать.

— Перестаньте мяукать, — потребовала строго учитель.

И тут опять громко позвучало:

— Мяу...

Все обернулись на звук и уставились на ничего не понимающего Полякова. Толька Анька сидела, застенчиво опустив глаза, а потом обернулась, посмотрела на Сергея и вдруг улыбнулась. Он же в растерянности потянулся к ранцу и тут оттуда выскочил серый котёнок.

Кот стал бегать между парт, а все бросились ловить его. Само собой, Сергей и Аня после сорванного урока вместе с котёнком отправились к директору.

Уже ближе к концу четвёртой четверти, Аня выкрала у Полякова дневник, и поставила туда жирную двойку. Девочка так расписалась за учительницу, что та так и не смогла отличить свою подпись от Кондрашовой.

Аньку выдал одноклассник Игорь, который держал дверь в тот момент, когда девочка ставила отметку в дневник. Он распустил слух, что Кондрашова может подделать любую подпись. Слухи дошли и до Сергея, он быстро всё сопоставил и понял, кто вклеил ему двойку, которая появилась за большую перемену.

Последовала разборка, причём очень удачная переросшая в драку. И, конечно, как итог запись в дневник обоим.

Дома Аньку ждал очередной разбор “полётов”. И так как девочка совсем не жалела о случившемся и не считала себя виноватой, то пропускала все нравоучения отца мимо ушей. Она лишь жалела, что не заманила Полякова куда-нибудь в парк, подальше от школы и там бы спокойно его отлупила, за все те проделки, которые он устроил за всё время их “общения”. Никто бы не увидел, и никаких замечаний не было бы ни у неё в дневнике, ни у него.

Михаил Михайлович вертел дневник в руках и хмурился.

— Значит, дерёмся? Я думал в школу ходят учиться... Ты же девочка! Не ожидал таких выходов от тебя, — потом он вздохнул грустно, понимая, что бесполезны любые назидания. — Ты наказана на неделю! — вынес свой вердикт отец...

Три года начальной школы пролетели как один день. И вот настало новое первое сентября, вместо четвёртого класса Аня и Сергей пошли в пятый, всё благодаря каким-то реформам, которые вдруг решили провести чиновники из министерства образования.

С первого дня Аня ждала подвоха со стороны Сергея, но он как будто её не замечал.

На переменах Поляков лениво разваливался на стуле за партой, с равнодушным видом довольного, объевшегося кота рассматривал девчонок, хихикающих рядом, и слушал в пол уха болтовню лучшего друга.

— Чего это они? — возмущалась Анька. — Толпятся возле Полякова.

— Заигрываю... — оторвавшись от учебника физики, предположила Юлька.

— Чего?

— Привлекают к себе внимание.

— Кого Полякова что ли? — Анька посмотрела на подругу как на сумасшедшую. — И Морозова?

— Пора пришла, она влюбилась, — процитировала Юлька Пушкина.

Вдруг Сергей повернулся и посмотрел в их сторону, с таким хитрым, прищуром, что Кондрашова замерла. Время для неё остановилось. Куда-то уплыли все звуки, весь мир растворился. Широко раскрыв глаза, она смотрела на Полякова и больше никого кроме него не видела. И тут к своему ужасу и стыду Анька поняла, что втрескалась в Полякова, ну просто, что называется по уши.

— И ты туда же! — тяжело вздохнув, сделала вывод Волкова. — Душа ждала кого-нибудь, и дождалась. Открылись очи. Она сказала: это он!

— Не про меня, — бросила Анька, отрываясь от карих глаз Полякова и задумывая новую идею, как напакостить Сергею.

Их вражда вспыхнула с новой силой. Окружающие их друзья боялись, что когда-нибудь всё кончится кровью или серьёзной травмой. Один раз почти так и получилось. Тяжёлый портфель Ани упал с четвёртого этажа в лестничный пролёт, но приземлился не на Сергея, а на ноги завуча.

Завуч выжила и после больницы на педсовете подняла вопрос о весе портфелей школьников...

Все следили за игрой Ани и Сергея.

— Бей, — тихо посоветовала Юлька подруге. — И хватит.

Поляков подкинул последнюю карту и не в масть.

— Это что же вы тут делаете ироды, — визгливо заорала бабка Наташа. Она расталкивала собравшихся детей, пробираясь к скамейке. — Значит, в карты играем? Как не стыдно?! Пионеры...

Что там ещё она кричала ребята не слышали, их будто ветром сдуло со скамейки...

Это был последний тёплый день лета, потом пошли дожди и во дворе никто больше не собирался. А ещё через неделю уехала домой Эллина.

Поначалу от неё приходили письма каждую неделю, потом стали раз в месяц, а через три года Эллина перестала писать совсем.

Шестнадцатого ноября тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года Верховный совет Эстонской ССР большинством голосов принял декларацию о суверенитете Эстонии. В мае девяностого Эстония приняла решение о переименовании Эстонской Советской Социалистической Республики в Эстонскую Республику.

Оставшиеся там русские стали “не-гражданами”, хотя постоянно жили в Эстонии, они не имели никакого гражданства. Под число таких людей попала семья Кукконен, несмотря на то, что по национальности они были финнами. Очень скоро мать Эллины осталась без работы и, не выдержав атмосферы царящей в стране в которой прожила всю жизнь уехала с дочерью и зятем. Да, к тому времени Эллинка вышла замуж наперекор маман за любимого мужчину.

Будучи уже взрослой Аня пыталась найти тётку, но все попытки были не удачными.

Все эти события были первой волной в меняющейся стране. Тогда ещё никто не мог предположить, что очень скоро развалиться СССР. Что этот распад приведёт к независимости пятнадцати республик и появлению их самостоятельных государств...

Глава вторая

1991 год.

Небо было серым и пасмурным, каким бывает только перед грозой. И словно в подтверждение пошёл дождь. В разрывах туч ещё пробивалось солнце. По разным сторонам улицы спешили прохожие. Они открывали зонты, торопясь укрыться от внезапной грозы.

Алина Новикова стояла у подъезда, надеясь, что дождик пройдёт быстро. Но, увы, через несколько минут небо затянулось полностью и солнце скрылось за чернотой туч. Дождь припустил сильнее.

Новикова раскрыла зонт и быстрым шагом, придерживая рукой развевающиеся полы плаща, направилась к дому, где жила Аня. Сделав всего несколько шагов, Алинка промокла насквозь. Она пересекла двор, пробежала мимо детской площадки.

Девочка буквально впрыгнула в подъезд, закрыла зонт и захлопнув за собой дверь. Сильный ливень остался за закрытыми дверями.

Алина, торопливо поднялась по ступенькам на пятый этаж и замерла перед дверью, где жила подруга. “А вдруг Аня уехала? Вот и получится сюрприз, только кому? Надо было все-таки предупредить о своём приезде”. Новика нажала кнопку звонка.

Поначалу, по ту сторону дверей, не было слышно никого движения. Где-то, через минуту ожидания, когда она собралась уже снова позвонить, послышалось лязганье замков, дверь открылась, перед ней застыла заспанная Аня.

В этот понедельник Анька решила выспаться. Ещё в выходные родители уехали на дачу и обещали, что появятся не раньше следующего вторника. Уже несколько дней девочка чувствовала накатившую усталость, всё от летней подработки на почте. Ей хотелось заработать за лето денег, чтобы хоть как-то помочь родителям.

Объявлена Горбачёвым перестройка и новые реформы финансового сектора — денежная и ценовая, всё в совокупности привело к тому, что массы населения оказались за чертой бедности. В стране появились такие новые термины как безработица и нищета. Кооперация приняла форму бизнеса западного типа, государственные предприятия стали закрываться. Фабрики, заводы, комбинаты переходили из государственной структуры в частную. По большей степени, попадая в руки бандитов, или как в народе их называли “новых русских”.

Так же получилось и с металлургическим заводом, где работали Кондрашovy. Единственное в городе предприятие, которое давало людям стабильный заработок закрыли, оставив сотни семей без работы и без средств к существованию.

В субботу Аня отработала последний день на почте и теперь могла себе позволить расслабиться. Не надо никуда с утра пораньше бежать, можно спокойно поспать часов до двенадцати. Но настойчивый звонок испортил все планы, нарушив утренний сон.

Поколебавшись ещё пару секунд, Кондрашова встала, накинула халат и всё-таки направилась к входной двери. По своей забывчивости Аня никогда не спрашивала: “Кто там?” — за что её всегда ругали родители. Да и кто из чужих мог к ним придти? Брат у них нечего, нажить толком ничего не успели. У матери только золотое обручальное кольцо, да и то она его всегда носила не снимая.

Девочка повернула ключ в замке, открыла дверь.

На пороге стояла дочерна загорелая Алина. С её импортного бежевого плаща стекали капли воды, под ногами быстро образовалась лужа. Немедля ни минуты, девочки одновременно бросились друг другу на шею.

— Алинка! — Аня обняла подругу.

— Нюрка, — улыбнулась Новикова и крепко прижала её к себе.

— Проходи быстрее.

Пока Алина выжимала плащ в ванной, Аня поставила чайник и переделалась в спортивный костюм.

— Чай будешь? — спросила Кондрашова подругу.

— Да.

Чаю Алинка хотела. Она так замёрзла, что чёрный, горячий, с сахаром чай был в самый раз.

Когда Новикова вышла из ванной, на столе уже стояли чашки с горячим чаем. Алина села на диван и обняла двумя ладонями бокал. Аня включила телевизор.

— Загорелая какая! Рассказывай! — велела она. — Надолго вернулась?

— Не знаю, — размешивая сахар, сказала Алина. — Папу, зачем-то срочно вызвали в Москву. Ну, а мы с мамой пока сюда поехали.

Аня бросила взгляд на телевизор. По первому каналу показывали “Лебединое озеро”. Она переключила на другую программу. Опять “Лебеди”! ещё один канал и опять тоже самое.

Новикова вопросительно посмотрела на Аню.

— Кто-то умер?

Кондрашова метнулась на кухню к радио. Алина за ней.

-“... руководствуясь жизненно важными интересами народов нашей Родины, всех советских людей, ввести чрезвычайное положение в отдельных местностях СССР, — доносился голос диктора из радиоприёмника, — на срок шесть месяцев с четырёх часов утра по московскому времени девятнадцатого августа...”.

Аня прибавила звук.

- “... для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения образовать Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР, в который войдут: Бакланов, Крючков...”.

Раздался звонок в дверь, девочки вздрогнули от неожиданности.

— Кого-то ещё принесло... — пробормотала Аня, направляясь к дверям.

На пороге стояла Юля, а за ней топтался Женька Ананьев.

— Нюрка слышала? В стране переворот... — затараторила Волкова, входя в квартиру и направляясь в комнату. Евгений семенил за ней, не отставая.

— Слышала, — перебила Аня, закрывая дверь за друзьями.

Но просунутая в дверной проем, нога Полякова, помешала ей. Кондрашова повернулась и застыла на месте, отпустила ручку, а Сергей воспользовался моментом — толкнул дверь вперёд, распахивая настежь.

— Чаем угостишь? — нахально спросил он, подходя к Ане совсем близко.

— Я тебя не звала! — Кондрашова хотела вытолкать незваного гостя за дверь, но он перехватил её руки и крепко сжал запястья.

— Как жаль..., - Сергей коснулся губами её уха, медленно разжал пальцы.

По спине Аньки побежали мурашки, она потеряла дар речи и тупо смотрела в карие глаза парня.

Сергей ощутил, как екнуло его сердце и глухо заколотилось. “Но вот этого ещё и не хватало!”, - раздосадовано подумал он, наклоняясь ещё ближе к Кондрашовой.

— Нюра ты чего застряла? — раздался за спиной радостный голос Юльки.

Поляков и Анька отпрянули друг от друга, а Волкова с любопытством переводила взгляд с Сергея на подругу и обратно.

— Проваливай! — Кондрашова демонстративно распахнула дверь шире.

— Даже не подумаю, — в тон ей ответил Сергей.

— Что у вас тут происходит? — забеспокоилась Юля.

— Трусиха! — хмыкнул Поляков и прошёл в комнату.

— Ничего! — раздосадованная Анька, со злостью хлопнула дверью.

Но это были ещё не все гости. В течении десять минут в квартире Кондрашовых собрался весь класс. Девчонки обнимали Алинку, восхищаясь её загаром и платьем. Немного растерявшись, она поворачивала голову в разные стороны, высматривая Аню и Юлю, в надежде получить у них защиту от надоедливых одноклассниц.

— Ребята новости, — крикнул кто-то и тут же все затихли и уставились в телевизор.

- “... в связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачёвым своих обязанностей Президента СССР и переходом в соответствии со статьёй...”.

— Говорят в Москве вокруг Дома Советов баррикады, — не выдержав, возбуждённо заговорила Юлька. — А мы тут сидим! Новости смотрим.

— Послушайте, ребята, надо что-то делать! — поддержал её Женька.

— Что? — спросил Сергей, сложив руки на груди. Ему было всё равно, что происходит в

стране, он пришёл сюда только ради Аньки. Полякову доставляло особое удовольствие доводить ее, и он не упускал случая позлить Кондрашову.

— Мы можем поехать в Москву! — предложила Анна. — На баррикады.

— Ага, только нас там и не хватало, — Поляков со скукой уставился на одноклассников.

— Не хочешь не надо. Сиди дома! — мстительно бросила Кондрашова. — Без тебя обойдёмся. Трус!

— А меня мать не пустит, — пробубнил Вовка.

— Ты наври чего-нибудь, — посоветовал Женька.

— На чём поедим? — осведомился Поляков, ущипнув Аньку за бок в отместку.

Девочка взвизгнула от неожиданности и стукнула обидчика по руке.

— Придурок! — прошипела она.

— Ты даже не представляешь себе насколько! У Нюрки есть предложение, — громко крикнул Сергей, привлекая к ним внимание.

Аня напустила на себя плохо сыгранное спокойствие. Серые глаза источали злость. А у Сергея от этого взгляда сердце стучало как сумасшедшие.

— Поездом... — с независимым видом предложила она первое, что пришло в голову. Поляков снова хмыкнул и отошёл в сторону.

Началось подробное обсуждение: где взять денег на билеты, где собраться, в котором часу.

— Тебе нравится Сергей? — рассматривая Полякова, тихо спросила Алинка.

— Поляков? — с удивлением переспросила Аня.

— Нравится! — вмешалась в разговор Юля. — Наша Нюрка втрескалась в него по уши!

— И мне... нравится. Он изменился, — выдохнула Новикова.

— Не правда! Ничего я и не втрескалась! — Кондрашова покраснела. — Если вы не заметили, мы всё время ругаемся.

— Ну, да... милые бранятся — только тешатся.

— Да он... он ... недоумок! — вспылила Аня.

— Красавчик! — прошептала восторженно Аликна.

— Придурок!

— Милашка!

— Вот и забирай его себе, — язвительно прошипела Кондрашова и выскочила из комнаты.

Юлька и Алина переглянулись и одновременно пожали плечами.

Сердце у Аньки билось быстро, словно готово было вырваться из груди. Она и сама не понимала, что на неё вдруг нашло, почему вспылила, чего завелась. Кондрашова вздохнула, взяла в руки кружку с водой и вышла из кухни.

Она обвела взглядом всех собравшихся в комнате ребят, поискала глазами Сергея. Около него стояла Алина. И тут Аньку словно током ударило ей стало ужасно плохо, просто тошно и невыносимо больно, от того что Поляков смотрит на её подругу, а она такая красивая: огромные зелёные глаза и каштановые вьющиеся волосы. Вся такая модная, яркая.

Кондрашова чувствовала себя замухрышкой, гадким утёнком. Ей был ненавистен спортивный костюм, надетый на ней. Как хотелось такое же платье, как у подруги — по колено, кремовое, с рукавами в три четверти и непременно итальянские лакированные туфли на каблучке. Ей так захотелось плакать, не от обиды, а от несправедливости этого

мира.

Алинка рассказывала Полякову что-то, а он её слушал внимательно и улыбался. От ревности у Аньки перехватило горло, она закусила губу. Именно сейчас Поляков её раздражал как никогда до этого. Он вёл себя так, как будто её — Ани Кондрашовой и других ребят, не было в этой комнате. Для него в данный момент существовала только Алинка, он улыбался только ей.

— Ревнуешь? — с подколкой спросила Юлька, толкнув локтём Аню.

Кондрашова вдруг обнаружила, что стоит посередине комнаты с чашкой в руках, и не сводит глаз с подруги и Сергея. Поляков засунул руки в карманы джинсов, и словно услышав вопрос Юльки, насмешливо посмотрел на Аню, подмигнул ей.

Анька смутилась и отшатнулась к стене.

— С ума сошла?

— Уведёт у тебя Алинка Полякова, — с многозначительным выражением лица скала Волкова.

— Ну и на здоровье.

— Дурочка! — с ироничной улыбкой заметила подруга.

— Слушай, Юлия Сергеевна, если ты ещё раз назовешь меня дурой или полезешь со своими нотациями и умозаключениями, то я с тобой не буду разговаривать, — грозно предупредила Аня.

— Больше не буду, — притворно расстроено вздохнула Юлька.

— Нюра, — подлетела Алинка. — Он такой классный!

— И что в нём классного?

— Высокий, у него такие... такие... карие глаза, а пальцы. Ты видела его пальцы? Они длинные красивые. А волосы, такие...

— Алин ты случайно Полякова с Ален Делом не перепутала? Он конечно симпатичный, но не более того.

— Слушай Нюрка, а это ведь хорошо, что он тебе не нравится, — подмигнув Юльке, заявила Новикова. — А то я бы на твоём месте уже давно с ума сошла от ревности. Вон как на него Нинка вешается, а Катька как смотрит. Как кот на сметану!

— Так она и ревнует, — не унималась Волкова.

— Заткнитесь обе! — рявкнула Аня и уже громко добавила, чтобы услышали все: — Собираемся в семь часов во дворе...

До Москвы ребята так и не доехали. Первыми забили тревогу родители Вовки. Он ничего не придумав лучше, написал в записке правду:

“Поехал в Москву на баррикады”.

Всю компанию сняли с поезда на станции “Волховстрой”. На этом путешествие закончилось. Если бы ребята тогда знали, в какой стране им предстоит жить, как кровью они будут отстаивать своё, и что деньги будут играть большую роль, чем жизнь человека, и что им выпадет не жить, а выживать стали бы они так рваться в Москву? Скорей всего да, потому что-то поколение Аньки ещё воспитывалось на старых понятиях патриотизма.

Эти три августовских дня девяносто первого года стали переломными, для каждой семьи, для каждого человека живущего в развалившемся СССР. Во всей неразберихи ясно стало лишь одно — прежней жизни уже не будет, так же, как и страны. Это было началом чего-то нового, неизвестного и непонятного...

— Ну почему мы никогда не можем поехать в отпуск, как все нормальные люди? Почему я должна каждый раз подстраиваться под тебя? — Людмила Полякова опустила на стул. — В конце концов, я ждала этой поездки целый год. А сегодня ты мне говоришь, что мы никуда не поедem... Я хочу на море!

— Люда! Ты же сама всё прекрасно видишь и понимаешь... Не могу я сейчас уехать. Пока в Москве всё не успокоится, я должен оставаться здесь, — Анатолий Петрович укоризненно посмотрел на жену. — Понимаешь, сейчас решается вопрос, что будет дальше. Останусь я наплаву или...

— Или что? — взволнованна Людмила подскочила со стула.

— Об этом я пока думать не хочу.

— Вот Сергей такой же! Упрямый, всё делает по-своему, ничего мне не рассказывает. Ещё и с этой девицей связался. Вот увидишь, она ещё впутает его в какой-нибудь историю!

— Не говори глупостей. Аня очень хорошая девочка.

— Это хорошая девочка потянула весь класс в Москву на баррикады.

— Ну это ещё не известно кто придумал... Да и вообще у Сергея должна быть своя голова на плечах.

— Какая голова? — Полякова махнула рукой. — Она такая же, как её мамаша, окрутит нашего Сережечку оглянуться не успеem. Яблоко от яблони недалеко падает. Тебя так же окрутила её мать — Зинка.

Алик тут же взбесился от этих слов, презрительные высказывания о женщине, которую он любил и любит всю жизнь, ранили его до глубины души. Никто не смел так говорить о Зине! Она его слабое место, Людмила знала об этом и специально нажимала на эту мозоль.

— Помолчи женщина. А то окажешься на улице.

Людмила испуганно покосилась на мужа, она поняла, что перегнула палку, но ни капли, не сожалела об этом. “Пускай ему тоже будет больно как мне”, - решила Полякова. Всю жизнь она мирилась с тем, что в их семейной жизни присутствует эта женщина. Люда была готова и дальше так жить, только бы находиться рядом с Аликом. Ради него она была готова на всё. Но иногда и её терпение заканчивалось.

— Прости... Нет так нет... значит поедem на следующий год, — женщина старалась казаться спокойной и беззаботной, она сложила руки на коленях и откинулась на спинку дивана.

— Вот и умница, — Алик искоса взглянул на часы, он уже опаздывал на встречу. — И не забудь — Сергей сегодня наказан, никакой улицы! Пускай посидит дома пару дней, книжки почитает, ему будет это только на пользу.

Люда хотела возразить мужу, но его холодный взгляд остановил её.

— Хорошо...

Дождь поливал, заполняя всё пространство над городом. Фонари и светящиеся в соседних домах окна напоминали огоньки гирлянд. Машины проезжая по огромным лужам подымали брызги, обливая грязью редких прохожих.

Алик посмотрел на кисть своей правой руки, на обручальное кольцо с чёрным агатом. Тогда шестнадцать лет назад ему казалось, что он поступает правильно. Ему в те годы вообще все поступки казались правильными. Но, оказывается, всё было совсем иначе.

Женясь на Людмиле, он надеялся забыть Зину. Но так и не смог полюбить жену. Алик

стал, испытывать к ней лишь глухое раздражение. Каждый месяц новая любовница, но всё бесполезно, он не мог забыть любимую женщину. Обманывая сам себя, Анатолий оправдывал собственные измены тем, что не может быть рядом с Зиной.

Алик снова и снова искал повод, чтобы встретиться с ней. А повод часто находился, ведь Зинаида Петровна Кондрашова работала у него на заводе. Поляков считал завод своим, всего лишь через день или два так оно и будет. Это пустая формальность, вот уже пять лет он управлял им на правах заместителя директора. Придуманная должность для отвода глаз.

Всё началось с зоны, куда он попал волею случая и по прихоти судьбы. Алик избил отчима Зины, который постоянно домогался её, получил срок. Там, на зоне, он случайно спас жизнь криминальному авторитету Шоке, вытащил его из горящего барака. И отдал ему свою кровь, подфартило — у них были одинаковые группы.

Благодаря помощи и поддержки Шоки Алик стал теневым хозяином своего города. С тех пор прошло много лет. Теперь Анатолий Васильевич Поляков хотел выйти из криминальной тени и стать бизнесменом. А главной его целью был металлургический завод. Продукты производственной переработки, содержащие драгоценные и цветные металлы — никель, кобальт, золото, серебро, платину, палладий, все они стоили больших денег.

Поляков рассчитывал выйти из-под контроля Шоки, наладить свой канал продажи и тогда можно устранить надоевшего авторитета. Большие деньги “испортили” Алика, сделав жадным и жестоким. Правда, они не валились с неба. Приходилось делать верные ставки, отворачиваться от друзей, давить конкурентов, иногда прибегая к услугам киллера. Но всё окупалось чувством свободы, независимости, могущества и власти, которое могли дать только большие деньги. Благодаря вечным проблемам характер Анатолия закалился, он отсекал лишние сантименты и стал жестоким и безжалостным.

Вошедшая в кафе женщина прервала его мысли...

Зина устала. До мелкой дрожи и боли во всём теле. Провела два дня на даче, выкапывая картошку. “Будь она неладна!”, - мысленно воскликнула Кондрашова, когда новая волна боли отдалась в пояснице. А по приезду домой узнала, что дочка снова попала в историю и только благодаря вмешательству Анатолия Полякова всё обошлось.

Когда-то давно, Зине сейчас казалось, что это было в другой жизни, у них с Аликом был роман. Потом Анатолий попал на зону из-за её отчима. Из тюрьмы она его не дождалась, вышла замуж за другого. А что ей ещё оставалось? Куда она могла убежать от отчима, у которого теперь были развязаны руки, ведь единственный защитник в тюрьме...

Зинаида знала, что Анатолий по-прежнему её любит, да и она любила его, но упрямо отвергала все его ухаживания и уговоры развестись с мужем. Зина ничего не собиралась менять в своей жизни. Она её устраивала во всех отношениях.

Только вот сейчас женщина не могла понять — зачем пошла на встречу с мужчиной, которого давно вычеркнула из своей жизни.

— Нам надо поговорить, — бросил Алик в трубку. — В семь в кафе на “Зелёной”, - и повесил трубку, чтобы она не успела отказаться.

И вот Зина в кафе.

Анатолия она увидела сразу. Зинаида подошла к столику, за которым сидел он, и присела на диван, напротив.

— Здравствуй...

— Привет, — ответила она, упорно отводя глаза от его цепкого взгляда.

— Я рад... нет я счастлив, что ты пришла...

— Алик... не надо вот этих не нужных комплементов и всего остального...

— Прости... Я просто очень хотел увидеть тебя, — вдруг с жаром заговорил Поляков, накрыв руки Зины. — Завтра я стану хозяином завода. У меня будет много денег...

— Вот, значит, как, — вырвав свои пальцы из его рук женщина, помотала головой и горько посмотрела в полыхающие возбуждением глаза Анатолия. — Значит, всё, что происходит с заводом твоих рук дело? Значит, всё ради денег?

— Зиночка... Я не понимаю, в чём ты меня обвиняешь?

— Ты играешь людьми, оставил полгорода без работы. Люди сидят без денег, а всё это для достижения твоей цели? А я отказывалась верить слухам... Нет... я любила совсем другого Алика. Ты — не он! — женщина встала, чтобы уйти. — Ты мразь!

— Успокойся! — холодно приказал Анатолий. — Сейчас ты поедешь со мной. Это не обсуждается!

Он схватил Зину за руку и потянул к выходу из кафе...

Анатолий остановил машину в их дворе. Он сидел, барабанил пальцами по рулю, не решаясь заговорить. И только тогда, когда Зина потянулась к ручке дверей, Алик словно очнулся, перехватил её пальцы, развернул Кондрашову к себе лицом, решительно обнял, прижимая к себе, а потом, взяв её лицо в ладони, поцеловал.

Этот поцелуй был такой яркий, сильный, как будто они всю жизнь только этого и ждали, ради этого жили. Вот теперь наконец-то всё правильно, как и должно быть.

Анатолий, не прерывая поцелуя, расстегнул пуговицу на кофточке Зинаиды.

— Нет! — женщина вырвалась из его рук, размахнулась и вlepила Полякову пощёчину.

Зина вышла из машины, громко хлопнув дверцей, и только дома, закрывшись в ванной, разрыдалась...

Глава третья

Этот день — седьмое октября для большинства жителей небольшого городка, где жила Аня не выделялся ничем. Обычный осенний, холодный день, который потом сольётся с остальными такими же. Только для Анны он был особенным.

День рождения полагается считать праздником. Большой стол, на котором салат оливье, натёртая морковь с чесноком, селедка под шубой, на горячие — котлеты по фирменному рецепту мамы и непременно торт “медовик”. Но ничего этого сегодня не будет, так же, как и подарков. На пиршество у семьи Кондрашовых не было денег.

Аня остановилась у школы, поправила локоны волос. Не зря она промучилась всю ночь на бигудях, новая причёска слегка изменила её внешность — светлые локоны, обрамляющие лицо, подчеркнули большие серые глаза, от чего сделали облик Аньки запоминающимся.

— ... его убили! — услышала Кондрашова сквозь свои грустные мысли, последние слова из бесконечного монолога подруги.

— Кого убили?

— Игоря Талькова! Ты что не слышала?

— Нет...

— Вчера на концерте в Санкт-Петербурге во Дворце спорта “Юбилейный”.

В дни августовского путча Игорь Тальков пел на Дворцовой площади. Его песни “Война”, “Я вернусь” немного грубые, но идущие от сердца стал для многих Россиян больше

чем просто запоминающиеся тексты. Они затрагивали душу, в них не было затёртых слов, только чёткость изложения мысли, мысли бунтаря.

— Жалко... хорошо пел... — расстроено проямлила Аня, заходя в школу.

— Не просто хорошо, а так... Вот в каждом слове правда. Ты знаешь, как его называют? Кондрашова помотала головой.

— Совестью России! — Юлька повесила пальто на вешалку.

— А кто убил? — Аня провела замёрзшими ладонями, по клетчатой юбке, купленной в секунд-хенде.

— Да, там какой-то скандал был. Вроде Азиза замешана.

— Азиза?

Девочки стали подниматься вверх по ступенькам.

— Привет Нюрка! — бросил Сергей, несясь вприпрыжку вниз. — Новая причёска? Тебе идёт. С днём рождения!

— Спасибо, — пробормотала Анна.

— Поляков ты куда? — насупилась Юлька.

— За ключом от кабинета Кларисса послала.

Аня села, одёрнула юбку, закрывая колени. Не привыкла она к такой “свободной” одежде. Только в этом году разрешили свободную форму, и тут сразу же возник вопрос — что одеть? Раньше все проблемы заменяла строгая школьная форма, а теперь хотелось выглядеть не хуже одноклассниц.

Истошно зазвенел звонок, оповещая о начале урока. Кларисса Дмитриевна вошла в класс.

— Садитесь, — велела она, подходя к учительскому столу. — Первую часть урока мы посветим вашим сочинениям. И начнём мы с работы Кондрашовой.

Кларисса Дмитриевна замолчала и через несколько секунд продолжила:

— Кондрашова тебе разве неизвестно, что Булгаков — писатель упадочнический? Его религиозная пропаганда звучит в каждой главе книги “Мастер и Маргарита”. А ты выбрала именно её.

— Кларисса Дмитриевна тема сочинения была — “Любимая книга”. А моя любимая книга “Мастер и Маргарита”. И нет там никакой пропаганды. Просто Булгаков по-своему интерпретировал Евангельские события. Он именно так истолковал идеи Льва Толстого о “непротивлении злу насилием”, вводя в романе именно такой образ Иешуа. Может вас смущает, что он открыто, критикует советский строй? Ну так мы же живём в свободной стране, где каждый имеет право на своё мнение.

— Так... — протянула учительница. — Значит дерзим...

— Всего лишь высказываю своё мнение, — Кондрашова понимала, что идёт на провокацию. — Мне больше нечего вам сказать, — ответила она. — Вы боитесь отступить от программы. А Михаил Булгаков есть и остаётся для меня самым лучшим писателем.

— Всё дискуссия закончена. Сядь на место. Два!

— Кондрашова абсолютна права, — вдруг сказал Сергей, вставая со своего места. — Роман очень интересный. И насчёт темы Кондрашова тоже права.

— Что за реплики Поляков? Вы своё мнение выскажите, когда я вас вызову!

— Кларисса Дмитриевна, вы не правы...

— Садись, Поляков! Я поговорю с тобой потом! — учительница раздраженно кинула на

стол Ане тетрадку.

Сергей и Аня продолжали стоять. Протестуя всем своим видом.

— Я, кажется, сказала, чтобы вы сели!

— Наша дискуссия ещё не закончена! — с вызовом ответил Поляков.

Весь класс молчал, все понимали, что назревает скандал, но никто вмешиваться не решался, боясь Клариссу Дмитриевну.

— Ты собираешься со мной спорить? — резко спросила учительница.

— Вы несправедливы и необъективны! Прочтите вслух сочинение Кондрашовой, и пускай класс решит, какую ей поставить оценку.

— Так... — Кларисса Дмитриевна напряжённо обвела глазами затихший девятый “А”. — Поляков и Кондрашова пошли вон! — ледяным голосом проговорила она.

Аня выпрямилась и с гордо поднятой головой подошла к дверям и лишь там обернулась и поймала на себе взгляд учительницы. Холодный, неприязненный и злой. Девочка хмыкнула и вышла из кабинета. За ней поспешил Поляков.

— Зачем влез? — Анна села на подоконник.

— Хотел помочь...

— Помог?

Сергей засопел, встал напротив Кондрашовой, она болтала ногами и с улыбкой наблюдала за ним.

— Нюра ты очень рассердишься, если я... — вдруг смотря Ане в глаза, сказал он. — Нет, ... забудь...

— Что? — насторожившись, тихо спросила Анечка.

— Да так... ничего, — отмахнулся Сергей, отходя в сторону. — Ерунда.

Кондрашова слезла с подоконника и подошла к нему.

— Ну же?

— Можно тебя поцеловать?

Аня молчала, а Сергей чувствовал себя неудобно. Она смотрела на него, мучимая выбором, что делать — разрешить или вклеить пощёчину. Анька не один раз представляла себе их первый поцелуй, и всё гадала, как это будет?

— Можно, — одними губами сказала она, неожиданно для себя.

Поляков набрал побольше воздуха, наклонился. Анна подалась к нему, подставляя туго сжатые губы. Он прижался к ним своими губами, одной рукой привлекая её к себе за плечи. Его атака была стремительной, но не то чтобы совсем неожиданной. Кондрашова слышала стук сердца только вот своего собственного или Сергея она не могла понять.

Поляков всё сильнее неумело прижимался к её губам. Они целовались долго, так казалось Аньке. Ей было хорошо, приятно... а от его модного свитера “BOYS” шёл такой жар, что девочке казалось, что она может обжечься.

— Пусти... — Аня оттолкнула Сергея, а он тяжело вздохнул и отступил назад.

— У тебя бьётся сердце? — шепотом спросил он.

— Мне страшно... — честно призналась Анька, дрожа всем телом от новых ощущений. — Со мной что-то происходит...

— Давай ещё разочек...

— Обойдешься!

Но Сергей отступить не собирался.

— Можно я тебя домой после школы провожу?

— Можно. Если поможешь в одном деле, и приставать больше не будешь...

— Эй ты, коза! — Сергей медленно поднялся со своего места. — Я сейчас тебя воспитывать буду!

Аня лишь успела пискнуть и нырнуть за парту, стоящую перед учительским столом. Разгневанный Поляков, опрокидывая стулья на своём пути, наступал на неё. Он рванул парту на себя и с неё полетели учебники на пол.

Анька изловчилась и прошмыгнула под растопыренными пальцами Сергея. Метнулась к столу учителя. Всё это время девочка прижимала к себе дипломат с тетрадками.

— Врёшь не уйдёшь, — рычал Поляков фразой героя из книги Толстова, продолжая надвигаться на одноклассницу.

Анька вновь оказалась под столом. Девочка заметалась на месте, дальше бежать было некуда. Она посмотрела на сумку Клариссы Дмитриевны и с ядовитой улыбкой крикнула, вторя Полякову:

— Врёшь не возьмёшь!

— Ну как? — прошептал Сергей, он уже успел обежать стол и нависал над Кондрашовой. — Всё получилось? Попалась!

— Ага, — Анька закрыла молнию на сумке Клариссы Дмитриевны. — Чего там делают остальные? Пощади!

— Собирают свои вещи с пола, и тут же театрально для остальной публики завопил: — Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

— Спасибо... — Кондрашова ещё что-то хотела сказать, но не успела, прозвенел звонок на урок.

Дверь класса открылась, впуская Клариссу Дмитриевну. Девятый “А” быстро разбежался по своим местам. Аня и Сергей тоже успели сесть за парты. Только Женька Ананьев не успел, он остался около доски с мелом руке.

— И что тут такое происходит? Ананьев, ты забыл, где твоё место? — от холодного голоса учительницы Женька попятился назад и припечатался к доске.

Журнал с грохотом опустился на стол.

— Ананьев ты ещё здесь?

Женька быстрым шагом направился на своё место. А весь класс затаился. Кларисса Дмитриевна была не в настроении.

— Кондрашова к доске.

Аня медленно поднялась.

— Зачем? — на лице Аньки появилось недоумение.

— Отвечать домашние задание.

— Так вы же меня спрашивали на прошлом уроке...

— Ну и что же, что спрашивала, — строго сказала Кларисса Дмитриевна.

— А что, теперь только меня спрашивать будите? А я поняла! Это так вы мне мстите за то, что я не соглашаюсь с вашим мнением...

— Не хами! Иди к доске.

Аня отделилась от парты и медленно пошла к доске. Она остановилась и повернулась лицом к классу.

— Я слушаю, — с усмешкой сказала Кларисса Дмитриевна, поднимая с пола свою

сумку.

Как только она открыла сумку, оттуда выскочила крыса. Женщина с криком вскочила на стул ногами. Она несколько минут надрывала голосовые связки, истошно визжа от страха, а ученики бегали за грызуном, пытаясь его поймать.

Ножки стула подогнулись и с треском сломались, не выдержав веса Клариссы Дмитриевны...

— Кто? — тихо спросила директор школы, обводя девятый “А” строгим взглядом.

Ольга Борисовна терпеть не могла, когда в её школе происходили ЧП. А в девятом “А” они происходили регулярно и виной тому всегда становились два ученика, которые и в этот раз скорей всего были причастны к последнему происшествию.

— Кто это сделал? Кто довёл Клариссу Дмитриевну? Кто подложил ей крысу?

Если б директриса кричала или громко говорила, угрожала, всё было бы проще. От её совершенно спокойного тона у всего класса в жилах вся кровь сворачивалась в комочек страха.

Класс молчал, не было обычного шума, сопровождаемого смешками, не было острот и реплик, не было невзначай сброшенных на пол ручек. Молчание затягивалось, в кабинете стояла мёртвая тишина.

Аньке казалось, что именно сейчас можно было ощутить это слово — “мёртвая” в полной мере. В такой тишине слышно было, как в соседнем классе стуча мелом по доске, торопливо пишут.

Тридцать застывших учеников встревожено смотрели на директрису, пока она размышляла, как поступить.

— Я! — звонко сказала Аня.

— Я! — повторил за ней Сергей, поднимаясь со стула.

Вздых облегчения прокатился по рядам.

— Я устала от ваших диких выходов, — Ольга Борисовна отвернулась к окну. — Дневники ко мне на стол.

Класс загудел, переваривая новое происшествие.

Два дневника легли на учительский стол...

Анька переживала смешанную гамму чувств. В ней бунтовало всё. А возмущение зашкаливало — опять родителей вызывали в школу. “Что собственно говоря она сделала? Ну, подумаешь, сунула в сумку Клариссе крысу. Так она сама виновата...”

— Можно к тебе в гости напроситься? — влез в её мысли Сергей.

Поляков стоял рядом, держа Анькин дипломат. “Конечно!” — едва не крикнула она, но вовремя опомнилась.

— Перебьёшься! — спокойно ответила Аня, открывая ключом дверь.

— Пусти, а? — Сергей решительно шагнул в квартиру.

— Сказала же — перебьёшься! — Кондрашова выхватила у Полякова свой дипломат и вытолкала его обратно на площадку, захлопнула дверь. У девочки дрожали колени, и чтобы не упасть она подошла к тумбе, стоящей в коридоре и села на неё.

Сергей опустился на пол, прижался спиной к двери и громко рассмеялся. Анька снова обвела его вокруг пальца, он стал её сообщником, а в награду она позволила всего лишь донести свой дипломат до квартиры. А он — то ждал нового поцелуя.

— Осёл! — усмехаясь, пробормотал Поляков. — Но ничего. Будет и на моей улице праздник.

Зинаида никогда не была верующей, но что-то опустилось в груди, когда терапевт выписала направление на приём в онкологический диспансер. Зине захотелось помолиться попросить у Бога ещё немного времени.

Женщина провожала глазами проходивших по узкому коридору людей с потускневшими грустными глазами. Сегодня ночью она не спала совсем, и утром терзаемая сомнениями и переживаниями совершенно забыла о дне рождении дочери. Все мысли были только о возможной болезни.

Болезнь налетела внезапно. К такому повороту Зина не была подготовлена.

— Вы Кондрашова? — в дверном проёме кабинета стояла женщина лет сорока в белом халате.

Не в силах, что-либо ответить, Зинаида только кивнула.

— Проходите...

Женщина вошла в кабинет, протянула врачу карточку и села на стул.

— Вам надо лечь к нам, — просматривая карточку и результаты анализов, пробормотала врач.

— Но ведь у меня не рак? — с надеждой спросила Кондрашова. Ещё были сомнения — вдруг это ошибка.

— Вы пока не пугайтесь... мы сделаем операцию, глядишь и всё обойдётся. Главное, что вы вовремя пришли, — принялась её успокаивать врач, исписывая страницы в истории болезни. — Завтра вы поступите к нам, а операцию сделаем в понедельник.

— Как завтра? Я не смогу завтра...

— Дорогая моя, я не советую вам затягивать. С каждым днём шансов на положительный исход остается мало. Так что подумайте...

— Доктор, но я не могу... — Зинаида всхлипнула.

— Только вот мне слёз ваших и не хватало, — устало возмутилась врач. — Ну ладно, не можете завтра, приходите послезавтра.

— Спасибо, — промямлила Зина и поторопилась к выходу из кабинета.

Только на улице невероятное облегчение прокатилось по всему телу Зинаиды, и тут же сменилось растерянностью и страхом. Сердце заколотилось, пульсируя в ушах звоном. Ей надо было всё обдумать и осознать, понять, как быть дальше.

Зина обессилено села на скамейку, закрыла лицо руками.

— Я там умру, — прошептала она, вынося себе приговор.

Очередной телефонный звонок застал Анатолия на кухне, где он в одиночестве расправлялся с борщом. Бросив в тарелку ложку, он направился в гостиную — там стоял телефонный аппарат.

— Слушаю, — грубо сказал Поляков в трубку.

— Здравствуй Алик... — прозвучал тихий женский голос.

— Зина? — сердце Анатолия заколотилось.

— Да... мы можем встретиться?

— Сегодня? — Поляков практически не дышал.

— Лучше завтра... на нашем месте... около волейбольной площадки... в девять

вечера...

— Что-то случилось?

— Нет... просто я хочу увидеть тебя... До завтра...

Глава четвёртая

Аня пребывала в мрачном расположении духа с самого утра. Точнее с того момента как открыла глаза и увидела на стуле, рядом со школьным платьем, тёплые, голубые байковые трусы-пantalоны с начёсом.

Схватив pantalоны, Анька в одной сорочке ринулась на кухню.

— Мама! Я уже не маленькая чтобы носить вот... вот это — девочка брезгливо помахала pantalонами.

— На улице холодно, — невозмутимо сказала Зинаида. — Пора носить тёплое бельё.

— Когда же это закончиться? Для тебя я всегда буду маленькой! А мне стыдно в этих уродских штанах ходить. У нас в классе из девчонок никто их не носит, только я...

— Мня, не волнуют другие. Ты мой ребёнок и я забочусь о твоём здоровье, а за другими пускай следят их родители! — мама была строга и непреклонна. — Давай не капризничай, иди, мойся и завтракать.

— Ну, за что мне такие мучения! — с отчаянием в голосе воскликнула Аня, сдерживая слёзы. — За что?

— Ты мне потом ещё спасибо скажешь.

— Ага... — всхлипнула Анька, удаляясь к себе в комнату. — Ещё и какое...

— Выросла девочка, совсем взрослая стала... — тихо пробормотала Зинаида, украдкой вытирая слезу.

Завтракали в полной тишине. Михаил Михайлович как обычно читал газету, помешивая песок в чашке. Зина суежилась у плиты. Анька всё ещё дулась на мать, недовольно поглядывая в окно.

— Спасибо, — бросила Аня, вставая со стула.

Зинаида подставила щеку для поцелуя, но дочка прошла мимо.

— Чего это она? — спросил Михаил, отрывая глаза от газеты.

— Pantalоны.

— А-а, — протянул Кондрашов, поняв, в чём суть раздора между женой и дочерью.

— Я ложусь в больницу.

— Что-то серьёзное? — встревожился он.

— Обычное обследование.

Зинаида не хотела пугать мужа.

— Точно?

— Не беспокойся, неделя максимум десять дней, — Зина чмокнула мужа в щеку.

Аня выскочила за дверь. Спустившись на лестничную площадку этажом ниже, швырнула дипломат в угол, задрала платье и подтянула pantalоны вверх до предела. Резинки больно врезались в тело, но красота требует жертв. Поправив подол, Анька взяла дипломат и быстрым шагом пошла вниз по ступенькам.

За углом дома её ждал Сергей. Уже неделю они не разговаривали. Аня, сделав вид, что

его не заметила, ускорила шаг.

— Привет, — сказал Поляков, догнав Кондрашову.

— Привет, — как можно безразличнее ответила она, не сбавляя шага.

В школу они прибыли на вполне приличном расстоянии друг от друга.

День тянулся. Казалось, что уроки идут не по сорок пять минут, а по два часа. На истории Аня то тяжело вздыхала, то зевала в ожидании звонка. Она помотала головой, пытаясь хоть как-то настроиться на урок, перевернула страницу учебника.

Юлька придвинулась по скамейке к ней и зашептала:

— Нюрка, ты физику сделала?

— У Шустровой скатала, — ответила Анька. — Юлия Сергеевна! Неужели ты не сделала домашку?

— Не успела... Что я не человек что ли?

— Ты не человек! Ты Юлия Сергеевна...

— Хватит! Дай списать...

— И мне... — попросил Женька, ткнув Аню в спину карандашом.

— Волкова, Кондрашова, Ананьев! Делаю вам первое замечание и ставлю точки в журнал, — предупредил Юрий Константинович Палтусов, учитель физики. — Кондрашова, после уроков будешь строить глазки Ананьеву. Он и так при виде тебя хвостом виляет.

Весь класс засмеялся. С разных сторон посыпались комментарии ребят.

— А я тут причём? Я у Кондрашовой только ручку спросил, — с невинным видом возмутился Ананьев, открывая перед собой на парте дипломат. — Ручку дома забыл, писать в тетрадке нечем. А на Кондрашову вообще не смотрю, — Женька спрятал красное лицо за чемодан.

— В таком случае в конце урока сдашь мне сою тетрадь.

— Несправедливо! Пускай, Кондрашова и Волкова, тоже показывают свои записи — нагло заявил, высовываясь из чемодана Женька.

— Ананьев сейчас твоя точка превратиться в двойку.

— Не-не-не! ... — парень убрал с парты чемодан и открыл тетрадку. — Я уже пишу...

— Откройте учебники на странице двадцать, читаем новый параграф... Пока Елисеев пишет на доске домашние задание.

— Кондрашова, — услышала Аня за спиной приглушённый голос Женьки.

— Ну что опять? Дам я тебе списать... после Юлии Сергеевны.

— Да я по-другому... Это тебе, — он протянул записку.

Анька положила на коленки сложенный листок бумаги, развернула его и, узнав корявый подчерк Полякова, затаив дыхание прочитала:

“Что ты делаешь сегодня вечером?”.

Кондрашова покосилась в сторону Полякова, он сидел на последней парте, через ряд от неё. Сергей хитро улыбнулся и подмигнул ей.

— О! — восторженно зашептала Юлька, заглянув в записку, через руку подруги. — Поляков созрел для свидания...

“Ещё не знаю, но скорей всего буду занята, важными делами”, - написала Анька на том же самом листке и передала его обратно. Пойти очень хотелось, только вот соглашаться так быстро она не собиралась.

Через некоторое время записка вновь вернулась к ней. Аня развернула её дрожащими

руками.

— “Может, в кино пойдём? Там сегодня будет классный боевик. Или тебя, как маленькую, в девять часов после “Спокойной ночи, малыши”, спать загоняют?”

— Ну, вот ещё! — презрительно фыркнула Анька.

— Что там? — любопытство Юльку распирало. — Покажи! — потребовала она.

— Кондрашова, Волкова — оборвал их физик. — Нам всем очень интересно, что там у вас.

Прозвеневший звонок спас Аньку. Ученики подскочили со своих мест, но грозный голос Юрия Константиновича остановил их:

— Звонок звенит для учителя! Сели на места, — в классе воцарилась благоговейная тишина. — К следующему уроку прочитаете параграф пять и шесть. По ним будет самостоятельная работа и устный опрос. Сдать тетради с домашней работой. Все свободны.

— Пошли, — позвала Юлька подругу.

— Ты иди. Я тебя догоню, — Аня не спеша убирала учебник в дипломат.

— Ну как знаешь, — Волкова поспешила, за остальными ребятами.

Вскоре кабинет опустел, и Анька осталась наедине с Сергеем.

— Ну, так как насчёт кино? — Поляков пристально наблюдал за неловкими движениями Кондрашовой.

— Когда и где? — небрежно спросила она, ручка выскользнула из рук и упала бы на пол, если бы Сергей не успел перехватить.

— В полдевятого у твоего подъезда.

— Договорились.

— Пойдём, я тебя провожу домой.

— Я сама доберусь, спасибо! — Анька развернулась и пошла к дверям.

— Как знаешь... — Сергей покрутил ручку в руках и словно опомнившись, крикнул: — Нюрка...

Аня выбежала из школы. У самого крыльца болтался Женька Ананьев.

— Нюрка, подожди, нам по дороге! — Женька отбросил сигарету и заспешил за Кондрашовой.

— Ещё один провожатый, — пробормотала Анька.

— Не понял... — разозлился Сергей, догоняя их. — Это ты, меня из-за него отшила?

— Серёга иди я провожу Нюрку...

— Нет, я провожу её...

Поляков и Ананьев со злостью смотрели друг на друга.

— Отстаньте оба! — Аня резко развернулась к ним. — Уйдите с дороги!

Парни расступились, пропуская её. Как только Кондрашова скрылась из виду, Ананьев надвинулся на Сергея.

— Тебе что других девчонок мало?

— Это в прошлом... — Поляков смотрел на него непроницаемым взглядом, лишь только губы расползлись в злой улыбке. — Анька будет моей...

— Я предупреждаю — если ты обидишь Нюрку, дело будешь иметь со мной. Хотя зачем тебя предупреждать? — Женька размахнулся и ударил Сергея кулаком в живот.

Поляков согнулся, но не упал, выпрямился и хотел ударить в ответ. Ананьев среагировал мгновенно. Закрылся руками, отбиваясь, а потом, улучшив момент, когда Сергей потерял бдительность, ударил по ногам.

Поляков потерял равновесие и спиной упал на асфальт, приложившись головой к поребрику. В ушах стоял звон, в глазах мутилось. Женька уже хотел ударить его ногой в лицо, но передумав, протянул руку.

— Мир?

Сергей, проигнорировав ладонь Евгения, с трудом поднялся.

— Ну, как знаешь, — Ананьев вытащил из кармана платок и промокнул разбитую бровь. — Ладно, я домой потопал. В следующий раз не нарывайся, зашибу.

— Да пошёл ты, урод!

Окружённая со всех сторон деревьями скамейка идеально подходила для встречи Зинаиды и Анатолия. В полусотне метров от тайного места находилась волейбольная площадка. Мужчина и женщина стояли напротив друг друга. Они молчали, боясь потревожить или разрушить хрупкие мимолётные минуты встречи, которые подарила им судьба.

Анатолий, будучи выше Зины, смотрел на неё сверху вниз. Он прижимал дрожащими руками к груди красную розу. Зинаида же стояла, о чём-то размышляя. Кондрашова не замечала нерешительности мужчины. А он всё ждал, когда же она начнёт говорить то, что он так хотел давно услышать...

— Посидим немного? Или ты торопишься? — Зинаида, не дождавшись ответа села. Анатолий присел рядом, положил розу на скамейку и обнял любимую.

— Алик... — Зина вдруг резко замолчала.

По волейбольной площадке шли их дети — Аня и Сергей. Мужчина и женщина отпрянули друг от друга, но сообразили, что их не видно затаились прислушиваясь.

— Куда мы идём? Кинотеатр в другой стороне, — недовольно буркнула Анька остановившись. — Полчаса уже болтаемся по улице.

Анатолий снова медленно придвинулся, обнял Зинаиду. Но женщина вырвалась.

— Мы пойдём ко мне, — невозмутимо ответил Сергей и потянул девочку за руку.

— Разбежался! Никуда я не пойду!

— Боишься?

— Ну, вот ещё! Кого мне бояться, тебя что ли?

Девочка перестала упираться и ускоряя шаг направилась в сторону домов, видневшихся за школой. Откинув окуроч, Сергей поспешил за ней.

— Он ещё и курит! — Анатолий недовольно сморщился. — Уши оборву засранцу...

Зинаида, не выдержав, засмеялась. Ей было смешно от слов Алика, от того что они сидят в кустах и подглядывают за своими детьми.

— А знаешь, Анята мне сейчас напомнила тебя. Ты была такая же упрямая и несговорчивая.

Анатолий смотрел в след — сыну и Ане. Он словно видел картинку из прошлого — они с Зинкой так же гуляли после школы по волейбольной площадке.

Зина встала, слишком резко. От её движения роза упала.

— Я зря затеяла всё это...

— Зин, я... люблю тебя... — Анатолий поднялся и подошёл к ней.

— Нет, нет и нет! Я тебе уже тысячу раз говорила, что не буду рушить не твою не свою семью...

— Зин, — мужчина коснулся её шеи.

Зинаида вздрогнула, обернулась и оказалась крепко прижата к груди Анатолия.

— Рушить нечего...

Поляков не хотел торопить Зину, он знал, что по мере развития событий она сама поймёт и сделает правильный выбор. Но находясь рядом с ней, Анатолий терял голову и не мог больше ждать. Он наклонился и поцеловал её.

Алик целовал её долго, прижимая к себе сильными руками. Уронив сумку, Зинаида обняла его за плечи и раскрыв свои губы, прижалась всем телом, как можно теснее, чтобы почувствовать его тепло, чтобы впитать запах его одеколона в свою одежду.

Анатолий оторвался от неё, заглянул в глаза. Он стоял так близко ... очень близко.

“Это бред... я схожу с ума!” — с испугом подумала Зина, а в этот момент Алик поцеловал её снова. Всё закружилось вокруг. И лишь только когда дышать стало совсем нечем, он отпустил Зинаиду.

— Зачем... зачем??? — хриплым шепотом спросила Кондрашова, толи у себя толи у Анатолия.

Он улыбнулся ей, а она не ответила на улыбку, лишь ещё больше стушеввалась и смотрела сквозь него отсутствующим взглядом.

— Прости... Ты хотела о чём-то поговорить?

Зинаида кивнула головой, говорить она не могла.

— Тогда поедem в более спокойное место и там всё обсудим, — Анатолий замолчал, он не знал, как Зина отреагирует на его предложение. Поляков чувствовал, что от того, какое она примет решение зависит очень многое. По сути, всё! Всё, что у них уже сложилось и что возможно ещё сложится. Он надеялся вернуть Зинаиду любым способом, даже силой.

Несколько мгновений она смотрела на него, как будто что-то решая. Поляков видел, что Зинаида уже готова сдаться пойти с ним, но внутренне она себя всё ещё одёргивает, не разрешая себе сделать последний шаг.

Женщина отступила — подальше от соблазна, видимо приняв решение.

— Ты только ничего не придумывай себе. Ничего между нами не будет, — Зина говорила быстро, смотря в сторону. — Мы только поговорим... и всё...

— Как скажешь... — Анатолий поднял сумку и протянул ей. — Как скажешь...

У самых ворот школы Полякова ждал джип. Василий Ромашкин, выполняющий роль охраны и водитель толклись рядом, о чём-то переговариваясь, курили. Дело с заводом подходило к финальной своей части, и Анатолий решил обезопасить себя от неожиданных сюрпризов.

Зинаида расположилась на заднем сиденье, Анатолий сел рядом.

— Глобус двигай к “Северной”, — приказал Поляков.

Зина недовольно сжала губы. Она не думала, что Алик повезёт её в гостиницу. Кондрашова вообще уже жалела об импульсивном поступке. Но с другой стороны — Анатолий обещал, что они просто поговорят. В принципе тогда какая разница, где это будет происходить в тёплом номере или на улице.

Но как только они оказались в гостиничном номере, Анатолий захлопнул дверь, подошёл к ней, сгрёб в охапку...

Фильм Анька почти не запомнила, ей вообще не нравились боевики. Она старалась смотреть на экран, но всё время крутила головой по сторонам рассматривая квартиру

Поляковых, да и Сергей не давал сосредоточиться на фильме.

Уголкем глаз Аня ловила его взгляды на себе. Сергей несколько раз ложил свою руку на её плечо, но Кондрашова каждый раз высвобождалась и отодвигалась.

Сердце Аньки замирало в предвкушении чего-то волшебного. И в один момент, когда девочка уже совсем успокоилась, Сергей вдруг резко развернулся, упёр руки об спинку дивана и навис над ней. Он наклонялся всё ниже и ниже, а Аньки деться было некуда. И когда его губы почти касались её губ, Кондрашова отвернулась.

Губы Полякова прошились по её щеке.

— Отпусти! — потребовала Аня.

Парень усмехнулся и отпустил.

— Ты зачем со мной пошла?

— Кино смотреть. Ты ж сам позвал...

— Знаешь, ты странная... — Сергей наблюдал за ней напряжённо, усмешка исчезла с его лица. — Или ты со мной играешь?

Анька подскочила с дивана и отошла подальше от Полякова.

— Богато живёте, — громко проговорила она, уходя от вопроса.

— Лучше, что ль, бедными быть?

— Лучше... Честнее...

Сергей поднялся, шагнул к ней. Стремительным движением, обнял, прижал к стене и поцеловал.

— Отстань, Поляков, ты обещал, — пробормотала Анька, слабо уворачиваясь, как только он оторвался от её губ. — И вообще мне уже домой пора...

— Рано...

Плохо соображающая, от поцелуев Кондрашова закрыла отяжелевшие веки. А Сергей, не теряя времени, накрыл, очередным затяжным поцелуем, её рот, путаясь пальцами в пуговицах блузки. Он постепенно придвигался к своей цели. И всё бы у него получилось, если бы не хлопнула входная дверь в коридоре.

— Подожди... — отталкивая Сергея, зашептала Кондрашова.

— Ну, что ты? — обиженно забубнил он.

В этот момент на пороге комнаты появилась Людмила Валентиновна.

— Что здесь происходит? — вид у неё был потрясённый. — Шлюха, — выдохнула она, оценив ситуацию.

Сергей, услышав голос матери, оторвался от Аньки, повернул голову и раздражённо выговорил:

— Не смей так называть мою девушку!

— Шлюха, — с горечью повторила Людмила Валентиновна. Она не смотрела на сына, точно его в комнате не было. Женщина не сводила злого взгляда с Аньки.

— Мам, я тебе уже сказал — не смей так называть Аню. И выйди! — приказал сын.

Людмила развернулась и исчезла за дверями комнаты. А Сергей повернулся обратно — лицом к Аньке, прижался лбом к её обнажённому плечу, вздохнул и, подняв голову, отвёл от неё глаза.

— Ладно, пойдём я тебя домой провожу.

Анатолий, не прерывая поцелуя, уложил Зину на кровать. Он совершенно не помнил, как снимал с неё одежду. Толик застонал от чувства освобождения, от того что наконец-то

исполнилась его заветная мечта.

Он прижимал любимую к себе, чувствуя всем телом, как идеально они совпадают телами, как они подходят друг другу. Зинаида — его женщина, Поляков это знал всегда.

Теряя рассудок, Анатолий готов был войти в неё, но тут Зина открыла глаза и прошептала:

— Я люблю тебя...

Поляков прорычал что-то и, не отрывая взгляда от любимой, вошёл в неё...

... Именно таким он и представлял себе рай. Это-то чего не могло быть у него в реальной жизни, это-то, о чём он мечтал и хотел. Какой же это кайф, когда ты можешь отдать всю свою любовь той единственной которой любишь всю жизнь.

Анатолий брал Зинаиду снова и снова, стараясь наверстать упущенное время, годы. Поляков не помнил многое, его словно выкидывало каждый раз, в тот момент, когда они оба одновременно достигали пика наслаждения и летели в бездну счастья, своего маленького рая. Каждый раз он прибывал в пространстве вне времени, в другом измерении... в рае...

Зине хотелось запомнить всё — каждую мелочь, каждый вздох, слово. Всё что происходило между ней и Анатолием в это вечер, чтобы потом в больнице вспоминать эти моменты. Но время быстротечно и сказка закончилась...

Зинаида поднялась, её взгляд остановился на теле Толика. Вся спина в шрамах, в отверстиях от пуль, ожогах.

— Что это? — женщина провела пальцем по самому большому шраму.

— Издержки профессии, — Полякову не нравилось, что они затронули эту тему.

Он повернулся на спину, дёрнул её за руку.

— Теперь-то ты уйдёшь от мужа?

— Нельзя...

— Почему нельзя? Почему, чёрт побери? — заорал Анатолий. — Только не надо мне опять впаривать про то, что ты не хочешь рушить две семьи...

— Не ори, пожалуйста... Есть множество причин... И дело уже даже не в семьях...

Зинаида встала, обернулась в простыню, пошла в ванную.

Она долго стояла под душем и даже не хотела анализировать, что только что произошло. В данный момент она принимала ситуацию такой, как она есть. Теперь Зина наслаждалась каждым мгновением, каждой секундой подаренной ей жизнью. Она старалась не думать, что будет дальше, ей не хотелось тратить на это драгоценные минуты.

— Господи, благодарю Тебя... — прошептала Зина.

Она закрыла воду, вышла из душа, обмотала полотенце вокруг тела и вышла из ванной. Анатолий был уже одет.

— Ты хотела поговорить?

Зинаида сразу напряглась. По-видимому, Поляков что-то почувствовал, подошёл к ней заглянул в лицо.

— Говори, — немного грубо приказал он, расценив её испуг по-своему.

— Дай мне слово... нет не так... — Зина замолчала, подбирая нужные слова. — Мне предстоит тяжёлая операция... Сложная... Я не знаю, что будет дальше, смогут ли мне помочь врачи... Я бы очень хотела, чтобы всё закончилось хорошо...

Она вспомнила слова врача:

— С каждым днём шансов на положительный исход остаётся мало...

Анатолий крепко прижал её к себе.

— Зина я не понимаю...

— Я чувствую, что операция не поможет... Алик... у меня рак...

Анатолий замер.

— Я не дам тебе уйти сейчас, когда ты наконец-то стала моей! Ты слышишь меня я найду врачей... В Израиле, в Германии... мы поедим в Израиль, там тебя вылечат...

— Никуда мы не сможем поехать, ни в какой Израиль... Ничего не надо... Я прошу тебя только об одном — поклянись, что, если со мной что-нибудь случится ты не оставишь Аню. Ты поможешь ей... когда она будет нуждаться в помощи...

Он прижался лицом к её лицу, чтобы она не увидела его слезы. перевёл дыхание, поднял голову и заглянул ей в глаза.

— Я всё сделаю, — смерившись, прошептал Поляков.

Аня ложкой мешала в чашке песок, смотря в стенку невидящим взглядом, и улыбалась.

— Ты влюбилась? — невесело спросила Зинаида, отвлекая дочь от мыслей. — Не надо тебе с Сергеем встречаться. Это только в кино всё красиво, а в жизни... а в жизни сказок не бывает, так же, как и принцев. Не выйдет у вас ничего, слишком разные вы... Да и Людмила не позволит...

Аня нахмурилась.

— С чего ты взяла, что в Сергея?

— Видела вас...

— Да нет, я не влюбилась, — Анька насторожено посмотрела на мать. — Он только меня до дому проводил.

— Доченька, я тебя очень люблю и хочу, чтобы ты была счастлива...

И больше не сказав не слова, Зинаида убрала со стола грязные чашки, вышла из кухни.

Глава пятая

Он прохаживался по пустому коридору и ждал. Только это теперь и оставалось. За эти два года Анатолий так и не смирился с неизбежным. Он не хотел верить, что Зинаиде уже ничего не поможет. Слишком больно было терять её вновь. Мир вокруг него словно перевернулся, Поляков смотрел на всё безразличным взглядом и даже деньги, которые он так любил, утратили былую ценность.

Его многодневная небритость и уставший вид бросались в глаза окружающим. Но на Полякове неизменно всегда была кожаная чёрная куртка, строгие классические брюки и белая рубашка. Внешне он никак не проявлял свою боль и тоску, хотя в душе всё сжималось от ожидания худшего. Не привык Толик демонстрировать свои чувства. Только с Зиной он мог быть настоящим — любящим мужчиной, способным на искренние чувства и поступки, а для окружающих он оставался холодным, равнодушным — Поляковым Анатолием Васильевичем.

Анатолий ушёл из семьи забыл про жену, про сына. Каждый день в белом халате, с ворохом пакетов он несся по коридору, боясь не успеть. И как только приближался к палате номер три, страх поднимался огромной волной, накрывая сознание. Поляков застывал на месте, а потом бесцельно бродил по коридору так и не решившись открыть дверь.

День за днём Зинаида становилась всё бледнее, она уже с трудом говорила, ходить не могла, силы её покидали. За два года она превратилась из красивой женщины в живой труп. Прозрачная серая кожа, чёрные круги под глазами, потрескавшиеся губы. Безволосую голову прикрывала белая косыночка. Анатолий чувствовал, что она уходит от него, теперь уже навсегда, туда, откуда он не сможет её вернуть никогда.

Он чувствовал яростный протест, который почти лишал рассудка. Алик не мог, не в силах был удержать ту, которою любил всю жизнь...

Поляков затряс головой, пытаясь отогнать от себя грустные мысли. Он с беспокойством кинул взгляд на белую дверь, а потом на пустой коридор.

— Анатолий Васильевич, — окрикнул его молодой врач и заспешил к нему из другого конца коридора. — Вы к Зинаиде Петровне?

Поляков пожал протянутую ладонь и, не произнеся не слова, кивнул головой.

— Сегодня ей лучше...

— Доктор если нужны ещё лекарства только скажите.

— Ну, мы же с вами говорили на эту тему. Зинаиде Петровне уже ничего не поможет...

Анатолий понимал, что врач прав, но как не хотелось в это верить. Профессора, которым Поляков показывал Зинаиду говорили тоже самое.

— Сегодня ей лучше...

— Временная ремиссия ничего не значит. Так уже было и не один раз. Сегодня болезнь спит, а завтра начнёт распространяться снова — и Зинаида Петровна умрёт.

Поляков изменился в лице, такая откровенность была ему совсем не по душе. Он схватил врача за ворот халат и прижал к стене.

— Вы должны сделать всё, чтобы спасти её... Она не должна умереть!

— Я сожалею и вновь вам повторяю — ничего нельзя сделать! — врач с испугом смотрел на Алика. — Смиритесь.

— Доктор, а разве с этим можно — смириться? — зло, повышая голос, выпалил Анатолий и отпустил врача. — Вы бы смирились?

— Не знаю... — он опустил глаза, печально покачал головой, отступил на значительное расстояние от Полякова. — Я слишком часто вижу смерть. И как бы это жестоко не звучало, я к этому привык, — молодой доктор повернулся и быстрым шагом, не оборачиваясь, пошёл по коридору.

Анатолий решительно взялся за ручку, толкнул дверь и стремительно зашёл в палату...

Зинаида умирала тяжело, из последних сил цепляясь за жизнь со свойственным ей упрямством. От мучительных болей её могла избавить только смерть, обезболивающие уже не помогали. Но пока Зина не собиралась уступать смерти, она должна была успеть сделать самое главное, что ещё оставалось в этой жизни, — рассказать всю правду и лишь потом закрыть глаза навсегда.

Кондрашова долго не решалась на это “изливание души”, ждала подходящего момента и вот он настал. Зинаида точно знала, что сегодня она умрёт. Какое-то внутреннее чувство ей это подсказывало и сон. Ночью во сне она видела отца, он звал её с собой.

У кровати сидела Аня, она гладила мать по руке, обводя взглядом, тускло освещённую палату.

Палата, конечно, была не фонтан. Облупленный потолок, стены грязные, с окон

сифонил ветер, по тумбочке с висящей на одной петле дверцей, бегал жирный таракан. Воздух пропах смертью, дезинфекцией. Один плюс Зинаида Петровна здесь лежала одна. Всё благодаря заботам Полякова старшего. Уж что их связывало с матерью, Анька не знала, а спросить не решалась.

— Мамуль сейчас должен подойти Анатолий Васильевич, — Аня точно знала, что отец Сергея придёт, он всегда приходил. — Он посидит с тобой, а я на часик сбегаю домой.

— Уроки... — с трудом выдохнула Зинаида.

Угнетённая болезнью мамы Анька совсем забывала об уроках. Она давно хотела бросить школу. Слишком много всего свалилось на её хрупкие плечи — домашнее хозяйство, уход за Зинаидой, пьющий отец.

Выход нашёл Анатолий — предложил Нюрке перейти на домашние обучение. Он же и договорился с завучем и директором. Теперь Аня должна была приходиться в школу только для сдачи экзаменов и написания контрольных.

Анька научилась всему — готовить, убирать, стирать, вести хозяйство, экономя каждую копейку. Ухаживать за больной мамой. При этом девушка умудрялась всё это совмещать с работой в больнице и учёбой. Денег не хватало.

— Ты не переживай, успею. Алинка и Юля помогут.

— А Сергей?

Анька пожала плечами.

— Он занят... Мне так Алина сказала.

— Доченька, не верь Алине... хитрая она, — Зинаида накрыла ладонью руку дочери. — Женской дружбы не существует... — женщина тяжёло вздохнула. — Я всё ждала, когда же ты спросишь у меня про Анатолия Васильевича. Тебе, наверное, кажется странным, что он помогает деньгами, приходит ко мне каждый день?

— Я думала, что ты сама расскажешь, когда придёт время.

— Я умираю. Конечно, все мы умрём, но я знаю точно, сколько осталось мне... Это произойдёт сегодня. Мне совсем не страшно. И ты не плач. Не смей! — Зинаида строго посмотрела на плачущую дочь. — Времени осталось очень мало и глупо его тратить на слёзы, страхи, сожаления.

Она замолчала, боль снова вернулась и только когда отступила, Зина продолжила:

— Я всегда любила только Анатолия, да и сейчас люблю. Твой отец очень замечательный человек и с ним я была счастлива, но сердцу не прикажешь... Я виновата перед Толиком и Михаилом... Не знаю, что сказать, как тебе объяснить, чтобы ты поняла... Понимаешь, каждый человек может ошибиться, особенно в молодость. Молодо — зелено.

Зинаида смотрела в окно невидящим взглядом. Её шершавая рука вцепилась в тоненькую руку дочери. Аня поняла, что новая волна боли накрыла мать. Девушка сидела и ждала, когда мама продолжит свой рассказ.

Несколько минут Зина лежала безмолвно и неподвижно. Ноги её онемели от ступней до колен. Всё тело омертвело, жизнь выдавали лишь глаза и губы. Но Зинаида боролась, скрежета зубами. Рано ещё...

— Анатолий из-за меня попал в тюрьму. Вступился. Я его не дождалась. Очень страшно было... я осталась совсем одна. После суда над Толиком, мать выгнала меня из дома. Она предпочла поверить словам отчима и Людмилы. Эти двое так вымазали меня в грязи, так исказили правду, что я ничего не могла сделать. Вот тебе и лучшая подруга!

— Людмила — это мама Сергея? — ошеломлённо спросила Аня.

— Да. Когда-то мы были лучшими подругами, — сердце Зинаиды готово было разорваться от боли. — Когда-то... Не умела я разбираться в людях, в голове сплошной юношеский максимализм, розовые очки. Людмила преследовала свои цели. Ей нужен был Анатолий. А отчиму жилплощадь. Я осталась на улице без средств к существованию, без жилья, — она откинулась на подушку, чтобы перевести дыхание. — Я обещала себе, что обязательно дождусь Алика, но время работало не на нас... Тяжёлая работа, учёба в вечерней школе, общага и внезапно обнаружившаяся беременность. Всё навалилось как снежный ком. И я не справилась, сломалась. Твой отец появился в моей жизни как нельзя вовремя. Он пришёл на наш завод сразу после того как отслужил в армии... Михаил всё устроил — скрыл мой позор, женился на мне.

— А ребёнок?

— Умер. Это был мальчик с карими глазами. Я видела его только раз, сразу после рождения. А ночью он умер. Недоношенный. Михаил похоронил его без меня, — Зинаида тяжело вздохнула. — Когда Толик вернулся с зоны, он уговаривал меня уйти от Михаила, но я не смогла. А тут ещё на горизонте появилась Людмила... она сделала все, чтобы женить на себе Анатолия. И, в конце концов, добилась своего. Вот такая история, — она снова вздохнула и печально посмотрела на дочь. — Моё время подошло к концу. Я хочу, чтобы ты не сделала таких же ошибок. Слушай всегда своё сердце.

Зинаида замолчала, закрыла глаза и поэтому не видела, кто открыл дверь. Она лишь ощутила холодный ветерок от сквозняка и запах знакомого мужского одеколona. “Это мой Алик” — прошептала она с улыбкой на губах и потеряла сознание...

— Алик, ты что тут, со мной, целый день сидишь?

— Ты потеряла сознание, — он взял в ладони её руки. — И если честно я думал, что всё...

— Алик... можно я попрошу? — прошептала Зина осипшим голосом. — Поцелуй меня...

— Анатолий Васильевич, — откуда-то сбоку послышался голос медсестры. — Зинаиде Петровне надо поставить капельницу.

Поляков кивнул, наклонился, поцеловал Зину в щеку.

— Нет... не так! В губы, в последний раз.

— Не говори так! — он снова наклонился к ней и медленно, очень осторожно поцеловал в губы. — Я буду здесь в коридоре, вместе с Аней.

— Не надо, Алик, — попросила Зина. — Не ждите. Идите домой.

— Я никуда не уйду! — Поляков повернулся и направился к дверям.

— Алик...

Он повернулся на её голос.

— Помни, что ты мне обещал помочь... Ане...

— Я помню! Мы об этом ещё поговорим, — сказал Анатолий тоном, не допускающим возражений. Открыл дверь и вышел из палаты.

А Зинаида вновь откинулась на подушку и медленно погрузилась в бездну, в плотную непонятную темноту из которой ей не было выхода назад...

Аня сидела на стуле, рядом с ней Женька. Анатолий прохаживался по коридору, виски ныли, и он периодически останавливался, потирал их кончиками пальцев и снова бродил.

Дверь палаты номер три распахнулась и оттуда стремительно выбежала медсестра. Через минуту она появилась вновь, только уже не одна — в сопровождение дежурного врача. Они оба исчезли за дверями Зининой палаты. Ещё через некоторое время в дверях снова показалась медсестра, она закричала своей напарнице, сидевшей на пасту:

— Остановка сердца! Реанимационный набор сюда!

Анатолий и Аня рванули к дверям, но их в палату не пустили.

Через несколько минут в коридоре появились ещё два врача и медсестра с какой-то аппаратурой на тележке. И опять Аньку и Полякова не пустили, оттеснив в сторону от дверей.

Нюрке, Женьки и Анатолию Васильевичу ничего другого не оставалось, как стоять, и растеряно наблюдать за происходящим. Время для них словно замерло.

Борьба за Зинаиду продолжалась полчаса. Для Аньки и Полякова это была целая вечность. Из палаты вышел врач и произнёс два убийственных слова:

— Она умерла...

— Нет! — в один стон слились два голоса — мужской и женский.

Аня сползла по стенке на пол и села на корточки, закрыв руками голову. К ней подбежал Женька и обнял, прижимая к себе. Анатолий же рванул к палате, теперь его никто не мог остановить.

— Дайте мне с ней попрощаться! — он не просил, приказывал.

Медики расступились, пропуская его. Потом тихо покинули палату, оставив Анатолия одного.

Поляков закутал мёртвую Зинаиду в одеяло, взял на руки, прижал к себе, поддерживая за затылок ладонью, прижался губами к её уху и тихо зашептал:

— Ты всегда была со мной, всегда... Зинка! Ты мне нужна... как же я буду без тебя? Зачем? Зинка... Зинка зачем? — его шепот перешёл на вой. — Вернись! Я приказываю тебе — вернись!

Он всматривался в Зинкино бледно лицо в поисках признаков жизни. Её открытые стеклянные глаза, пугающе завораживали — своей потусторонней холодностью.

Разум требовал, чтобы Алик отступился, отпустил Зинаиду. Но в этот момент он ни черта не понимал, не мог и не хотел осознавать реальность. Только один единственный факт доходил до него — Зина не отвечает, она его больше не слышит.

Поляков сел на кровать, скрипнули пружины под его весом. Он по-прежнему прижимал к себе Зину, покачивая на руках.

— Ты ушла... — прошептал Анатолий в пустоту и вдруг в одно мгновение он всё осознал. — Тебя больше нет... Зачем ты ушла? Насколько сильно ты любила меня? И почему бросила?... Ответа нет, и не будет... Я теперь этого не узнаю никогда...

— Нужны ли вам ответы на все эти вопросы? — прозвучал громко в тишине палаты женский голос.

Поляков и не заметил, как вошла медсестра.

— Нет... наверное, нет...

— Главное, что вы к ней чувствовали. Она знала, что вы любите её. Только благодаря вам Зинаида Петровна так долго сражалась со своей болезнью. А теперь отпустите её. Живите дальше.

Поляков поцеловал Зину в холодные, синие губы, аккуратно положил её на кровать.

— Смогу ли?

Он повернулся и вышел из палаты...

Вернувшись в съёмную квартиру на плохо слушающихся ногах, Поляков достал из холодильника бутылку водки и выпил. Всю. Прямо из горла, одним разом...

Зинаида лежала в гробу усыпанная цветами. Аня стояла рядом, не чувствуя холода. Её тело колотила нервная дрожь. Лицо девушки было бесстрастным, взгляд устремлён вдаль. Слёз не было — она уже выплакала их все. Сегодня хоронили её маму...

На похороны пришло неожиданно много народу. Многих Анька не знала и видела впервые.

— Столько цветов... под ними мамы совсем не видно, — прошептала Кондрашова. — А папы нет...

— Пора, Анюта, — мягко сказал Анатолий Васильевич, сжав руку девушки.

— Не могу... — Аня не отрывала взгляда от гроба.

— Крепись... — Поляков осторожно положил свою руку девушки на плечо и легонько поцеловал в затылок.

Слёзы потоком хлынули по её щекам. Девушка повернулась к Анатолию, и он её крепко обнял. И только тут Аня увидела отца. Михаил подошёл к ней, встал рядом.

— Пора... — снова повторил Поляков.

Проходя мимо гроба Анатолий, Аня и Михаил остановились, положили руки на крышку в молчаливом прощании. Постояв так некоторое время, они отошли. Когда все попрощались с усопшей, гроб закрыли.

Самое невероятное было, то, что пока гроб несли по кладбищу, шел снег. Как только сняли крышку для прощания с Зинаидой, засветило солнце. И вот теперь, когда могильщики забрасывали, ещё замёрзшей землёй, гроб дул пронизывающий, холодный ветер, швыряя в лицо капли первого весеннего дождя.

Аня посмотрела на отца, он стоял сбоку от неё. С того момента как Зина заболела Кондрашов всё время прятал глаза от дочери. Михаил так ни разу за два с половиной года не пришёл в больницу к жене. Он стал пить, уходя в недельные запои.

— Папа, — Аня попыталась взять его за руку, но Михаил сделал вид, что не видит, и сунул руки в карманы. А потом развернулся и не дождавшись окончания похорон ушёл.

Анна хотела пойти за ним, но Анатолий её остановил.

— Не надо... не мешай ему. Он потерян и не понимает, что делает.

— Но я хочу с ним разделить... эта наша общая боль! А отец меня отталкивает, — с глаз девушки капали слёзы.

— Ему нужно время...

— Но я же осталась совсем одна...

Поляков снова обнял Аню. К ним подошли Женька, Юля и Алина Новикова. Анатолий отпустил девушку и к ней тут же ринулись друзья, чтобы крепко обнять. Алинка держалась в стороне, не решаясь подойти.

— Посмотри сколько у тебя друзей. Они все пришли поддержать тебя. А ты говоришь одна...

После кладбища люди стояли в подъезде, ждали своей очереди к поминальному столу. Небольшая квартира Кондрашовых не смогла уместить всех пришедших помянуть Зинаиду.

Аня и Михаил Михайлович сидели за столом. Юля меняла посуду, приносила закуски. Поляков старший курил на балконе. Кто-то из гостей проникновенно говорил поминальный тост о том, какая замечательная была Зинаида Петровна. Не чокаясь, выпивали водку, закусывали пирожками с изюмом, салатами, колбасой.

От постоянного мелькания лиц, от скорбной речи, от чёткой последовательности действий и бесконечных соболезнований Анька к концу вечера еле держалась на ногах. Увидев состояние девушки, Анатолий подошёл к ней, помог встать и, поддерживая под локоть, увёл в другую комнату, уложил на диван.

— Отдохни.

Поляков укрыл её покрывалом.

— Как мне дальше жить? — спросила Анька.

— Для начала надо окончить школу. Поступить в институт.

— Мне надо работать...

— Поступай на заочное. Работать я тебя устрою на завод. Будет тебе и практика, и заработок.

— Спасибо...

Алина топталась на площадке не решаясь войти в квартиру подруги. Виновата она была перед ней. И на кладбище, поэтому не подошла, а стояла в стороне. Уж лучше бы она возвращалась в этот город, тогда бы ничего не случилось, тогда бы она не предала Аньку.

Военный конфликт в Югославии год назад вынудил семью Новиковых покинуть Хорватию.

Поначалу всё было не так страшно и родители Алины думали, что всё ещё обойдётся. Не придётся никуда уезжать.

После объявления Хорватией независимости сербское население несогласное с политикой нового правительства пыталось создать своё государство, которое бы продолжало входить в состав Югославии. Хорватия разделилась на два лагеря.

Руководство Югославии силами федеральной армии попыталось сохранить Хорватию в составе страны. С августа девяносто первого года вооружённые столкновения между хорватами и крайними сербами постепенно переросли в гражданскую войну. В этой войне погибал каждый третий житель. Людей расстреливали прямо во дворах, детей топили в колодцах. Уничтожали младенцев и стариков. Не щадили никого. Наступали тяжёлые времена. И в один из дней семья Новиковых случайно оказалась под прицелом автоматов хорватов.

— Не трогайте их, они русские, — крикнул мужчина своему командиру. — Из русского посольства.

— Советую вам уносить ноги, — бросил хорват Новикову на ломанном английском, опустив оружие.

Те месяцы, проведённые в Хорватии, казалась Алинке страшным сном. И когда она оказалась дома то первым делом постаралась обо всём пережитом забыть, своим способом.

“Какой же душой я тогда была...” — Алинка усмехнулась.

Сначала Новикова закрутила роман с парнем из параллельного класса. Но девушки он быстро наскучил и уже через месяц знакомства, она его бросила. Потом был взрослый мужчина. Алинка с восторгом рассказывала Юльке и Ане, как красиво происходила её первая интимная связь, в номере гостиницы, на большой кровати. Последняя слушала в пол

уха, не до того было Нюрке, мать в больнице.

Алина не стала останавливаться на достигнутом, и окрутила Сергея Полякова, с подачи его мамы. Та всячески их сводила. Да и если честно Алинке самой очень нравился Сергей. Её не остановили предупреждения Юльки, что Поляков младший встречается с Аней. Новикова задействовала всё своё обаяние, все свои уловки, и вот Сергей у её ног.

Ей нужен был Сергей Поляков, и ради него Алинка предала лучшую подругу.

Отец Сергея был связан с криминалом. Он занимался всем, что могло принести хоть какой-то доход или хоть какие-то деньги: начиная с рэкета и заканчивая рейдерским захватом завода. В наследство Полякову младшему должен был достаться весь бизнес Анатолия Васильевича. Новикова это хорошо понимала и рассчитывала в дальнейшем стать женой Сергея, чтобы жить безбедно. В последнее время она ощущала на себе, что такое существовать в “нищете”. Отец ушёл на пенсию, денег стало не хватать.

Месяц назад Алина обнаружила, что беременна. Ужас всего происходящего был ещё и в том, что Новика не знала кто отец ребёнка, потому что встречалась параллельно и с Сергеем и другим мужчиной.

После долгого разговора мать устроила Алинку на аборт, к знакомому врачу...

Мимо Новиковой в квартиру Кондрашовых прошли две женщины. Алина повернулась к лестнице и направилась вниз по ступенькам...

Тревожно колыхались ветки кладбищенских деревьев. Среди них возле могилы Зинаиды чернел мужской силуэт.

— Спи спокойно. Ты получила с лихвой за все свои грехи... — прошептал незнакомец в темноту.

Положил красную розу на могилу и медленно пошёл по узкой тропинке к выходу с кладбища.

Глава шестая

Переступив порог класса, Анька замерла на месте. Одиннадцатый “А” гудел как пчелиный рой. Кондрашова обвела одноклассников взглядом, выискивая Юльку или Алину.

— Нюрка! — крикнула Волкова, увидев подругу. — Иди сюда!

Кондрашова неторопливо направилась к ней, по пути здороваясь с одноклассниками.

— Где Алинка?

— Как всегда опаздывает. Я хотела тебе давно сказать... — закончить Юлька не успела, её прервал громкий звонок.

— Здравствуйте! — в класс вошла Кристина Николаевна, учитель математики. — Можете сесть.

Одиннадцатый “А” с шумом повалился на сиденья.

— Сегодня пишем годовую контрольную работу.

Математичка повернулась к доске и в этот момент в дверь вошли Алина и Сергей. Они держались за руки, но зайдя в класс, быстро расцепили их.

— Можно? — не глядя ни на кого, с вызовом в голосе спросил Поляков.

— Почему опаздываем Поляков, Новикова? — математичка была возмущена.

— Проспали.

— А Новикова, по-видимому, у тебя ночевала?

— Почему? — смутилась Алинка, а класс возбуждённо загудел. С задних парт слышались смешки.

— Так опаздываете вместе. Уже в третий раз на этой неделе, — учительница тяжело вздохнула. — Живо на свои места.

Эльвира Максимовна повернулась к классу.

— Продолжаем решать контрольную. И пусть никто не рассчитывает списать.

Дописав задания на доске, учительница пошла вдоль рядов, заложив руки за спину.

— Ананьев у тебя другой вариант, так что нет смысла списывать у Кондрашовой. Ещё не известно, что она там нарешает с таким количеством пропусков.

— Эльвира Максимовна, я сижу один и поэту могу писать любой вариант, — не растерялся Женька.

— Тогда и фамилию Кондрашовой тоже спиши, а я вам одну оценку на двоих поставлю. Новикова учебник закрой. Зайцев дайка мне твою линейку.

Парень протянул математичке линейку.

— Я так и думала. Как же ты Зайцев предсказуем. Скоро у меня будет склад твоих линеек — шпор.

Через двадцать минут на учительском столе высилась стопа из учебников, рабочих тетрадей и шпор, всё это было конфисковано Эльвирой Максимовной. Ребята шумели, нервно ёрзали, шептались.

— Время вышло. Сдаём работы! — объявила математичка, забирая листки у учеников. — Поляков перед смертью не надышишься! — она выдрала листок прямо из-под рук, быстро пишущего Сергея.

Прозвенел звонок. Но ученики разбежаться по коридору не успели. В класс вошел Юрий Константинович.

— Прошу минуточку внимания! Завтра все уроки отменяются... — физик выждал паузу и продолжил. — Завтра все старшие классы идут в поход с ночёвкой.

Большинство ребят восприняло новость равнодушно. Класс молчал. Юрий Константинович нахмурился.

— Сбор в восемь утра у школы. Кто не придёт прогул.

— Спички брать?

— Палатки? — посыпались вопросы с разных сторон.

— Брать... Тушёнку возьмите, заварку. И самое главное оденьтесь теплее.

Все следующие перемены прошли в обсуждение новости. Анька несколько раз пыталась подойти к Сергею, но каждый раз он куда-то ускользал.

— Ну, что пойдём в поход? — спросил Женька.

— А что есть другие варианты? — Юлька строго посмотрела на парня.

— Есть. Не ходить. Например, сказать, что медотвод. Могу раздобыть справки. Чего я в этом лесу не видел?

— Я пойду! — Волкова пожала плечами. — Нюрка, а ты?

Анька рассеянным взглядом скользила по лицам ребят, толпившимся у стенок, не вслушиваясь в разговор Юльки и Женьки.

— Отстань от неё. Не видишь она не снами. — Если ты ищешь Полякова. То он уже давно нашёл тебе замену, — зло выплюнул Ананьев.

Кондрашова вопросительно посмотрела на Юльку.

— Ну... — замямлила Волкова. — Я тебе хотела сказать...

— Если бы хотела, то сказала! — снова вмешался Женька. — На улице они, за школой, курят, — усмехнувшись, выговорил он, глядя Аньке в глаза.

— Мне всё равно, — в отчаянии вырвалось у неё, она повернулась и побежала к лестнице.

— Ага, когда всё равно так не бегут, — пробубнил парень ей в след. Он был уверен, что Аня его услышала.

— Ну, зачем ты так? — возмутилась Юлька.

— Да пошли вы все... — Женька махнул рукой, подхватил свой и Анькин пакеты и пошёл по коридору.

Поляков стоял спиной к дверям, прислонившись боком к стене школы. Анька сразу его увидела, когда без куртки выскочила на улицу.

— Сергей, — окрикнула она Полякова.

Но Сергей не обернулся. Девушка подошла ближе. И только тут увидела, что Поляков не один.

— Дорогой, — промурлыкал до боли знакомый женский голос. — Кажется, тебя зовут. Сергей лениво развернулся, продолжая загораживать свою даму.

— Тебе чего? — холодно спросил он у Аньки.

— Я...

— Ну, кто там мямлит? — снова пропел тот же женский голос.

Как в замедленном кино, Кондрашова сначала увидела появившуюся на плече Полякова женскую руку с длинными ярко покрашенными ногтями, потом из-за Сергея во всей своей красе нарисовалась Алинка.

— Аня? — в глазах Новиковой был испуг, она нервно поправила короткую юбку, застегнула красный шёлковый пиджак.

— Ну, чего тебе? — грубо поинтересовался Поляков у Нюрки. — Увидела, что хотела? — видимо, у Аньки всё читалось на лице, потому что Сергей тут же рассмеялся: — Противно, да? Иди, поплачь!

Нюрка смотрела на него и словно не видела.

— Твоя мать разрушила мою семью! — холодно продолжил Сергей. — Отец ушёл от нас из-за неё. Во всём виновата она! — обвинения сыпались одно за другим. — Я рад, что она сдохла!

Анька с размаху хлётко ударила его по лицу. Сергей поднял на неё глаза и выдохнул:

— Ненавижу!

Потянул Новикову в сторону, обняв за плечо.

— Пойдём, — приказал он, и Алина послушалась, пошла рядом, тесно прижимаясь к нему.

Они уходили, а Анька смотрела им в след, не смея пошевелиться. Она чувствовала, что ей нечем дышать, словно не хватает кислорода. “Как он мог? Зачем он так? Причём здесь мама? Сергей ей мстит? За что?”. В глазах всё двоилось, и тут же лезли в голову новые неприятные мысли — “Нет никакой любви... Получается всё обман? Сама себе придумала, того чего не было. И даже Алинка её предала, не выдержала их дружба испытаний”.

Струи холодного ветра ударил ей в лицо. Анька стала жадно хватать воздух губами, пытаясь набрать как можно больше кислорода в лёгкие. Облегчение пришло, но боль

осталась.

— Убедилась? — толкнул её в плечо Женька.

— Тебе-то что? Тебя это не касается...

— Жалко тебя, дурочку. Нашла из-за кого переживать. Ты ж ему не нужна и Новикова не нужна. Ему вообще никто не нужен. Он любит только себя.

— Ну и пусть! — Анька затравленно взглянула на Ананьева. — И не надо меня жалеть! Ты слышишь меня? Отстань! — выпалила девушка, глотая слёзы, развернулась и бросилась прочь, оставив растерянного Евгения.

Соленые слёзы обжигали Анькины щёки. Она подошла к раковине, чтобы умыться холодной водой, подняла глаза и уставилась на своё отражение в зеркале. На неё смотрела красными заплаканными глазами совершенно незнакомая девушка.

Набрав в руки воды, Анька плеснула себе в лицо, и в это время кто-то вошёл в туалет. Кондрашова повернулась и замерла — в дверях стояла Алинка.

— Прости... — сдавленно пробормотала Новикова.

— Уходи! — Аня почувствовала, что ей снова не хватает воздуха. Она присела на пол, тяжело хватая воздух губами.

— Ну, мы же подруги...

— Были... Ты предала меня, предала нашу дружбу. Ты ведь всё знала...

— Знала, — согласно кивнула головой Алинка, не чувствуя раскаянья. — Юлька рассказала мне, что Сергей тебе нравится...

— Как ты могла?

— Прости, прости Нюрочка. Так получилось...

Новикова резко присела перед Аней на корточки и заговорила быстро-быстро, горячо:

— Хочешь я его брошу? — она, заглядывая в глаза Нюрки, выскивая в них прощение. — Вот возьму и брошу! Я сделаю все, что ты скажешь...

— Мне ничего от тебя не надо! — поднимаясь, ответила Кондрашова. — Не хочу тебя больше видеть! — тяжело сглотнув слёзы, она отвернулась, сжимая руки в кулаки.

Алинка подскочила, подбежала к окну, открыла его настежь, забралась на подоконник.

— Если не простишь, я спрыгну в окно! — выкрикнула она, понимала, что переигрывает, но ей надо было получить прощение у Нюрки. Зачем? Потому что об этом попросил Сергей. А зачем ему это? Для будущей мести.

— Прыгай! — равнодушно бросила Аня, зная, что у Алинки не хватит смелости.

У Новиковой закружилась голова, она боялась высоты.

Подул ветер, и от сквозняка распахнулась дверь. Алина поскользнулась, презабавно взмахнула руками — чтобы удержать равновесие и чуть не упала. В самый последний момент Аня успела её схватить за подол юбки и дёрнуть на себя. И откуда только у Нюрки столько сил оказалась?

— Дура! — закричала Кондрашова.

Тяжело дыша, она опустилась на пол. Рядом села Алина, её ресницы дрогнули, выпуская слёзы.

— Прости... — Новикова ткнулась носом в Анькино плечо.

— Ладно, не реви, — обняла её Кондрашова.

— Ты меня простила?

— Да.

— Нюрочка, как я тебя люблю! — Алинка крепко обняла подругу. — Пойдём? А то сейчас урок начнется.

— Иди... Я тебя догоню.

Уже давно прозвенел звонок на следующий урок, коридоры школы опустели. Анька стояла, прислонившись горячим лбом к прохладному стеклу. Не хотелось никуда идти.

— Ну и что? — услышала она голос Женьки, он стоял у неё за спиной. — Так и будешь слёзы лить? Строить из себя обиженную, несчастную.

— Ананьев у тебя, что своих дел нет? — Анька театрально вздохнула и закатила глаза. — Чего ты ко мне привязался?

— А ты что до сих пор не поняла? — Женька искренне удивился. — Ты мне нравишься. Я тебя люблю.

— А я тебя нет! — поставила Анька в этом разговоре точку.

— Ничего... я подожду.

Кондрашова повернулась к нему лицом.

— Чего?

— Когда ты забудешь Полякова.

— Ананьев ты сегодня головой не стучался? Я никогда не буду с тобой! — Аня повернулась и пошла по коридору.

— Никогда не говори “никогда”, - хмыкнул Женька ей в след.

— Нет, убийство — это то, на что мы пойдём в последнюю очередь. Ты, Прохорова пока не трогай, — Шока Рустам Гиевич откинулся на диване и выпустил из губ струйку дыма, потянувшись к пепельнице. — Пускай старик работает...

Благодаря “ваучерной приватизации” работники завода обменяли свои ваучеры на акции металлургического завода “Метросталь”. Но очень скоро Поляков выкупил акции у работяг получив, таким образом, контрольный пакет. Только вот Прохоров отказывался продавать свои акции и никакие рычаги давления не приносили нужных результатов. Плюс ко всему Алексей Витальевич продолжал занимать пост директора завода, он везде совал свой нос.

Было ещё одно, что не давало Анатолию покоя и настораживало — Рустам настоял на том, чтобы Прохоров оставался на должности директора и продолжал управлять заводом.

— Как это? — удивился Алик. — Он мешает. Следит за каждым шагом моих людей.

— Не волнуйся, всё у нас будет как надо. Делёж собственности уже закончился. “Метросталь” приватизирован. Потом выпустим ещё акции, чтобы привлечь инвесторов и потихоньку обанкротим завод. Но сейчас пока не до этого. Ты за моей спиной затеял свою игру.

— Ты про “Карелпромбанк”? — предположил Анатолий.

— Да, — Шока затушил окурок. — Зачем тебе этот банк?

Поляков нахмурился. Только сегодня он был на стрелке, выяснял “отношения” с Фролом. Именно Фроловская группировка крышевала “Карелпромбанк”.

Алик залез на чужую территорию. Вполне естественно, что Фрол был взбешён, “забил стрелку”, но двадцатиминутная встреча закончилась ничем. Мужчины вышли из кафе, где шли переговоры, не пожав друг другу руки.

— Ты понимаешь, что Фрол этого так не оставит? — спросил Шока прищурился свои

чёрные глаза. — А убрать мы его не можем. За Фроловым есть определённые силы.

— Я в курсе. Но война будет в любом случае, — сказал Алик, глядя в окно. — Сейчас весь город следит за нашим с ним спором.

— Ты заварил эту кашу и должен сам решить проблему с Фролом! — авторитет взял в руки стакан с коньяком, повертел его и только потом выпил.

— Я разберусь, — задумчиво ответил Поляков, наливая в стакан Шоки коньяк. — Разберусь до конца. А потом буду легально крышевать “Карелпромбанк”. Через наше новое охранное агентство. И ещё я хочу открыть свой банк.

— Банковский бизнес? — брови Рустама взлетели вверх.

— Что-то вроде того. В офшорной фирме, которая будет располагаться где-нибудь на Кипре, осядут деньги, поступившие на счёт нашего “Трестбанка”. Банк — это своего рода пирамида. Вкладчик вносит деньги, а через три месяца получает свои деньги плюс большие проценты.

— Я не понял, а в чём наша выгода? И как деньги осядут на Кипре?

— Проценты большие будут только для первых клиентов, скажем так рекламный ход, для того чтобы на эти проценты клюнули друзья нашего вкладчика. Мы получим колоссальную выгоду. Деньги потихоньку переведём на Кипр через “Карелпромбанк”, небольшими суммами через несколько счетов. А потом обанкротим “Трестбанк”.

— Почему именно на Кипр?

— Кипр — безналоговая зона и имеет много льгот в отношении капитала, — объяснил Анатолий.

Шока долго молчал, обдумывая предложение Полякова. Наконец отодвинув стакан в сторону. Не произнеся ни слова, поднялся и направился к дверям. Перед самым выходом обернулся и произнёс:

— Если что, не будет получаться с Фролом, обращайся. Подгоню своих бойцов на помощь.

— Спасибо.

Анатолий опустился в кресло. Он не просто устал, Алик был вымотан до придела. Напряженные отношения двух группировок, проблемы с заводом, бессонные ночи всё накатило как снежный ком. Но если бы только это давило на него, скорбь и тоска по Зинаиде мешали ему жить.

— Анатолий Васильевич! — Поляков повернул голову в сторону дверей, где стояла секретарша Катерина. — Там ваша жена... — сцепив пальцы в замок, взволновано пробормотала девушка.

— Очень вовремя. Её ещё только и не хватало, — проворчал Алик, подкатившись в кресле к столу. — Пускай войдёт.

Людмила к встрече подготовилась основательно, ведь она собиралась вернуть блудного мужа. Одета в красный лёгкий шёлковый брючный костюм, итальянские туфли на высоких каблуках, причёска, макияж, стеснительная улыбка. Люда прошла по кабинету и села на диван, закинув ногу на ногу.

— Здравствуй Алик, — женщина замолчала, вытащила из сумочки пачку сигарет, нервно закурила. — Какой сегодня хороший день, правда? Можно сказать, лето...

— Ты пришла поговорить о погоде? — недовольно бросил Анатолий, потирая виски пальцами.

Людмила некоторое время смотрела на мужа непонятым, задумчивым взглядом, а

потом словно очнувшись, затушила сигарету и тихо спросила:

— Алик, ты, когда сына в последний раз видел?

— Месяц назад.

— Почему?

— Он не хочет общаться.

— Наш мальчик от рук отбился. Пользуется тем, что мы разошлись. Хамит, грубит. Связался с плохой компанией... Я не могу с ним справиться... — Людмила посмотрела на мужа, тот равнодушно смотрел на неё. — Тебя что, это совсем не волнует?

— Напротив, кроме сына меня мало что теперь волнует в жизни, — Анатолий кривил душой, и он это очень хорошо понимал. Сейчас на первом месте у него был бизнес.

Люда, удовлетворенная его ответом, кивнула, поднялась.

— Толя его надо вытаскивать... иначе наш мальчик пропадёт...

— Сергей уже взрослый и сам вправе решать с кем ему общаться! И хватит с ним сюсюкаться! — Анатолий стукнул кулаком по столу, развернулся к жене. — Ты сама его портишь.

Поляков зажёл сигарету, закурил жадно. Людмила с тревогой смотря на мужа: осунувшееся лицо, морщинки в уголке глаз, первая седина в волосах. “Раньше он не курил” — отметила женщина про себя.

— Так что же мне делать? — она подошла к мужу, опустилась перед ним на колени, схватила за руку, положила голову на его ладонь. — Серёжка переживает... ему нужен отец... Прошло уже достаточно времени... я знаю, что ты всегда любил только Зину, — каждое слово Людмиле давалось с трудом, особенно упоминание про соперницу. — Но у тебя есть ещё и сын...

— Послушай, — Поляком взял жену за подбородок и поднял её голову, он долго смотрел ей в глаза. — Как раньше ничего уже не будет. Я тебя не люблю и не полюблю, никогда.

— Я знаю... Возвращайся домой.

Он молчал, глядя в сторону, что-то обдумывая.

— Ты точно этого хочешь?

— Да... Я хочу, чтобы ты вернулся в семью.

— Если тебе нужны деньги...

— Нет, — она снова сжала его пальцы. — Мне нужен ты. Я люблю тебя! Готова мириться с твоим равнодушием, только чтобы ты, Толик был рядом, — Люда волновалась всё больше и больше, неужели не сработает? Ей хотелось взять реванш над мёртвой соперницей, вернуть себе мужчину и вместе с ним деньги. — Мне больше ничего не нужно.

От фальшивых слов жены Алика передёрнуло. Сдержавшись, чтобы не наругать, он сухо ответил:

— Хорошо. Я вернусь ради сына. Жить будем в разных комнатах.

— Как скажешь... дорогой, — Людмила поднялась. Она боялась, что Анатолий передумает, поэтому торопливо направилась к выходу из кабинета и уже на пороге обернулась. — Я буду ждать тебя дома.

Выйдя из кабинета, Люда прикрыла дверь и прижалась к ней спиной. На губах женщины была торжествующая улыбка. Она добила своего...

Сергей открыл пинком дверь в свою комнату. Только что он выставил Алинку за порог

своей квартиры, а во всё виновата эта серая мышка — Аня Кондрашова. Как она бесила и раздражала Серёгу!

Поначалу она казалась ему не такой, как все. Весёлая, жизнерадостная, забавная девчонка. С первого класса они вели войну друг с другом, а потом их противостояние перетекло во что-то другое...

Сергея тянуло к Нюрке. Он знал, что девушка в него влюблена это то и подстегивало его ещё больше. Полякову нравилось её целовать, обнимать и он бы пошёл и дальше, если бы не заболела Анькина мать. Тогда всё перевернулось...

Отец ушёл из семьи.

Папаня и раньше ходил налево, Сергей в этом нисколько не сомневался. Анатолий врал жене про совещания и командировки, та делала вид что верит. Только в этот раз он не стал ничего скрывать. Пришел, собрал вещи и ушёл, так и не сказав ни слова. А всё для того чтобы постоянно находился у кровати умирающей Зинаиды Петровны.

Забытая, брошенная мать каждый вечер рыдала, обвиняя во всём коварную соперницу. И это становилось не выносимо.

Почти сразу Анька перестала появляться в школе, а Поляков младший озлобился на семью Кондрашовых. Самым большим и страшным ударом для него стало равнодушие отца. Теперь у того на первом месте стояла забота об Ане и Зинаиде Петровне. За это Сергей и возненавидел Нюрку. Она отобрала у него самое ценное, дорогое — любовь и заботу отца, а её мать разрушила их семью. Поляков старший был для сына всем — примером для подражания, авторитетом.

Именно в этот момент в жизни Сергея появилась Алина Новикова.

Опытная и жадная до секса Алинка стала первой женщиной Сергея. Им было вместе хорошо. Никто из них о любви и не думал. Какая любовь? Кому она нужна? Зачем терзаться, мучиться страдать? Зачем усложнять жизнь, если можно обходиться без неё, получая удовольствие, итак.

И вот надо было сегодня появиться в школе Ане. Она несколько раз пыталась заговорить с Сергеем, как будто ничего не произошло. Поляков упорно избегал этих встреч. Он специально на глаза Нюрки тискал её подругу — Алинку, зная, что таким образом причиняет Кондрашовой боль. “Ну что ж пускай тоже пострадает! Очень скоро он отомстит ей за всё. И кто сказал, что дети не в ответе за поступки родителей? Нюрка ответит и за себя, и за свою мать! Он разберётся с ней по-мужски — трахнет её и выкинет, как грязную шлюху. Может быть, тогда она перестанет занимать все его мысли?”.

Сергей лёг на кровать, не раздеваясь прямо в новеньких джинсах и грязных кроссовках “Adidas”. Но сон не шёл. Он закрыл глаза и представил себе, как мощным толчком войдёт в Аньку, пронзая её, а она будет стонать под ним толи от боли, толи от наслаждения, ему всё равно, лижбы чувствовать Нюркено тёплое, податливое, влажное тело. Он будет двигаться, двигаться до последних самым глубоким, самы сильных толчков...

У Сергея перехватило дух. Возбуждение не давало покоя, он застонал, перекатился на бок. Подскочил с кровати, быстро направился в комнату, где стоял телефон.

— Через полчаса у меня, — велел Поляков, как только Алинка на другом конце провода сняла телефонную трубку...

Они столкнулись в дверях Анькиной квартиры. Незнакомец выходил из неё, а Аня хотела войти. Среднего роста, стройный, широкая грудь, на мощной шее цепь из золота.

Голубые глаза, нос с горбинкой. Светлая спортивная куртка нараспашку. От него веяло опасностью.

От таких парней девушки теряют голову.

Тут в глазах незнакомца исчезла заинтересованность, уступив место холоду и равнодушию. Браток вертел в руках ключи от машины.

— Ты Аня? — спокойно спросил он, продолжая смотреть на девушку.

В душе у Нюрке, шевельнулась какая-то тревога.

— Да... — ответила Кондрашова, настороженно глядя на парня.

Он усмехнулся, подмигнул ей и побежал вниз по лестнице.

— Ещё увидимся...

Глава седьмая

Шумная возня подростков, громкий смех и песни под гитару раздражали пассажиров электрички. Юрий Константинович метался от одной группы учеников к другой, делая замечания, пытаясь успокоить ребят.

Но всё было бесполезно. Как только одна группа затихала, в другой в этот момент раздавался визг или начиналась новая потасовка. В конце концов, физик понял безнадёжность своих попыток, обессиленный опустился на свободное место.

Юлька, Алинка и Аня жевали взятые из дома бутерброды, запивая их горячим чаем из термоса и болтали о всякой ерунде. Сергей и Женька сидели друг напротив друга, переглядываясь злыми взглядами.

Евгения сбивало с толку смиренное поведение Полякова, он не проронил за всю дорогу ни слова, не пытался затеять перепалку. Только зло поблескивающие глаза выдавали его.

“Наверняка задумал какую-то подлость” — подумал Ананьев. Сам же он смотрел на Сергея прямо, в упор.

Женька мог и не идти в поход. Притвориться больным не составило бы никакого труда, но он пошёл. Хотел ещё раз убедиться, что Анька и Поляков расстались навсегда.

До Сергея ему нет особого дела, а вот Нюрка должна понять, что Поляков не тот парень, который ей нужен. Евгений давно был влюблён в неё. Он сох по Аньке с четвёртого класса. Но чувств своих не раскрывал, боялся быть отвергнутым. И не зря. Кондрашова видела в нём только друга, вздыхая по Полякову. И поначалу у Сергея и Ани всё стало складываться.

Как же Евгений переживал, но вскоре судьба сама расставила всё по местам — сделав Кондрашову и Сергея врагами. И Женька решил, воспользовался этим. Теперь делом чести стало для него, увести Нюрку у друга, заставить её забыть Полякова. Он не желал открыто связываться с ним, но при этом ему нужно было взять во, чтобы то не стало реванш над соперником.

Всё свободное время Женька проводил рядом с любимой в больнице, около кровати её мамы. Парень помогал, чем мог, а самое главное поддерживал Аню. Хотя по-прежнему с её стороны, чувствовал некоторое отчуждение к себе.

Несмотря на это, Евгений не собирался отступить. Он был готов к долгому штурму. Рано или поздно Анька станет только его и может быть даже полюбит также как он её. Но, а пока Женька лишь довольствовался ролью друга, ежедневно лицезрея предмет своей любви, находясь рядом.

— Вы слышали новый анекдот? — вдруг спросил он, чтобы хоть как-то отвлечься от

своих мыслей.

— Начинается... — недовольно буркнула Алинка, закатив глаза.

Но Женька её не слушал, он уже начал рассказывать анекдот:

— Вовочка кем ты хочешь стать, когда вырастешь?

— Милиционером.

— А ты, Серёжа?

— Бандитом, чтобы мы снова могли играть вместе.

Юля улыбнулась, Алинка скривила губы, а Аня и вовсе не слушала, она то — смотрела в окно, то — на Полякова и думала о чём-то своём.

Евгений щёлкнул перед лицом Кондрашовой пальцами, затем, не увидев реакции, помахал рукой. Но и опять Аня не пошевелилась.

— Нюрка, — Женька толкнул её локтём в бок. — О чём ты думаешь? — спросил он, внимательно глядя в глаза девушки.

— А? — очнулась она.

— Анекдот смешной?

— Очень смешной...

— Да ты даже не слушала! — возмутился Ананьев, придвигаясь к ней. — Опять на те же грабли ...

— Что? — не поняла девушка.

— О Полякове всё мечтаешь?

— Мечтаю?! — Анька оторопело уставилась на Женьку.

— А чего тогда сидишь и смотришь на него?

— Я?!

“А ведь и правда”, - подумала Аня, — “Я действительно думала о Сергее. Представляла себе, как он целует меня. Только нужно ли это мне теперь, после все оскорблений? Да и как потом смотреть Алинке в глаза?”

— Ребята, продвигаемся к выходу. Наша остановка, — громко оповестил своих учеников Юрий Константинович.

Не обращая внимания на обиженного Женьку, взяв пакет с едой, Аня поспешила за Сергеем и девчонками к выходу. Она прыгнула на низкую платформу и замерла на минуту, поражённая красотой, царившей вокруг.

— Юрий Константинович, в какую сторону идти? — спросил Поляков, поправляя лямки тяжёлого рюкзака.

— По тропинке вглубь леса, пока не выйдем на речку, — объяснил преподаватель.

Сергей, молча, двинулся вперёд, за ним Юлька, Аня, Алинка и Евгений. Остальные ребята остались на платформе, разбирать вещи.

— Нюрка можно я пойду с тобой? — тихо спросила Новикова, догнав подругу.

— А чего не со своим Поляковым? — с девчонками поравнялась Юля. — Или он тебя уже бросил? — ехидно спросила она.

— Никто меня не бросал! — Алинка в замешательстве посмотрела в спину удаляющегося в лес Сергея. — Просто хочу побыть с вами.

— Столько времени мы тебе были не нужны, а тут вдруг вспомнила о подругах? Ты давай тут Новикова не юли! Говори, что затеяли с Поляковым! Он ещё в электричке странно себя вёл. Всё молчал, а глазки его так и бегали, как будто он что-то просчитывал в уме.

— Не придумывай! — разозлилась Алина. — Почему тебе везде чудятся заговоры?

— Ну, что ты к ней цепляешься? — укорила Анька подругу и подхватила Новикову под руку.

Волкова хотела что-то ответить, но махнула рукой и, ускорив шаг, направилась по тропинке вперёд.

— Нюрка, — вкрадчиво начала Алина. — А ведь Юлька частично права. Мы с Сергеем последнее время стали часто сориться... Бедный Серёжка, он остался без поддержки отца. Людмиле Валентиновне совсем не до него... ты его только пойми и не держи зла, за те слова, что он тебе вчера сказал... просто так получилось... Серёжка уже раскаивается, но не знает, как попросить прощения... И меня прости.

— Я всё понимаю... — договорить Аня не успела, они вышли к берегу реки.

— Стоп! — крикнул, приставив рупором ладони, Юрий Константинович. — Здесь будет наш лагерь. Девочки идут собирать хворост, готовят еду. Мальчики раскладывают палатки, разводят костер.

Ребята остановились, с облегчением сбросили рюкзаки и принялись за работу...

Алина и Сергей облюбовали место под самыми берёзами, работать со всеми им было лень.

— Я больше не хочу участвовать в твоём плане мщения! — Новикова встала. — Аня не виновата, что твои родители разошлись...

— Не хочешь и не надо, — потянувшись, равнодушно ответил Поляков, он безукоризненно владел собой. — Не будет никакой мести.

— Это ещё не всё... Давай расстанемся. — Алинка была решительна.

Разрывать их отношения совсем она не собиралась. Ей просто надоело быть куклой, марионеткой, которую Поляков постоянно дёргал за ниточки, диктуя, что она должна делать и чего не должна. Новикова привыкла управлять мужчинами сама, это они должны выполнять её капризы и нуждаться в ней, а не наоборот — пускай поймёт, что потерял. Да и перед Анькой было совестно, не хотелось, чтобы Сергей использовал их дружбу в своих целях.

— Хорошо, — спокойно ответил Сергей, не одна эмоция не отразилась на его лице.

— Ты, так спокоен... — Алина была расстроена реакцией парня, что ж, она ещё раз убедилась, что поступает правильно. Полякова уже не переделаешь, получается, он всего лишь её использовал. Что ж, впрочем, как и она его. В этом — то они и похожи.

— Я тебе и сам хотел это предложить. Мне надо во всё разобраться, подумать.

— Ну, тогда я пошла?

Сергей кивнул головой, так и не сдвинувшись с места. Всё складывалось для него как нельзя лучше...

Юлька и Аня сидели у костра, чистили картошку. Рядом суетился Женька, рассказывая им анекдоты. Он остановился около Кондрашовой, быстро наклонился и поцеловал её в шею.

— Спятил? — взвизгнула Анька, отпрянув от Евгения. Нож выпал из её рук на землю.

— Ананьев хватит дурачиться, — послышался строгий голос Юрия Константиновича. — Иди лучше помоги Зайцеву и Магомедову распилить брёвна для костра.

Женька нехотя поднялся, и вдруг сделал резкий шаг в сторону Нюрки. Девушка инстинктивно отступила назад, наступив на чью-то ногу. За её спиной послышалось громкое

ругательство Полякова.

— Извини, — она обернулась, и её глаза в панике взметнулись вверх, встретились с холодными глазами Сергея. Девушка отступила в сторону.

Только Алинка заметила, как сжалась челюсть Полякова, а карие глаза на секунду вспыхнули от раздражения. Но парень сразу взял себя в руки.

— Бывает, — как-то неопределённо ответил Сергей и пошёл дальше.

Вечером ребята собрались у костра. Закутавшись в куртки, плотно прижавшись друг к другу они пели песни под гитару. Огонь трещал, объедая пламенем поленья, разбрасывая искры в стороны. Картошку только и успевали подкидывать в угли, она расходилась на ура.

Анька стояла чуть в стороне, с тоской мечтая быстрее оказаться в своей палатке, на мягком хвойном матрасе. Она больше устала от того что весь день находилась в напряжении. Девушка всё время чувствовала, что Сергей где-то здесь, где-то рядом, наблюдает за ней. И поэтому, услышав за спиной его голос, не удивилась.

— Ты очень занята?

— Я? — Аня оглянулась, но кроме неё и Полякова рядом никого не было. — Нет...

— Мы можем поговорить? — он взял её за руку.

— О чём? — выдернуть свою руку Нюрке не хватило сил.

— Хочу извиниться. Только не здесь.

Поляков потянул её за собой, а она послушно пошла за ним. Они пробирались по тропинке, обходя палатки. Так как уже было темно, Сергей включил фонарик, освещая дорогу.

— Куда мы идём? — спохватилась Аня, оглядывалась по сторонам, когда палаточный лагерь остался позади.

— В мой шалаш. Я поставил его чуть в стороне от других. Не люблю, когда шумно. А вот и он.

Сергей остановился у палатки, приподнял полог, пропуская Аню вперёд.

— Заходи, — сказал он замешкавшейся Кондрашовой.

Девушка продолжала стоять. Её сердце глухо стучало, словно предчувствуя беду.

Сергей шагнул к ней, рванул за руку к себе с такой силой, что у Аньки наверняка остались синяки. Она ойкнула, оказавшись в объятиях Полякова.

— Испугалась? — ухмыльнулся Сергей, выключая фонарь.

Теперь они оказались в темноте, вдвоём, далеко от ребят. И это очень пугало Аню. Она поняла, что извинений никаких не будет.

— Что... — спросить девушка не успела, Сергей губами вцепился в её губы.

Он долго, яростно терзал её рот, не давая Аньке не вздохнуть, не выдохнуть. И чем дольше длился их поцелуй, тем более безумным и жестоким становился Поляков. Ярость и ненависть затуманили его разум, в нём полыхала звериная, дикая страсть и желание мести. Вот именно этот момент, когда виновница всех бед в полной его власти. Теперь её ничто не спасёт от наказания.

Сергей сжимал Аню в железном кольце своих рук, причиняя боль. Она пыталась высвободиться, но он не позволял. В одно мгновение рывком поднял полог и втолкнул Кондрашову в палатку.

Аня лежала на земле в палатке. Сергей включил фонарь.

— Раздевайся, — проговорил он каким-то будничным тоном, ослепляя глаза девушки

ярким лучом света.

Он откинул фонарь в сторону.

— Ты что, с ума сошёл? — Анька попыталась встать, но Поляков был сильнее её. Он толкнул девушку обратно на землю и неожиданно ударил по лицу, оглушив на время.

— Раздевайся, — снова приказал Сергей, отпуская свою жертву. — Или тебе помочь?

Он стянул с себя свитер, затем футболку, не торопясь, начал стаскивать штаны.

Придя в себя, Анька хотела закричать.

— Бесполезно, — предупредил Сергей, предугадав её действия. — Да и нужны ли тебе свидетели? — он навис над Аней. — Добровольно раздеваться не будешь?

Не дождавшись ответа, он навалился на неё, вдавив в импровизированный матрац из хвойных веток. Просунул руку, нащупал ремень на её джинсах и расстегнул пряжку.

Шипя и царапаясь как кошка, Анька изо всех сил извивалась под ним, пытаясь освободиться. Но Поляков не давал ей шевельнуться, он целовал её рот, размыкая стиснуты губы, срывая остатки одежды. Глаза его наливались гневом. В эту минуту он напоминал дикого зверя, алчущего крови жертвы. Он подчинялся только слепой цели мести. Его рука сместилась к бёдру девушки, втиснувшись в промежность.

— Что ты делаешь?... Не надо... — в отчаянье умоляла Нюрка. — Не надо... я не хочу...

Сергей её не слушал. Он продолжал мстить. Раздвинул коленом Анькины ноги, резко вошёл в неё. И это лишило девушку последних сил к сопротивлению.

Уставившись на насильника круглыми испуганными глазами, Аня уже не сопротивлялась, только беззвучно плакала от боли и бессилия.

Стиснув зубы Поляков, продолжал двигаться, с каждым разом входя всё глубже, наращивая темп.

— Вот тебе! — мстительно прошептал Поляков, при этом отвёл от Анькиного лица свой взгляд, не желая смотреть в её обвиняющие глаза. Слишком много боли и отчаянья читалась в них. Но с новым толчком он невольно снова возвращался к её серым заплаканным глазам и наконец, не выдержав, погасил фонарь...

— За что? — шептала Аня, ползая в темноте по палатке, собирая свои вещи. — За что?

Сергей молчал. В этот момент он ненавидел себя.

— Ты получила то, что заслужила! Дрянь! — наконец грубо ответил он. — Десять раз подумай, прежде чем рассказывать, кому ни будь про то, что произошло здесь.

Одевшись, Аня медленно поползла к выходу. Откинув полог, она вылезла из палатки и, пошатываясь, пошла в сторону полыхающего костра...

Жёлтая луна закрылась тучами, но ребята, собравшиеся у костра, этого не заметили, точно так же они не заметили исчезновение и возвращение Ани и Сергея. Кондрашова пошла в свою палатку, а Поляков присоединился к одноклассникам, продолжающим петь песни под гитару.

Только Алинка видел, как Аня ушла с Сергеем.

— Я в туалет, — шепнула она Юльке и быстро поднявшись, пошла за Кондрашовой и Поляковым.

Прячась под кустом, она видела, как Сергей целовал Аню. Так же, как и потом слышала мольбы подруги и возню в палатке, но не стала вмешиваться...

Над головой чистое безоблачное небо, но по утрам ещё холодно, да и ветер сильный — северный. Вокруг тишина, лишь потрескивают в потухшем костре дотлевающие угли. Под ноги Ане прилетел пакет с мусором. Девушка преступила его и, не останавливаясь, направилась к речке.

Она не помнила, как добралась, накануне вечером, до своей палатки. Кажется, она шла не одна. Сергей следовал за ней... сейчас Кондрашова не могла решить был этот ночной кошмар сном или реальностью...

Сцепив зубы, Аня шла, отсчитывая шаги до своей цели. Она должна дойти, доползти до речки. Только вода может смыть с неё грязь и ненависть...

Девушка незаметно для себя вошла в речку. Ледяная вода не привела её в чувство. Ещё один шаг, второй... третий... течение... Стоп... нет ещё шаг и тогда всё...

— Нюрка! Стой! Стой... — кто-то кричит...

Кондрашова закрыла глаза и... чья-то сильная рука схватила её. “Кажется это Женька... Зачем?” — хотела крикнуть ему Аня, но поскользнулась на камне и ушла под воду, течение её подхватило и понесло навстречу смерти...

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Ты что творишь? Дура! — орал Женька, развернув девушку к себе, но увидев её белое лицо, испугался. — Что... что с тобой?!

Кондрашова отшатнулась назад, села на траву и затравленно оглянулась, будто ища, в какую дыру забиться.

— Анька! — Евгений осторожно присел с ней рядом на корточки, взял её лицо в свои ладони, всматриваясь в безумные глаза. Девушка дрожала всем телом от холода и пусто смотрела перед собой. С её волос и одежды стекала вода. — Что случилось?

— Ничего... — она дрожащими руками вцепилась в землю, потом глубоко вдохнула и сжала зубы. Медленно перевела уже осмысленный взгляд на Евгения и тихо попросила: — Жень, ты можешь поехать со мной в город?

В первый момент, увидев Аньку в реке, Женька испугался так, как не боялся никогда в своей жизни. Несколько секунд он словно парализованный наблюдал, как она шла дальше, погружаясь всё больше в воду. Ещё несколько шагов и её уже не что и никто не спасёт. Слишком сильное течение.

Анька остановилась, посмотрела на воду и... и Женька с ужасом понял, что она сделает этот последний шаг.

— Стой!

Сорвался с места, скидывая на ходу свитер, резиновые сапоги. Не сбавляя скорости, влетел в воду, разметав брызги в разные стороны. Нырнул и мощными гребками быстро поплыл к тому месту, где ещё пока стояла Нюрка.

— Успею, успею, — твердил он себе.

Ананьев был хорошим пловцом. Каждую неделю он плавал в бассейне по два часа, по абонементу, просто так — для себя.

Женька плыл с бешеной скоростью, боясь не успеть, опоздать. Доплыв до Аньки, в последний момент ухватил её за руку, дёрнул на себя, уронив в воду.

Зажав в сгибе локтя её голову под подбородком, он грёб одной рукой к берегу. Но их уже подхватило течение реки, таща к порогам. Анька лежала как безвольная кукла, не

показывая никаких признаков жизни.

Евгений упорно грёб изо всех сил, медленно придвигался со своей ношей к берегу, ноги судорогой сводило от холодной воды. Понимая, что если срочно они не выберутся из этого течения, то всё, он не сможет выгрести и их снесёт на пороги реки.

— Ничего, ничего... ещё чуть — чуть...

Женька сделал последнее усилие, рывок, потянул Аньку за собой.

Ещё несколько минут борьбы и берег...

Парень упал на колени, упёрся руками в землю и тяжело дышал, втягивая в себя холодный утренний воздух.

Анька стояла чуть в стороне от него, с бледным лицом, в мокрой одежде, с волос ручьями капала вода. Она не плакала, не рыдала, а просто смотрела в никуда.

— Что... что с тобой?! — заорал он на неё, но увидев бледное лицо резко замолчал.

— Ничего, — пробормотала она, а потом вдруг попросила проводить её до города.

“Что же случилось?” — задавался Женька вопросом, всю обратную дорогу, пока электричка везла их до города. Но Анька упорно молчала, не желая ни о чём говорить.

— Что случилось? — не выдержал Евгений, пересаживаясь рядом с ней на сиденье.

Анька, молча, качнулась вперёд, упав Женьке на плечо, и вдруг заплакала. Евгений прижал её к себе.

— Что случилось? — напористо повторил свой вопрос Ананьев.

— Я не могу тебе об этом рассказать... Жень... понимаешь, не могу...

Когда они оказались в городе и уже почти дошли до Анькиного дома, она остановилась.

— Жень... можно я ещё попрошу тебя о чём-то?

— Да.

— Не могу я сейчас идти домой... папа на смене... квартира пустая...

Евгений всё понял. Он решил показать Аньке своё место, где сам прятался каждый вечер от проблем, где отгораживался каменными стенами от непонимания родителей. Женька привёл её в подвал-качалку.

Первое помещение подвала был оборудован под спортивный зал. Стены побелены, посередине висит боксёрская груша, с боку штанга, гири, гантели. Следующая комната была отведена для отдыха. На стенах плакаты со Шварценеггером, Сталлоне, Брюса Ли. Под потолком люстра, под ней большой стол, диван, кресла, стулья.

На диване сидели трое здоровенных накаченных парней в кожаных куртках. В полумраке комнаты казалось, что они одинаковые — короткие стрижки, широкие плечи, мощные шеи. Разница лишь в цвете волос — рыжий, блондин и брюнет.

— Смотрите, кто к нам пожаловал, — с дивана поднялся брюнет, особой радости в его голосе не улавливалось. — Жека!

Он подал Евгению руку, крепко пожал её и удивлённо посмотрел на Аню.

— А это ещё кто?

— Она со мной, — Женька загородил собой девушку.

— Привет, крошка! — осклабился гнусной улыбочкой брюнет. От неё Аньку передёрнуло.

— Здравствуйте... — тихо ответила она, ещё больше прячась за спиной Евгения.

— Козырная тёлка! — амбал выдернул Аню из-за спины Женьки. — Ну-ка иди сюда мы посмотрим на тебя! Красивая девочка...

— Холера, ты чё, не понял? — угрожающе, зашипел Ананьев на брюнета. Женька был выше его и здоровее, и явно сильнее физически. — Она со мной! Отвали!

Рыжий и блондин поднялись одновременно, как по команде и встали между Женькой и своим дружкойм.

— Вставай в очередь! — хмыкнул блондин.

“Кошмар продолжается” — пронеслось в мыслях у Ани. Холера толкнул её на диван и навалился сверху. Его пронырливые пальцы никак не могли справиться с молнией на джинсах.

— Отпусти! — кричала Кондрашова, отбиваясь от насильника. — Ну, пожалуйста не надо...

— Что тут происходит? — вдруг прозвучал грубый мужской голос. — Холера слезь с девчонки.

Амбал подчинился.

— Татарин, ну ты чего... мы же только пошутить хотели...

Анька подняла голову и встретила взглядом с голубыми глазами.

— Привет! — добродушно протянул незнакомец, помогая встать Ане. — Я же говорил, что мы ещё увидимся...

Анька подавленно молчала, но из объятий Татарина не вырывалась. Её приятно согревало тепло сильных мужских рук. Не смотря на всё пережитое, ей не хотелось из них вырываться. Было спокойно, тепло...

— Выпей, — Татарин придвинул Ане стакан с дешевым вином.

Девушка послушно сделала глоток, потом ещё один. На вкус вино оказалось кислым и не вкусным. Но приятная теплота разлилась по телу.

— Полегчало? Давай знакомиться?

Кондрашова согласно кивнула головой.

— Валера.

— Аня.

— Ты не бойся сестрёнка, больше тебя здесь никто не обидит. Можешь приходить в любое время, — он строго посмотрел на Холеру и его дружков. — Женя проводит тебя домой.

— Спасибо, — Аня не решительно поднялась.

— Ты обязательно приходи, — тихо попросил Валера.

— Я приду... — пообещала она.

Глава восьмая

Из Лесного проезда, с грунтовой дороги, машина Фрола выехала на асфальт. В этот момент с правого боку из тёмного переулка вылетела “шестёрка” с маячком такси. Автомобиль поравнялся с джипом авторитета. Стекла “шестёрки” опустились и внезапно неизвестные в масках открыли шквальный огонь из автоматического оружия. Машина убийц резко рванула вперёд, обогнала джип. Киллеры продолжили стрелять теперь уже в лобовое стекло.

Тяжело раненный водитель-охранник остановил внедорожник. Помощник Фролова выскочил из машины, отстреливаясь из пистолета по “шестёрке”.

Сидевший на переднем пассажирском сиденье Фрол был изрешечён пулями. Белая рубашка окрасилась в красный цвет...

В ванной журчала вода. В комнате, с зашторенными окнами и выключенным светом перед телевизором, сидел мужчина. По “ящику” шла очень популярная местная передача “Без цензуры”.

За десять минут ведущий Глеб Андреевич Неизвестный успевал рассказать о всех криминальных новостях, происходящих в городе. Это была первая передача, в которой открыто, показывали сюжеты об коррупции чиновников, об воинах ОПГ, об зверских убийствах, об “оборотнях” в пагонах.

Её сюжеты пестрили натуралистическими сценами насилия, разрушений, убийств. Несколько раз передачу пытались снять с эфира и закрыть. Но благодаря “высоким” покровителям телепередача несмотря ни на что продолжала выходить в эфир каждый вечер.

В двух тысячном году, после хладнокровного убийства Неизвестного, передачу всё-таки закроют. Убийцу не найдут. Всем будет очевидно, что журналиста “заказали”, возможно, даже и те самые покровители...

— Сегодня в восьмом часу утра в центре города была расстреляна машина предпринимателя Фролова Андрея Ильича. Ещё живой, с тяжёлыми ранениями — в живот, грудь и височную область головы, мужчина был доставлен в первую городскую больницу. Однако надежды на то, что он выживет практически нет. Стоит отметить, — журналист усмехнулся. — Что предприниматель попал в засаду буквально в пятидесяти метрах от здания ГАИ.

— Раз, — произнёс Валерий, пристально наблюдая за действиями, происходящими на экране.

— Примерно через час после этого убийства, — продолжал вещать Неизвестный. — На территории гаражного комплекса, на улице Коммунистов была обнаружена обстрелянная и наполовину сожжённая “волга” с тремя трупами.

На экране появились кадры с места событий. Камера выхватила крупным планом сначала ряд гаражей, затем сожжённую машину, рядом с которой лежали трупы, укрытые белой плёнкой.

— А вот и два...

— По предварительным данным автомобиль принадлежал гражданину Шока Рустаму Гиевичу. Он же и находился в машине вместе со своим водителем и охранником. Связаны ли два этих убийства? Что это раздел территории? На эти вопросы предстоит ответить...

Татарин откинулся в кресло, и некоторое время сидел не подвижно, уставившись невидящим взглядом в монитор экрана. Затем потянулся к пачке “Космос”, достал сигарету и закурил.

То, что происходило дальше на экране, его уже не интересовало. “Да... искусно Поляков избавляется от своих союзников и врагов. Впрочем, как обычно” — подумал Валерий. В принципе он ожидал такого поворота. Про Алика ходили разные слухи. Говорили, что раз в полгода он устранял своих бригадиров, так сказать делал зачистку.

Татарин глубоко затянулся сигаретой, медленно выпустил дым и снова задумался — “не пора ли вмешаться в ход событий?”. Валера предвидел, что скоро последует новая череда убийств. Остановить их может только он, повернув всё как ему угодно, разыграв свой

спектакль, срежессировав свой сценарий. Всего-то сказать Полякову одно слово и нажать на спусковой крючок пистолета. “Но нет... это слишком легкая смерть для такой мрази”.

Дверь в ванную открылась и в комнату вошла девушка. Светлые волосы распущены, великолепное тело закрыто полотенцем. Она не спеша приблизилась к Валерию, окинула его смеющимся взглядом и без всякого стеснения сорвала с себя полотенце.

— Фу, — надув губки, капризно сказала путана. — Как можно это смотреть?

Она стояла перед ним совершенно голая. Запах дорогих духов и свежесть обнажённого тела, высокая совершенной формы грудь, плоский живот, длинные ноги манили Татарина. Он одарил её жёсткой ухмылкой, выключил телевизор.

— Не твоё дело, — коротко процедил сквозь зубы. — Подойди ближе!

Девушка послушно приблизилась.

Задержав рвущиеся раздражение, Татарин поднялся и вдруг просунул свою ладонь ей промеж ног и силой сжал пальцы. Путана вскрикнула.

— Молчать! — приказал Валерий и снова сжал пальцы, причиняя новую боль.

Проститутка попыталась вырваться, но в Татарина, словно бес вселился. Он с размаху залепил ей пощёчину, свалив на пол. Повернул всхлипывающую женщину спиной к себе и грубо овладел ею. Валерий мямл её грудь и истязал свою жертву то в обычной, то в извращённой форме. Его жестокость не знала границ, он упивался властью унижая и получал от этого кайф, как наркоман от наркотика.

Проститутка, до крови кусая губы, лишь изредка постанывая от боли, но сносила все более изощрённые издевательства не обычного клиента. Она знала, что доставляет ему наслаждение своими метаниями и стопами. Скорей всего Татарин не выпустит её, пока самые вольные его фантазии не получат удовлетворения. Что ж за большие деньги она готова вытерпеть всё...

— Тебе понравилось? — испуганно, спросила проститутка.

— Не то слово, — оскалился Валерий. — Чего разлеглась? — он вытащил из тумбочки деньги и кинул их на пол, перед жрицей любви. — Давай вали отсюда!

— Сволочь, — тихо пробормотала проститутка, и это стало её ошибкой. Клиент услышал.

После жесткого избиения Татарин выкинул девицу за порог, не позволив ей одеться...

Ранним утром город всегда пустынный. Через несколько часов поедет, по своему обычному маршруту, первый троллейбус. Анька вдохнула прохладный свежий воздух. Как хорошо! Птички поют. Она остановилась перед гранитными ступеньками, ведущими к берегу.

Невысокие волны одна за другой набегали на берег, ударялись об высокие ограждения и сползали вниз, падая в воду, чтобы превратиться в грязную серую пену. Всегда в это время озеро отливало полупрозрачной синевой и если приглядеться, то можно было увидеть на дне острые камни, покрытые мутным зелёным мхом.

Вдалеке между небом и озером виднелся теплоход. Он плыл в Кижы. Именно туда стремились попасть все туристы, приезжающие в Карелию. По легенде, церковь Преображения Господня находящаяся на этом острове, была построена плотником Нестором одним топором, без единого гвоздя. Когда Нестор закончил работу то выбросил топор в озеро, чтобы никто и никогда не смог повторить такую же величественную постройку.

Анька мечтала тоже когда-нибудь съездить туда. Как это жить рядом с памятником Всемирного наследия ЮНЕСКО и не увидеть собственными глазами эту красоту.

Девушка подняла глаза к небу. Белые чайки кружились над озером, иногда они молниеносно снижались, припадали к воде, а потом вновь подымались в небо. “Вот бы и мне быть такой же свободной, так же кружить над водой”, - мечтательно подумала Аня, прижимая ладонями к ногам подол белого ситцевого платяца. Только что они всем классом гуляли по набережной, встречали рассвет. И девушка впервые после смерти матери забыла обо всех проблемах, отдавшись веселью. Но время летит неумолимо и вот потихоньку все разбрелись по домам. А Кондрашова осталась, чтобы, не спеша прогуляться ещё раз по набережной. Но воспоминания о прошедшем выпускном вновь вернулись, омрачив прекрасное утро...

Выпускной проходил в кафе, которое для вчерашних школьников арендовали заботливые родители. Пока директриса зачитывала слёзную речь, Поляков под столом разливал по стакан, всем желающим, “Брусничку”.

Аня, Юлька и Алина сидели рядом. Кондрашова маленькими глотками пригубливала настойку, выискивая новую тарелку с солёными огурцами.

— Юль подай огурчик.

— И давно тебя на солёненькое потянуло? — спросила Волкова, придвигая к Аньке тарелку с соленьями.

— Недавно... Я беременна...

— Понятно... Что делать будешь? Аборт или замуж?

— За кого? — не поняла Аня.

— Так... Это ещё интересней. За отца ребёнка.

— За Полякова?

— Поляков? — Юлька в изумлении смотрела на Аню. — Он знает?

— Нет...

— Пошли! — вдруг подскочила Волкова со стула.

— Куда?

— К Полякову.

— Я не пойду... Юль понимаешь не всё так просто... — Анька опустила голову на ладони.

Но подруга была не приклонена:

— Просто, не просто... Хватит рыдать! Дело уже сделано, надо срочно вопрос решать, пока не поздно! — она потянула Кондрашову со стула.

— Юль... что я ему скажу? — как послушная собачка, Анька тащилась за подругой.

— Поставишь перед фактом. И пускай либо женится, либо деньги даёт на аборт.

Они подошли к столику, за которым сидел Сергей.

— Поляков, — перекрикивая музыку, заорала Юлька. — Надо срочно поговорить! Вернее... Нюрке надо срочно с тобой поговорить!

— Смотрите, кто к нам пришёл! — пьяный Сергей с усмешкой смотрел на Аню, полностью игнорируя Волкову. — А тебе идёт этот цвет. Цвет невинности и чистоты, — с издёвкой усмехнулся он. — Ну что ж пойдём, покурим?

Парень встал, грубо схватил покрасневшую Кондрашову за руку и потянул за собой.

— А может и не только... — шепнул он ей в ушко, ведя за собой.

Анька вздрогнула от этих слов, по спине прошёл холод.

Они вышли из кафе. Сергей закурил, а девушка продолжала молчать, топчась на месте.

— Ну что пойдём, повторим? — он показал кивком головы на парк, где были заросли кустов.

— Нет!

— Нет? А разве не за этим ты пришла, — Сергей придвинулся к ней, его рука прошлась по ноге девушки, залезая под подол платья. — Разве тебе не понравилось, когда с тобой, так как с дешёвкой?

— Я беременна! — разозлилась Аня.

— Беременна? — в голосе Полякова закипела ярость, но тут же она сменилась идиотским смехом. — Беременна!!!

Он присел на корточки, продолжая хохотать. Вся решимость Аньки пропала, она повернулась, чтобы уйти. Но Сергей поднялся на ноги и схватив девушку за руку развернул к себе лицом.

Парень смотрел на неё тяжёлым, злым взглядом.

— Что, ты, хочешь от меня? Женой моей хочешь стать? Нет уж! Денег?

Кондрашова отвела от него глаза. Её лицо пошло красными пятнами, в глазах появилась боль и обида, ресницы подрагивали.

— А у меня их нет!

— Анатолий Васильевич...

— А вот отца сюда вмешивать не надо! — раздражённо выпалил Сергей.

Он чувствовал себя мерзавцем. Только мерзавец мог так поступить — отыграться за ошибки родителей на этой незащищенной девчонке. Но инстинкт трусости взял верх: “Пускай сама выпутывается. Он — то здесь причём? Ну, подумаешь один раз трах***, а может она после этого ещё с кем-нибудь?”.

— И вообще я не уверен, что это мой ребёнок!

Поражённая, Анька ахнула и резко оттолкнула его.

— Не была я ни с кем, кроме тебя! — прошипела она и со всего маха влепила Полякову звонкую пощёчину. — Сколько же в тебе подлости и злости!

— Ах ты тварь! Ты об этом ещё пожалеешь! — пригрозил Поляков, прижимая ладонь к щеке.

— Я напишу заявление в милицию, что ты меня изнасиловал!

— Запомни детка, ты никто! — Сергей наклонился к ней и шептал в самые губы. — И поверят в мой рассказ. А я изложу свою версию. Ты сама пришла ко мне в палатку, и всё было добровольно! — Он откинул окурок в кусты и направился в кафе.

Анька осталась одна. “Всё вполне закономерно. И на что только рассчитывала? Что можно было ожидать от этого подонка?”, - думала она.

В полной прострации направилась к дверям, а в голове одна мысль: “С беременностью надо что-то делать. Срочно! Пока ещё срок маленький...”.

Юлька и Алинка ждали Аню у дверей.

— Ну как? — Новикова сразу набросилась на неё с расспросами.

— Потом расскажу, — Кондрашова направилась в туалет. — Дайте сигарету.

— Ну, хотя бы вкратце!

— Сказал, что это не его ребёнок. И значит проблемы мои...

— Надо всё рассказать Анатолию Васильевичу, — предложила Юлька.

— Нет! Не хочу... мне ... стыдно...

Анька застыла у зеркала, уставившись в своё отражение большими серыми глазами. Юлька шагнула к ней, осторожно тронула её за плечо:

— Это Полякову должно быть стыдно. Ты только не переживай... мы что ни будь, придумаем. А сейчас пойдём...

— Идите... я догоню.

Подруги развернулись и быстро направились к дверям, оставив Кондрашову одну.

Анька выкурила сигарету, поправила пряди волос и вышла из туалета. Она уже была у самого выхода, когда услышала за спиной резкий окрик Евгения:

— Эй, Нюрка подожди!

Она остановилась, но не обернулась. Сильная рука Женьки больно сжала её плечо, властно развернула лицом к себе.

— Я всё знаю! — бесцеремонно сверля её презрительным взглядом, процедил он сквозь зубы. — Только не могу понять, чем он лучше меня?

— О чём ты?

— Что у тебя с Поляковым? — цепкие руки Женьки держали её за оба плеча, деться было некуда. — Он только что мне рассказал, как ты с ним...

— Тебя это не касается! — взяв себя в руки, спокойно ответила Аня.

Последние слова взбесили Ананьева. Он крепко сжал пальцами её лицо и впился в губы поцелуем. Женька целовал её долго, а Анька на протяжении всего поцелуя стояла не подвижно. Она просто онемела от страха. “Просто какое-то дежавю” — ей казалось, что всё это уже было с ней. Девушку просто окатил панический ужас.

Но Женька не видел и не чувствовал того что происходило с Кондрашовой. Он был ослеплён обидой. Выпитое спиртное ударило ему в голову, и Ананьев уже ничего не соображал. Он сходил с ума по Аньке, а она дразнила его — не подпуская к себе. А потом унизила своим предательством, переспав с Поляковым.

— Не надо, — отстраняясь от него слегка поморщившись, попросила она.

Женька ослабил хватку, тихая просьба возымела отрезвляющий эффект.

— Прости... Я дурак! Я очень — очень люблю тебя! — он взял её за руку, приложил ладонь к своей груди. — Я всё тебе прощаю...

Анька попыталась вырвать свои пальцы.

— И то, что я беременна от Полякова?

— Это не правда...

— Это правда! — Аня в раздумье смотрела куда-то мимо него.

Евгений побледнел и отшатнулся от неё. На какой-то момент Кондрашовой показалось, что он сейчас её ударит. Но нет, Ананьев сжимал пальцы в кулаки.

Аня повернулась и пошла. Уже на выходе, за прозрачными дверями обернулась, чтобы в последний раз посмотреть на Женьку. Боль в его глазах сменилась отчаянием, они что-то кричали, о чём-то молили. Но нет, не услышала, не поняла...

Кондрашова отвернулась и направилась к девчонкам, ждущим её. А Евгений уткнулся лбом в холодную стенку...

Отдалённый шум. Из какого-то окна доносились звуки медленной композиции. Анька так глубоко погрузилась в свои мысли, что не заметила, как оказалась в своём дворе.

Девушка остановилась, и села на пустую скамейку...

Татарину что-то не спалось этой ночью. Вытащив из кармана пачку “Космоса”, он только сейчас заметил, что она пуста. И именно в этот момент ему жгуче захотелось курить. Валера посмотрел на часы — пять утра. Решив, что уснуть он всё равно не сможет, схватил на ходу со столика ключи от машины и, хлопнув дверью, вылетел из квартиры.

Потом он так и не смог себе объяснить, что на него нашло в то раннее утро, почему он поехал не к ближайшему круглосуточному ларьку, а к дому, где жили Кондрашovy. Но чтобы его туда не тянул, Татарин приехал именно в этот двор, где на скамейки сжавшись в комочек, плакала Анна.

Она не услышала подъехавшей машины, не увидела Валерия.

— Привет! — он сел рядом с ней.

Девушка подняла заплаканные глаза и вдруг вцепилась в его футболку двумя руками, прижалась мокрым лицом и заревела. А потом стала рассказывать ему, незнакомому человеку о том, как с ней обошёлся Сергей, о том, что она осталась совсем одна и о том, что не знает, что делать со своей бедой.

Растерявшийся Татарин смотрел с ненавистью куда-то в пространство, слушая исповедь Ани. Он гладил её по светлым волосам, сжимая дрожащие губы, чтобы не заплакать самому от жалости и отчаяния.

— Послушай сестренка, обращаться за помощью к этому ублюдку и взывать к его совести было совершенно бесполезно. И можешь забыть про свои наивные иллюзии о справедливости. Надо было сразу же идти и писать заявление в милицию. Почему ты это не сделала? Почему не пошла к его отцу?

— Я думала, может, он захочет на мне жениться, ведь я его люблю...

— Жениться? — Валерка был ошарашен и, не выдержав, заржал. Наивность этого ребёнка его убивала. — Извини... — спохватился он.

— Ничего... Всё нормально... — Анька досадливо пожала плечами, вырвавшись из его рук. — Я понимаю, что выгляжу полной дурой... Мне пора.

— Постой! Я помогу тебе. Ты не будешь делать аборт. Ты родишь этого ребёнка, и только тогда мы вместе пойдём к Полякову старшему и всё ему расскажем. А сейчас пойдём я тебя провожу...

Глава девятая

Лицо Валеры было словно высечено из камня, и если бы вдруг именно в этот момент, спящая, Анна проснулась, открыла глаза и увидела его, то испугалась. Столько разных эмоций в нём отразилось — от ненависти до любви.

Татарин смотрел на Аню, и к горлу как обычно подступал комок. Почему ему всегда хотелось её защищать? Почему вызывали у него такое волнение её слёзы? Ведь не один человек не имел над ним власти. Может во всём виноваты рассыпавшиеся по подушке и плечам пшеничного цвета волосы? Припухшие нежные губки или округлившийся маленький животик? И ли всё-таки родная кровь не даёт покоя совести?

Сколько раз хотел отправить её восвояси... не смог. Немало сил потратил и на то, чтобы отказаться от любви к сестре. Всё бесполезно. Сейчас наступило то время, когда нужно выбирать. Но на самом деле решение было уже давно принято, и оно было не в пользу Ани.

Формально Валерий отказался от неё ещё тогда, когда первый раз увидел на ступеньках в подъезде. Но чем больше он находился рядом с сестрой, тем больше к ней привязывался. Его тянуло к девушке, неудержимо, до ноющей боли в сердце. Она могла стать его семьёй, семьёй которой у него никогда не было.

Но надо успеть сделать то, на что потрачено уже столько сил и времени. Татарин понимал, что обратной дороги не будет. В игре победит только один — либо Поляков, либо он. И если выиграет он, то Анна никогда его не простит, потому что в качестве своего оружия он будет использовать её. Но Валерий будет мстить до конца, он так реши, он так обещал себе. И даже умирая, не оставит в живых Полякова старшего, потянет за собой. Только кровь отца смоет все его унижения и боль.

Никто не знал всей правды о нём. Валерий Татаринов появился из неоткуда.

С самого раннего детства Валерка чувствовал свою ненужность и одиночество.

Детский дом номер сорок семь в провинциальном городке представлял собой довольно убогое заведение. Жестокие воспитатели, жизнь впроголодь, холод в комнатах. Воспитанники выживали, как могли. Именно сюда и попал десятилетний Валера после мотания по другим детским домам.

Недалеко от этого города в пятидесяти километрах находился посёлок, туда отправляли на поселение воров и мошенников. Они “крышивали” детский дом. Несовершеннолетние проститутки, заказы на кражи, угоны машин и плата за молчание директору. У воспитанников не было выбора своей судьбы, за них всё решили взрослые.

Восемьдесят процентов ребят имели условную судимость, либо стояли на учёте в детской комнате милиции. Детдомовцы жили по законам волчьей стаи. Сильный всегда прав, кулак решает всё. Старшие издевались над младшими. Много насилия, унижения.

Жаловаться воспитанникам детдома, по сути, было некому. Оставалось только терпеть и подчиняться более сильным.

Татарин очень хорошо запомнил тот день, когда его привезли в этот детский дом. Он сидел в столовой и ел картофельное пюре с котлетой из алюминиевой тарелки. К нему подошёл старшеклассник.

— Гони котлету, — грубо потребовал Васька Мотылёв.

— Не дам! — ответил Валерка, продолжая жевать.

Ночью его побили, и он попал в больницу с двумя сломанными рёбрами и сотрясением. После выписки вернулся в детский дом и снова начал упорствовать. Валерку опять избили, в этот раз он попал в больницу ненадолго.

Каждый день Татарин видел, как к младшим воспитанникам садиться Васька и съедает шесть порций, а несчастные малыши доедали одну на семерых, а потом по заданию всё того же Мотыля, шли воровать и попрошайничать.

Так продолжалось год.

Валера понимал, что если молчать, то бить будут постоянно, а если сопротивляться, то однажды это закончится. Передним было два варианта — продолжать гнуть своё и тогда он врятли останется в живых, или же сломаться, как большинство. Но Татарин выбрал третий.

Ночью он зарезал своего обидчика — Мотыля и двух его помощников. Залез в кабинет директора и выкрал свои документы. Воспользовавшись пожаром, который сам устроил, беспрепятственно покинул детдом, ушёл никем незамеченный.

Татарин спрятался на овощной базе, на окраине города. Когда затравленный, голодный Валерка увидел прочёсывающих территорию ментов, он даже не пытался бежать.

На суде Татарин вины своей не отрицал, говорил, что ни о чём не сожалеет. В результате получил самый большой срок из возможного. И снова ему пришлось отстаивать своё право на жизнь, только уже в колонии для несовершеннолетних. Накопившаяся агрессия вылилась новым сроком, за ещё одно жестокое убийство.

Во всём, что с ним произошло он винил своих родителей. Год за годом глубоко укоренившаяся боль в душе, переросла в кровную обиду. Ведь это они обрекли Татарина на такую жизнь, отказавшись от него. Обида росла и тогда-то залегла в Валеркиной голове мысль отомстить. Из документов, прихваченных из детского дома, он знал, где они живут. Оставалось только выйти с зоны, не получив ещё один срок...

Валерий провёл пальцем по лицу Ани. Месяц она собирала себя по частям, месяц зализывала раны на душе, после последнего разговора с Сергеем. Теперь Нюрка не плакала, она почти научилась жить заново и почти забыла своего обидчика. Больших усилий стоило Татарину уговорить её оставить ребёнка.

— На что я буду жить? — поинтересовалась девушка.

— Я помогу, — ответил Валерий. — Ребёнок подрастёт в ясли пойдёт, а ты на работу.

— Куда я устроюсь без образования с маленьким ребёнком? Я учиться хочу.

— Я понимаю, что будет трудно, но возможно всё. Ты думаешь одна такая? Знаешь, сколько женщин, которые одни, без мужей воспитывают детей?

Анька отрицательно мотнула головой.

— Много! Ты сильная, справишься.

— Почему ты помогаешь мне?

Татарин не рискнул сказать правду.

— Ты мне нравишься, — ответил он просто.

— Ты что в меня влюбился? — удивилась Нюрка.

Валерка рассмеялся в ответ.

— А что просто дружбы между мужчиной и женщиной быть не может?

Анька покраснела, а Татарин снова засмеялся.

Он забрал сестру к себе, подальше от её отца алкоголика. Валерка сам ходил с ней к врачам в женскую консультацию, сам ухаживал, как за больной, сам успокаивал. В общем, взял всю заботу о ней на себя. И всё шло хорошо, пока Ане не взбрела в голову идея поговорить с Сергеем ещё раз. Наивная дурочка хотела помериться. Но у парня совести не появилось, он Нюрку даже в квартиру не пустил. Оттолкнул брезгливо.

— Хватит сюда шастать. Бедным не подаём, — и захлопнул дверь.

Следующим ударом стала свадьба Сергея и Алины. Приглашение пришло по почте и попало к Михаилу Михайловичу. В итоге у Ани оно оказалось только накануне торжества. Замерев от ужаса, она сидела на диване, поджав под себя ноги, и тупо смотрела на пригласительную открытку.

— Как жениться? — прохрипела она севшим голосом. — А как же я, наш ребёнок? Он не может так поступить!

— Почему не может? — театрально удивился Валерий, мысленно проклиная наивность сестры. — Давно пора понять, что Сергей твой — последняя сволочь.

— Не говори о нём так! — крикнула Анька и, вскочила с дивана, выбежала из комнаты.

Нюрка не хотела ехать на эту свадьбу, она не поддавалась ни на какие уговоры Татарина. Наплакавшись, девушка молча ходила по комнате из угла в угол, словно обдумывая что-то, а потом свернувшись калачиком на кровати, уснула, сжимая злополучное

приглашение в руках...

— Анютка... вставай, — будил её Валерий. — А то опоздаем.

Нюрка проснулась, рывком села и тут же схватилась за раскалывающуюся от адской боли голову.

— Давай не пойдём?

— Нет, мы обязательно пойдём! Это шанс встретиться с Анатолием Васильевичем и всё ему рассказать. Сколько раз ты пыталась попасть к нему?

Аня молчала, опустив голову.

— А сегодня у тебя появилась такая возможность.

— Смысл теперь в этом? Сергей жениться на Алине... — одинокая слезинка покатила по её щеке. — Я не хочу портить свадьбу подруге.

— Ты можешь потребовать денег на содержание ребёнка.

— А тебе, зачем всё это?

— Скажем так — я преследую свои цели, — уклонился от прямого ответа Татарин.

Потом вспоминая этот разговор Кондрашова, поймёт, что брат просто использовал её. Она и сама так будет поступать — расписывая роли окружающих людей, чтобы отстоять завод и рассчитаться с долгами Сергея.

— Хорошо, — согласилась, наконец, Аня.

Валерий облегченно вздохнул.

Сдерживая возрастающее с каждой секундой волнение, Аня села в машину, которая должна была отвезти их на свадьбу.

Невеста всё время улыбаясь, окидывала цепким, внимательным взглядом собравшихся людей. Несмотря ни на что она была счастлива. Как же её наступление прошло безукоризненно, согласно плану. Поначалу Алинка даже думала, что ничего у неё не получится, но под чутким руководством Людмилы Валентиновны продолжала выстраивать чёткий порядок своих действий. Новикову очень устраивал такой муж как Сергей — свободные отношения, и главное деньги. Учиться и работать она не хотела, а жить на “широкую ногу” привыкла.

Алинка часто появлялась в квартире Поляковых, она приходила даже тогда, когда Сергея не было дома. За чашечкой чая они с Людмилой Валентиновной выстраивали новые планы. Но время шло, а предложения руки и сердца так и не поступало.

Планы резко менялись, когда Новикова узнала, что её лучшая подруга беременна от Сергея. Алинка боялась встречи Анатолия Васильевича и Ани. Ведь он, узнав о скором появлении внука или внучки, мог заставить сына жениться на Кондрашовой. Но всё обошлось, опять же стараниям Людмилы Валентиновны. Она достала справку подтверждающую беременность Алины, и она же надавила на мужа и на сына.

Что двигало Сергеем, почему он вдруг решил жениться на ней, Алина не знала. После непростого разговора с отцом и матерью, Поляков безо всяких объяснений уехал на дачу.

В конце августа он появился на пороге квартиры Новиковых. Сергей долго напряжённо смотрел на Алинку, словно что-то просчитывал и решал про себя.

— Выходи за меня, — вдруг бросил он, так будто предлагал выпить чашку чая.

Алинка конечно же согласилась. А сейчас смотря на Аню, думала, не сделала ли она самую большую ошибку в своей жизни? Новикова знала, кто пригласил на свадьбу подругу.

Сам жених, по-видимому, чтобы окончательно унижить Ньюрку.

Сергей стоял в стороне, рядом со своей матерью. Украдкой бросал взгляд на девушку. Видно было, что он злился всякий раз, когда парень сопровождавший Аню как бы невзначай ложил руку на её немного округлившийся живот...

Время регистрации приближалось, а Анатолия Васильевича так и не было. Аня нервничала. Сквозь пелену наворачившихся слез, она вообще ничего не видела. Девушка старалась держаться в стороне, от других гостей и не податься на глаза жениху и друзьям — Женьке и Юле.

Кондрашову то и дело охватывало мстительное желание подойти к “счастливой” парочке, чтобы поставить в неловкое положение Сергея. Уж очень хотелось посмотреть, как он станет из него выкручиваться, когда она скажет Алине, что беременна от её мужа. Но, увы, решительности так и не хватило.

После регистрации Кондрашова и Валерий не подошли к молодоженам, чтобы поздравить. Они не стали фотографироваться со всеми и пить шампанское.

— Отвези меня домой, — не выдержав, попросила Аня.

— Тебе плохо? — испугался Валерий, увидев бледное лицо сестры.

— Плохо! — в висках отдавало тяжелой и тупой болью.

— Потерпи ещё немножко...

Алику хотелось выпить, чтобы унять гнев и злость. Вагоны с никелем пропали, не доехав до покупателя. Очередная сделка сорвалась. Ситуация напоминала карточную игру, на кону стояли большие деньги. И он проиграл. Но ничего виновных Поляков найдёт, и накажет, а деньги дело наживное. Сейчас не до этого, нужно настроиться на праздник — на свадьбу сына.

Анатолий смотрел с неприязнью на серые дома, громоздящиеся по обеим сторонам улицы. Сегодня его всё раздражало, выводило из себя. Но сюрпризы не закончились...

Машина остановилась у ресторана “Караван” и прежде чем Алик успел из неё выйти, один из его охранников куда-то резко кинулся. Когда Анатолий поднялся по ступенькам дерущихся уже развели по разным сторонам.

Незнакомому парня держал охранник Полякова, а жениха удерживал Евгений. Между ними стояла беременная Аня.

— Чёрт! — пробормотал Алик, одним взглядом охватив всю сцену.

— Анатолий Васильевич, — бросилась к Полякову девушка. — Валера не в чём ни виноват...

Алик внимательней посмотрел на незнакомому парня. Тот смотрел на него, пытаясь пробуровать злым взглядом, жевалки на скулах вздувались.

— Макс тащи обоих в кабинет директора! — приказал Поляков, ситуация его одновременно и забавляла, и злила. Анатолий догадывался, что драка скорей всего произошла из-за Ани.

...Толик сел в кожаное кресло, он поглядывал то на сына, то на привалившегося к стене Татарина. “Что это — какая свадьба без драки? Да нет, не похоже. Тут, что-то другое. Что за хрень!”, - выругался Анатолий про себя. А вслух, сохраняя полное спокойствие, спросил:

— Что случилось? Давайте, излагайте...

— Случилось! Ещё пять месяцев назад, — ядовито выдохнул Валерий.

Алик заметил на пальцах незнакомца две татуировки — закрашенный перстень с белой полоской, с правого верхнего угла в нижней левый, сверху купол. Другой перстень-тату с чёрным могильным крестом. “А парень непрост. Судя по наколкам, прошёл малолетку и зону”, — решил про себя Алик.

— Ты, чё быкуешь? С тобой по-человечески базарят. А ты в бутылку лезешь. Давай поговорим.

— Поговорим? — в глазах Татарина появился стальной блеск. — Ну, давай, поговорим. Твой щенок изнасиловал мою сестру... Аню.

Стоящий в дверном проёме Евгений судорожно дёрнулся, рванул к Сергею. Но резкий приказ Анатолия заставил его остановиться в нескольких метрах.

— Сидеть!

Ананьев смотрел на бывшего друга, как на скорпиона, который мог смертельно ужалить. Женьке хотелось схватить друга под горло, придушить. Но он понимал, что сейчас ему этого сделать не дадут.

— Продолжай! — велел Анатолий Татарину.

— Потом он растрезвонил всем, — не повышая и не понижая тона, продолжал Валерка, произнося каждое слово чётко и отдельно: — что она сама легла под него и что ребёнок не его.

— Валер... не надо, — Кондрашова схватила парня за руку.

— Мне всё ясно, — задумчиво пробормотал Анатолий. — Аня, а почему ты не пришла ко мне?

— Я... мы пытались... но нас не пустили...

— И чего вы теперь хотите?

— Денег, — нагло ответил Татарин. — На содержание ребёнка.

— Хорошо, — согласился Алик.

Сергей поднялся и направился к дверям.

— Ты, куда? — Поляков с раздражением глянул на сына.

— Я смотрю, вы уже тут всё решили, — хмыкнул жених. — А мне пора к законной жене.

— Мне ничего не надо! — не выдержала Аня, она поднялась, быстро пошла к выходу. Но вдруг у самых дверей остановилась, развернулась к Сергею. — Ты...

— Я же тебе уже всё сказал ещё тогда, — он обнял девушку за плечи, привлёк к себе, носом коснулся нежной шеи и процедил: — Это не мой ребёнок!

— Какая же ты сволочь!

Аню передёрнуло, она отстранилась и почти без размаха вlepила ему пощёчину, затем стремительно вышла из кабинета. За ней выбежал Женька.

Сергей снисходительно улыбался, потирал щеку.

— Ты что творишь? — взревел Анатолий. — Чему ты радуешься — то?

Но сын не обратил на него внимания, он посмотрел на Валерия продолжая улыбаться всё так же ядовито, но только в его улыбки уже не было снисходительности.

— Мы ещё встретимся!

Татарин с невозмутимым видом кивнул. Сергей повернулся к нему спиной и толкнув дверь, зашагал прочь.

— И откуда ты такой взялся? Насколько знаю, у Ани нет не братьев, не сестёр, —

Поляков прохаживался по кабинету.

— Не было. А теперь есть.

— Давно откинулся? — Алик остановился напротив Татарина.

— Год, — сквозь зубы ответил он.

— По какой статье?

— Сто пятой.

Валерий пристально смотрел в глаза Полякова.

— Я что на допросе? — взгляд резкий, сильный. — Деньги давай!

После короткого раздумья Анатолий полез в карман, достал толстый бумажник, вытащил оттуда пять купюр, протянул их Татарину.

— Вот возьми, — Поляков чувствовал себя виноватым перед Нюркой. Анатолий, не знал правду ли ему сейчас рассказали, но как бы то не было, он обязан помочь девочке. И не только потому, что обещал Зинаиде, возможно Анна и, правда, беременна от Сергея, то, что его сын насильник Алик верить не хотел. — Передай Ане. Я готов давать ей деньги каждый месяц, но с одним условием, — мужчина замолчал на минуту, обдумывая правильно ли он поступает. — Аня должна уехать из города навсегда. Я помогу ей с работой в любом другом городе.

Сейчас Полякову не нужны были лишние проблемы, потом он разберется с этой ситуацией. Главное, чтобы всё было под контролем.

— Я поговорю с ней.

— У меня есть предложение и для тебя.

— Меня это не интересует.

— А ты подумай. И если надумаешь, приходи. Мне такие пацаны нужны. И бабки я плачу хорошие.

Татарин не ответил, молча шагнул в открытую дверь.

— Зря ты так, — процедил за его спиной Алик. — Смотри, пожалеешь...

К угрозам Валерка давно привык, поэтому не обратил внимания на слова Полякова...

Часть вторая

Глава первая

Пять лет спустя. Сентябрь 1998 года.

...Натянув брюки и переобувшись в ботинки, Поляков скинул с плеч мокрое полотенце. Не мешало бы, конечно, обсохнуть после душа, но Сергей спешил. Спешил на семейный ужин.

Дверь в раздевалку резко открылась, и из спортзала вышел высокий, темноволосый парень. Он направился прямо к Серёге.

Диме Самохину было двадцать пять лет, своя квартира, машина. Отец Самохина работал начальником районного МУРа. С помощью его связей Димка устроился в строительную фирму юристом.

Единственный ребёнок, воспитываемый отцом, мать Димы умерла, когда ему было три года, получал всё, что хотел. Самохин старший брал взятки, за разваленные дела, на эти деньги он и обеспечивал сына.

Сергей познакомился с Самохиным месяц назад, в самом престижном и дорогом

фитнес клубе “POWER MASTERS”. В тренажерный зал Поляков начал ходить относительно недавно, под воздействием моды.

В закрытом элитном клубе “POWER MASTERS” собирались исключительно бизнесмены, владельцы магазинов, строительных фирм, банкиры, высокопоставленные чиновники и их подрастающие наследники. Так сказать, люди определённого круга.

Обычно после качалки Сергей и Дмитрий ехали в бар или бильярдный клуб и там отрывались до утра. Два избалованных мажора регулярно влипали в истории. Богатые и влиятельные отцы неизменно выручали их, потом проводили воспитательную работу, пытаясь наставить на истинный путь, но каждый новый вечер всё повторялось снова и снова.

Самохин гулять умел. Признанный красавец пользовался большим успехом у самых привлекательных молодых девушек города. Парень вёл себя слишком развязано. Иногда его бесцеремонность и наглость раздражали Полякова, но выпив пару рюмок, он переставал обращать внимание на недостатки друга...

— В бильярд? — предложил Дима.

— Нет. Сегодня не могу.

— Тогда меня в центр подкинешь?

За спиной Сергея зазвонил мобильник, валявшийся где-то в спортивной сумке. Поляков обернулся, наклонился к сумке и пошарил по её дну, вытащил телефон.

— Да, — ответил он в трубку.

— Поляков, привет! — пробурчал недовольный женский голос.

Это была Юлька Волкова. Последний раз они общались так давно, что для Сергея стал большой неожиданностью этот звонок.

— Поляков, ты извини меня за нескромный вопрос, но где сейчас твоя жена?

— В смысле? — напрягся Сергей.

— Ну, где она сейчас, ты в курсе? — настойчиво, начиная раздражаться, повторила свой вопрос Юлька.

Сергей молчал. Он, конечно, догадывался где сейчас Алина — у очередного любовника. Каждый из них уже давно жил своей жизнью, практически в открытую крутил романы на стороне. И это не было секретом для окружающих их людей.

— Значит ты ещё не в курсе с кем теперь спит твоя жена... а ты позвони ей... спроси...

— Слушай, не морочь мне голову. Скажи по-человечески что случилось? — теперь уже начал злиться Поляков.

— Твоя Алинка с моим мужем, — истерично бросила в трубку Юлька. — И знаешь это уже не смешно! Ей мало свободных мужиков, переключилась на женатых? Уйми свою жену, а то я выцарапаю ей глаза.

Юлька сбросил вызов, а Сергей выругался, сжимая в руках “Моторолу”:

— Похотливая сучка! Тварь!

Поляков злился на Алинку не из-за измены, он к ним привык, а за то с кем она изменяла. В этот раз она перешла все границы. Мужем Юльки был Татарин. Опять Татарин... как кость в горле...

Сергей до сих пор не мог понять, как так получилось, как смог Иуда проникнуть в их семью? Почему осторожный и подозрительный во всём отец подпустил к своему бизнесу чужого человека? Почему позволил втянуть себя в такую весьма сомнительную авантюру, как “Трестбанк”?

Ну да, конечно Анатолий Васильевич полностью доверял своей правой руке Валерию и не желал прислушиваться к предостережениям непутёвого сына. Он до сих пор не верил, что за тяжёлым положением, в котором оказался банк, стоял Татарин. Поляков списывал всё на нестабильную экономическую обстановку в стране. Ведь никто не мог знать, что произойдёт дефолт и “Трестбанк” не выдержав кризиса, попадет под угрозу банкротства.

Но Сергей был на сто процентов уверен, что Татарин всё знал. Эта мразь всё просчитала. У Анатолия Полякова были большие амбиции, и он всегда хотел этим амбициям соответствовать. Отец мечтал, чтобы его банк стал со временем финансово-промышленной империей. На этом то и играл Валерий. Он помог найти соучредителя и первого клиента миллионера. Теперь “Трестбанк” стал не пирамидой, как изначально планировалось, а частным инвестором. Только вот предприятия, учрежденные при участии “Трестбанка”, очень часто попадали в криминальные сводки. То убивали их руководителей, то один из служащих издательского дома “Новая страна”, издательство принадлежало “Трестбанку”, подделал подпись главного бухгалтера на крупную сумму, получил её и скрылся.

Татарин предложил поучаствовать в приватизации двух ликёроводочных предприятий. Но заявки на аукцион принимал банк “Восход” он же в дальнейшем и стал обладателем этих заводов. А в газете появилась информация о тяжёлом финансовом положении “Трестбанка”.

Обиженный и разгневанный Поляков обвинил учредителя банка “Восход” — Андрея Карпова, в плетении интриг против “Трестбанка”. И нажил себе серьёзного врага.

В то время Юлька и Сергей окончили институт и плодотворно работали в “Трестбанке”.

Там-то Волкова и познакомилась с Татариним, она помогала начальнику финансового отдела Глебову, а Валерий часто заходил к нему по разным вопросам. Очень скоро между молодыми людьми вспыхнул роман, который затем перешёл в совместное проживание и законный брак.

Сергей же занимался программированием банковской системы. Поначалу он активно участвовал во всех делах банка. Но Татарину, по-видимому, это не нравилось, и поэтому, когда на совещаниях Поляков младший высказывал своё мнение по тому или иному вопросу, Валерий его резко обрывал.

— Не лезь в те вопросы, в которых ты ничего не понимаешь!

— Я вот как раз и понимаю, — Сергей поднялся со стула и схватил Татарина за воротник рубашки. — Твои предложения доведут банк до разорения! Ты это делаешь специально!

— Ну и зачем же мне это?

— Мстишь нам за Аню!

— Ну что ты, — Валерий прищурился. — Во-первых, я мстить могу только тебе, потому что это ты виноват, в том, что Анютка растит вашего ребёнка одна. Во-вторых — я не смешиваю личные отношения с работой, — Татарин ударил Полякова по рукам, освобождаясь от захвата. — Поэтому разбираться с тобой по поводу Ани мы будем в другом месте.

— Я не понял, — Сергей хищно сузил глаза. — Ты что мне угрожаешь?

— Предупреждаю!

— Заткнитесь оба! — просипел Анатолий Васильевич, стукнув рукой по столу. — Сергей, выйди вон.

Поляков младший с яростью посмотрел на отца и, хлопнув дверью, ушел с заседания.

Неделю назад дела “Трестбанка” совсем разладились, виной тому стал кризис.

Примерно два последних года “Трестбанк”, как все крупные банки, жил на западные кредиты. Старые кредиты отдавались за счёт новых заимствований. К началу августовского кризиса задолженность, банка Полякова, западным кредиторам превысила восемьсот миллионов долларов. Размер обязательств по форвардным контрактам составляла двести миллиардов рублей. Так же по настоянию Татарина большинство соглашений по займу было заключено с иностранцами.

Введённый российским правительством мораторий, на выплаты по внешним долгам, позволил банку Алика, на время отсрочить расплату по долгам с зарубежными партнёрами. И всё вроде бы налаживалось, но Сергею что-то не давало покоя. А сегодня утром, проверяя компьютер начальника финансового отдела, он случайно заглянул в папку, лежащую на столе. Там были выписки по переводам. По этим бумагам получалось, что “Трестбанк” со своих счетов вывел полтора миллиарда долларов.

В этот момент в кабинет вошёл Глебов. Он выхватил папку из рук Сергея.

— Молодой человек, кто вам позволил рыться в моих документах?

— Кто распорядился по поводу вывода денег со счетов?

— Вас это не касается! Занимайтесь своими делами...

Сергея обуяла злость. Он выбежал из кабинета и направился к отцу.

— Папа, у тебя со счетов воруют деньги... — врываясь в кабинет к Анатолию Васильевичу, возмущённо закричал с порога Сергей.

— Не говори ерунды! — отрывисто и зло гаркнул Алик. — Ты что уже с утра набрался? Ну-кадохни!

— Да тебе разве что докажешь... — Сергей безнадёжно махнул рукой, развернулся и вышел из кабинета...

Сейчас вспоминая утреннее происшествие, Сергей напряжённо думал. Его занимал всего лишь один вопрос — чьи приказы выполнял Глебов? Ответ он знал, но для очистки совести сначала мысленно перебрал всех, кто мог быть в сговоре с начальником финансового отдела, с кем он общался в не работы. И чем дольше Поляков думал над этим, анализировал, тем больше убеждался, что это Татарин.

Лицо взбешённого Сергея пошло красными пятнами. Его душила злоба.

— Падла! — снова выругался он, теперь уже в адрес своего врага — Татарина. Он в ярости швырнул телефон в сумку. — Поехали в кабак.

Хоть Дмитрий и был удивлён изменившимся решением друга, но ничего не сказал. Только кивнул, согласно...

Самохин юркнул в машину, а Сергей, включив магнитолау на всю катушку, вырулил на дорогу. Через пол часа они уже сидели за VIP столиком в боулинг клубе.

Официантка суетливо выставила на стол бутылку водки и две стопки. Поляков тут же налил водку и одним махом опрокинул стопарь. Жидкость, обжигая, прошла по горлу.

— Повторим? — предложил он Дмитрию.

Тот, глядя на него, тоже залпом выпил свою порцию водки и только потом утвердительно кивнул головой. Поединок продолжался, бутылка пустела.

Через час Самохину стало скучно, не хватало драйва и травки.

— Поехали в другое место?

Сергей прошелся взглядом по залу. У стойки бара сидела красивая блондинка. Она

вертела в руке бокал с красным вином и в упор смотрела на Полякова. Её откровенный взгляд заставил его замереть на секунду. У парня кругом пошла голова, от такого заманчивого приглашения.

— Нет, Димон, — на лице Сергея появилась блудливая улыбка. — Не поехали.

Поляков взял в руки бутылку, отхлебнул водки с горла, потом приложился ещё раз, с наслаждением глотая обжигающую жидкость. Встал и направился к девушке.

Когда до блондинки оставалось пару шагов, дорогу Сергею перегородил громила.

— Девушка занята, — ухмыляясь, предупредил он.

Поляков не обратил внимания на его слова, а лишь слегка взял в сторону, чтобы обойти громилу, да проходя мимо, нарочно задел плечом так, что браток едва удержался на ногах.

— Да пошёл ты, козёл! — двинув ему повторно, теперь уже в живот, злобно бросил Поляков.

Лицо громилы скривилось от злости. Сергею нужно было спустить пары, и этот браток поможет ему в этом...

Привычные к подобным инцидентам персонал клуба, быстро и умело разрядили ситуацию. Громилу и блондинку увели в сторону, а Сергея и Дмитрия попросили покинуть бар.

Но Поляков уже уgomониться не мог. Его новенькая бега с бешеной скоростью выехала на встречу. Она летел по пустынным улицам, безжалостно объезжая редкие в этот час автомобили.

Дежуривший инспектор ДПС попытался остановить БМВ.

Машина затормозила, возле него, и из неё вышел, пошатывающийся, Сергей. Он тут же набросился на гаишника и с особой жестокостью ударил его в челюсть.

Инспектор упал на землю, а взбешённый Поляков вернулся к своей машине сел за руль. Бега пронзительно завизжала колёсами, сорвалась с места, и переехал потерявшего сознание инспектора...

В то время, когда Поляков младший вымещал свою злобу на ни в чём не повинных людях, Анатолий Васильевич спешил домой. Он гнал Крузак во весь опор.

Но у въезда во двор, перед самым носом Алика, вдруг опустился шлагбаум, перегораживая ему путь.

— Что за хрень! — выругался себе под нос Поляков.

Он точно помнил, что, когда утром выезжал со двора, шлагбаума не было. Откуда он тут появился? Опять Карпов постарался? Точно такой же шлагбаум пару месяцев назад был уже со скандалом демонтирован. Тогда Анатолий серьёзно сцепился с Карпом и, если бы не присутствие ментов неизвестно чем бы всё закончилось.

За шлагбаумом из Волги, она успела проехать перед Поляковым, вышли сначала охранники, потом и сам Карпов. Как всегда, в дорогом костюме и с неизменной ухмылкой на лице.

— Что домой попасть не можешь? — Карп намеренно скользнул взглядом по шлагбауму, дескать, вот получи...

— Опять ты постарался?

— А что если и я?

— А то! Сейчас увидишь! — насмешливо обронил Алик, смерив Андрея презрительным взглядом.

Анатолий переключил ручник, надавил на газ. Машина подалась, вперёд накатываясь на шлагбаум. Ещё секунда и пластик разлетелся на мелкие куски, а Крузак влетел во двор и остановился в нескольких сантиметрах от Карпова.

— Да ... как... ты... — глаза Андрея покраснели от злости, по щекам разлился нездоровый румянец. — Совсем охренел!

Анатолий вышел из машины и в плотную подошёл к Карпову.

— Заткнись, урод... — он давил соперника взглядом.

— За урода ответишь...

— Смотри, как бы самому ответить не пришлось! — бросил Алик и с видом победителя повернулся к нему спиной.

Но сделать он успел только несколько шагов. Путь ему вновь перегородили, только теперь не шлагбаум, а два здоровых амбала в чёрных костюмах. Охрана Карпа.

— Убери своих бульдогов!

Поляков вытащил из кармана пистолет и направил на одного из амбалов.

— Слушайте меня внимательно, уроды! Одно резкое движение и будет два трупа, — Алик готов был выстрелить, но тут во двор въехала ещё одна машина. Из неё выскочил Татарин.

— Что тут происходит?

— Ничего... — ответил Карпов, показав жестом своей охране отступить. Лишние свидетели ему не нужны, а с Поляковым он разберется потом. — Мы с тобой ещё поговорим, — предупредил он, покусывая губы.

Алик ничего не ответил, развернулся к Татарину.

— Ты чего приехал?

— Алину привёз.

— А... а... — он задумчиво посмотрел на вылезавшую из машины невестку. — Привёз, молодец. Вот — он протянул ключи от своего Крузера. — Съезди в салон, подправь капот...

В спальне на тумбочке, запиликал мобильник Алика.

— Чёрт, ну кто там ещё? — недовольно буркнул он.

— Да выключи ты его, — сонно протянула Людмила, переворачиваясь на другой бок. — Нет покоя не ночью не днём...

— Конечно... — Поляков потянулся за телефоном. — Алло!

Звонил Татарин.

— Анатолий Васильевич, извините за ранний звонок, — его голос был резкий и взвинченный. — Мне только что позвонили... Сергей сбил человека.

— Что? — взревел Поляков, от его крика подскочила Людмила.

— Что-то случилось? С Серёжей что-то? — встревожилась она.

— Заткнись! — рявкнул на неё Анатолий, вставая с кровати. — Где моя машина?

— У вас под окнами. Вот только ключи у меня...

— У меня есть запасные. Подъезжай... где он?

— В двенадцатом отделении.

— Подъезжай туда...

В полном оцепенении Анатолий гнал свою машину. Он был раздражен и зол. Поляков без конца задавал себе один и тот же вопрос — почему его сын вырос такой мразью? Да, он

мало уделял ему времени. Да, он возложил воспитание Сергея на плечи жены. Но как иначе? Ему надо было крутиться, зарабатывать деньги, отстаивать власть, а потом в его жизни вновь появилась Зинаида... И так получилось он просто отвернулся от него... Как бы то не было Алик не хотел себе признаваться, что попросту стал чёрств и равнодушен к сыну.

— Как же выбить из него всю эту дурь... — бормотал под нос, себе Поляков, хмуро глядя на дорогу. — Лупить, надо было в детстве...

Промчавшись на огромной скорости по пустым улицам, Анатолий подъехал к двенадцатому отделению. Остановил машину.

Он буквально влетел в отделение милиции. Там уже стоял, у окна дежурного, Валерий. Татарин быстро подошёл к нему.

— Сергей ехал по встречной полосе. Инспектор ДПС попытался его остановить. В ответ ваш сын его ударил, а потом проехал по нему. Второй инспектор, он сидел в это время в машине, по рации передал сигнал тревоги... В общем Сергея и его пассажира — Дмитрия Самохина задержали. По факту случившегося даже начали возбуждать уголовное дело по статье “Применение насилия в отношении представителя власти”, но Самохин старший успел вмешаться. Гаишники уже отказались от своих показаний. Пострадавший в больнице. Сергей в кабинете начальника отдела.

Мужчины прошли через проходную. Дежурный, молча их пропустил, по видимому его уже предупредили о “гостях”.

— Поможешь пострадавшему деньгами. И второму менту тоже дай, — на ходу, отдал распоряжение Поляков.

Поднявшись на второй этаж и найдя нужную дверь, Алик остановился. Потом прислонился к стене, закрыл глаза. Но уже через несколько секунд он взял себя в руки и вошёл в кабинет.

Сергей мучился от жуткого похмелья и головной боли. А ещё ему хотелось провалиться сквозь землю от стыда. Он осознавал, что вёл себя глупо, наломал дров, покалечил человека. Поляков младший окинул, грустным взглядом, просторный кабинет. Обычный кабинет: белый потолок, стены оклеены светлыми обоями. Из мебели стол, пару стульев и стеллажи с папками.

За столом сидел хмурый мужчина. Он не обращал внимания на Полякова, что записывая в папку.

Вдруг дверь резка открылась, и в кабинет вошёл Анатолий Васильевич. От его пристального и сурового взгляда Сергей заёрзал на жёстком стуле, отвёл глаза, опустил голову, боясь посмотреть на отца.

— А Анатолий Васильевич здравствуйте, — поднялся со своего места мужчина, протягивая руку Алику. — Мы уже закончили... Сергей свободен...

— Аркадий можно мне поговорить с сыном наедине?

Мужчина с минуты колебался, не зная, как поступить. Но, всё же решив, что отцу и сыну стоит поговорить, вышел из кабинета.

Сергей молчал. Молчал и Анатолий. На его скулах катались крупные желваки. Он стукнул по столу кулаком и начал тираду:

— Мое терпение не безгранично. Ты чуть не убил человека! Мне надоело вытаскивать тебя из разных неприятностей. И спонсировать твои выходки я тоже больше не буду!

— Почему? Денег жалко? — ухмыльнулся Сергей.

— Ты больше ни копейки от меня не получишь. Я не собираюсь смотреть, как мой сын губить свою жизнь.

— А это ты сломал мою жизнь... Это ты во всём виноват! Ты сначала бросил мать, а теперь не доверяешь мне — твоему сыну. Зато веришь человеку, который тебя обкрадывает!

— Ты снова про Татарина?

Сергей подскочил со стула и подошёл к окну. Он невидящим взглядом следил за пустой улицей.

— Почему ты доверяешь ему, а не мне? Почему ты веришь его словам? — с каждым вопросом Сергей повышал голос. — Ты ничего не понимаешь! Этот гад изначально всё подстроил...

— Заткнись и слушай! — заорал в ответ Алик, подойдя к сыну. — Не верю и не доверяю. Я знаю, что Татарин перевёл со счетов деньги. Я давно слежу за ним.

Сергей повернулся к отцу лицом.

— Да... да... Я догадывался насчёт Татарина и верил тебе. Но мне нужно знать, кто стоит за ним! И поэтому ты будешь молчать, пока я не вычислю крысу, — Анатолий откашлялся и достал сигарету. — И больше никаких пьянок! Всё, хватит! Пожалей мать!

У отделения милиции стояли два джипа. Один из них принадлежал Татарину. Другой — Полякову.

Сквозь тонированные стёкла машины Валере было хорошо видно, как отец и сын подходят к джипу. Сергей взялся за ручку дверцы, но тут остановился и пристально посмотрел в сторону Татарина. Потом с силой рванул дверцу машины и сел на заднее сиденье.

“Сукин сын. Опять всё сошло тебе с рук”, - раздражённо подумал Татарин, провожая его глазами, — ну, ничего сегодня ты получишь за всё...”

Крузак Полякова выехал на дорогу, следом за ним тронулся джип Татарина.

Когда джип Полякова свернул на набережную и остановился на перекрёстке за грузовиком, Валерий обогнал обе машины, игнорируя красный свет светофора.

Управляя машиной одной рукой, второй достал из кармана радиопередатчик и нажал на кнопку.

В этот миг в джипе Полякова прогремел взрыв.

От взрыва, объятый пламенем Крузак, поехал вперёд и врезался в грузовик...

... Боли Сергей не чувствовал, но в голове сильно звенело, и этот звон заглушал все остальные звуки. Он попробовал приподняться, но обнаружил, что тело его не слушается. И тут волна острой боли обрушилась на него.

Превозмогая боль, сжимая зубами окровавленный губы, Серёга повернул голову в поисках отца.

Анатолий не подвижно лежал в луже крови, в нескольких шагах от него. Из его ноги торчал острый осколок стекла. Другая нога чуть выше колена была оторвана. Её нижняя часть валялась в нескольких метрах.

Пару минут Сергей всматривался в окровавленное лицо отца, пытаясь найти в нём хоть какие-то признаки жизни.

— Па... па, — прошептал он одними губами.

Тут над Сергеем кто-то наклонился. Это был Татарин.

“А ведь это он взорвал машину!”, - пронеслась последняя мысль в голове парня, — “Сволочь”...

Глава вторая

... Тяжёлый, застоявшийся за ночь воздух душил Аню, впрочем, дело было не только в нём. Не пролившиеся слёзы, ноющей болью довили в груди. Молодую женщину бросало то в холод, то в жар...

Весящие в комнате плотные, тёмные шторы создавали зыбкий полумрак. Анна сидела напротив светящегося рябью экрана. Его колеблющиеся блики тенью отражались на светлых обоях стены. Звук телевизора был отключён. В руке, Кондрашова, держала трубку стационарного телефона. Она настолько сильно её сжимала, что костяшки пальцев побелели. Из мембраны шли короткие гудки отбоя. Но Аня этого не замечала, уйдя в себя, в задумчивом оцепенении, невидящим взглядом смотрела в сторону окна.

Её тихий временный мир неожиданно рухнул, рассыпавшись на кусочки. Как же ей было хорошо в панцире новой счастливой жизни. А теперь всё... всё закончилось... всё пора вылизать наружу... прошлое вернулось, для того чтобы стать настоящим.

Внезапно осознав это, вздрогнула, побледнела, отбросила трубку прочь и снова замерла, опустив голову. Анна вновь отключилась от реальности, полностью уйдя в свои мысли. Настал тот день, которого она так долго ждала. Но отчего-то не было чувства удовлетворенности, триумфа. Только нехватка воздуха и страх...

Погружённая в свои мысли, Аня не слышала, как открылась входная дверь квартиры, как в комнату вошёл Женя.

Евгений наклонился, поднял трубку и положил её на рычаг телефона. По бледному лицу любимой он всё понял — она уже знает.

— Анята, — проговорил он, помолчав. — Анята, послушай...

— Я... я должна вернуться, — ещё минуту назад она не знала, что делать, как поступить, а сейчас вдруг всё поняла. — Должна... я обещала... Валере...

— Остановись! Забудь этих людей... ничего и никому ты не должна! — Евгений присел перед ней, заставил поднять голову и посмотреть себе в глаза. — Ты слышишь? Никому!

— Нет... должна. Должна себе, должна сыну, — Анна поднялась и глядя в пол повторила, — Должна! Он бросил меня, как ненужную собаку. Я ждала именно такого случая, такого шанса. И не надеялась... но судьба всё расставила по своим местам... Я хочу забрать у него всё!

Кондрашова замолчала, глядя куда-то в пустоту.

— Ты так сильно ненавидишь Сергея?

— Ненавижу? — задумалась Анна. — Нет... не знаю...

— Значит, по-прежнему любишь?

— Наверное... люблю, — честно призналась она.

— Подожди, — Евгений вскочил, поймал её за руку — Как же мы?

— Женька, Женечка... миленький, дорогой мой... а разве “мы” были? — она в упор посмотрела на него ясными серыми глазами. — Ты уж извини, если дала ложную надежду. Спасибо тебе за поддержку... за всё, но теперь наши пути расходятся.

Вместо того чтобы уйти Евгений неожиданно обнял её, поцеловал в тёплую солёную щеку. Он решил не торопиться, ведь Аня уже почти принадлежала ему. Завтра или

послезавтра они вместе вернуться в прошлое, и он снова будет ждать и, верить в то, что она сможет полюбить его.

— Я всё равно поеду с тобой.

— Нет! Я не хочу вмешивать тебя в то, что будет происходить дальше. Я крепко завязла во всём этом...

Евгений почувствовал, что она вся напряглась, намереваясь отстраниться от него.

— Разберёмся, — прошептал он, не выпуская её из своих объятий, успокаивая нежными словами...

Она возвратилась в этот город спустя всего пять лет. Но у Анны почему-то возникало чувство, что она здесь не была, целую вечность. Из такси устало, наблюдая за бесконечно возникающими зданиями, мимо которых ехала, не могла узнать ни улицы с новыми девятиэтажками, ни центральную площадь, ставшую на время овощной ярмарки, большим рынком. Нескончаемый поток машин и людей, напоминал большой муравейник. Город был чужим, мрачным и не знакомым.

Такси остановилось у подъезда дома. Молодая женщина рассчиталась с таксистом, аккуратно взяла на руки спящего сына и неуклюже вылезла из машины.

Мерзкая дрожь охватила её при воспоминании о том, как, она жила здесь после смерти мамы, как находила пьяного отца, в луже мочи и блевотины. Слишком много страданий, страха и боли оживилось в памяти.

Она растерянно окинула взглядом знакомый двор. Вокруг всё было ярким и нереальным, как во сне, особенно кирпичный дом. В этом доме когда-то она жила и до какого-то момента была счастлива. Плохие воспоминания ушли, и Анне вдруг захотелось крикнуть: “Я вернулась!”. Но вместо этого она резко подняла голову к солнцу, сделал шаг вперед, и пошатнулась, споткнувшись об камень.

— Под ноги смотри. А то и себя и дитё угробишь, — прокряхтела старуха со скамейки.

Как и пять лет назад около дома, на скамейке сидели соседки — пенсионерки. Они всегда и всё знали обо всех. Каждый день, обсуждали новые события или жильцов дома.

Кондрашова прижимая к себе Феденьку, с опущенной головой прошла, мимо них, не поздоровавшись. Не хотелось Аннушке ни с кем общаться.

Поднявшись на свой этаж, позвонила в дверь. Никто долго не открывал, потом заскрипел ключ в замке, на пороге появился бомж.

Только присмотревшись, Анна с трудом узнала отца. Грязные спутанные волосы, многодневная щетина, замызганная старая, дырявая футболка и ещё от него сильно тянуло перегаром. Черты лица Михаила от постоянного пьянства опухли и покраснели. Он опустился на самое дно.

Какое-то время, отец и дочь молча, смотрели друг на друга. Наконец Михаил отошел в сторону, пропуская Аню в пыльную, грязную прихожую.

Комната выглядела ещё хуже. Она больше походила на помойку — по полу валялись пустые бутылки из-под водки и пива, окурки, початые сигаретные пачки. В одном из углов возвышалась приличных размеров горка из мятых газет, консервных банок, пакетов и пластиковых бутылок. Оборванные обои. Из мебели только стол и старый диван. Всё остальное, очевидно, Михаил продал или обменял на выпивку.

Анна подошла к дивану и осторожно уложила на него спящего сына.

— Надолго? — Михаил с недовольством в глазах смотрел на дочь и внука.

— Пап... ты прости, что я вот так внезапно врываюсь, через пять лет... Но у меня такая ситуация... Я хотела на пару часов оставить с тобой Федю. Но, теперь вижу, что это была плохая идея...

Аня развернулась к дивану, чтобы взять сына.

— Погоди, дочка, — остановил её Михаил. — У тебя случилось что-то?

— Нет... — пробормотала Анна. — Да... я решила... вернуться... Сергей и Анатолий Васильевич в тяжёлом состоянии в больнице. Джип Полякова сегодня утром взорвали...

Внезапный хриплый хохот Михаила привёл Аню в замешательство, она даже испугалась за отца. Но Кондрашов перестал смеяться так же неожиданно, как и начал. Он серьёзно посмотрел на дочь и сказал:

— Значит, все-таки сынок грохнул своего отца...

— Кто и кого грохнул? — не поняла Кондрашова, смотря на отца как на безумного.

— Валера Татаринов сын Анатолия и твоей матери, — не весело усмехнулся Михаил. — Вижу ты в курсе этой истории?

— Как... мама же говорила, что малыш умер...

— За деньги можно сделать и свидетельство о смерти и могилку... Зинаида была в таком состоянии, что подписала бумаги об отказе не прочитав.

— Почему ты говоришь, что Валера убил Полякова?

Михаил подошёл к столу, откупорил бутылку водки, наполнил до краёв стакан и осушил до дна.

— Когда он появился на пороге нашей квартиры — злой, жаждущий мести, я испугался, а потом понял, как надо поступить, куда направить эту злость, — Кондрашов захмелел, глаза затуманились. — Представляешь, Татарин думал, что я его отец... — Михаил вновь засмеялся. — Ты не представляешь себе, какое у него было лицо, когда он узнал полуправду... Тогда я точно понял — этот парень грохнет Полякова. Он убьёт эту мразь... и мне ничего не придётся делать...

— Папа! — она схватила отца за руку и, ища ответы, заглянула в лицо. — Зачем... зачем?

— Потому что я его ненавижу! Любил я её. А она жила со мной, а любила его, — глаза отца были холодные и чужие. — Ну, чего ты на меня так смотришь?

— Что же ты наделал... — обессилено вздохнув, вмиг обмякла Аня.

— Мама... — заплакал проснувшийся от громких голосов Фёдор.

— Ну, что ты... испугался? — Анна подхватила сына на руки и направилась к дверям. На пороге оглянулась и с жалостью посмотрела на Михаила. Хотела бы она вырвать отца из этой ямы, в которую он сам себя загнал, хотела бы простить, да только ненужно ему ничего — не прощение, не помощь...

Аня специально медленно поднималась по лестнице на второй этаж больницы. За ней неторопливо следовал Фёдор, рассматривая по пути незнакомых людей в белых халатах.

— Не спеши! Не беги!

— Мама мы к папе идём?

— Мы обязательно к нему пойдём, — сглотнув застрявший в горле ком, ответила Анна. — Только сначала заглянем к бабушке...

Рядом с палатой реанимации дежурила Людмила. Она не сразу заметила Аню и Фёдора.

— Здравствуйте Людмила Валентиновна... — растерянно пробормотала Кондрашова, наткнувшись на взгляд женщины — жёсткий, раздражённый, ненавидящий.

Анне захотелось скрыться, спрятаться, забиться куда-нибудь в угол или хотя бы стать невидимкой. Она отступила назад, на несколько шагов, оттягивая за собой сына.

— Мама, мама, а кто эта тётя? — тут же задёргал Анну Феденька, разглядывая незнакомую красивую тётеньку.

Людмила перевела взгляд на ребёнка и с нескрываемым интересом стала рассматривать уменьшенную копию Сергея. Такие же непослушные русые волосы, яркие карие глаза, и ямочки на щеках.

— Ну, что давай знакомиться... — хмурость и недовольство исчезли, на лице женщины появилась натянутая улыбка. — Я твоя бабушка... Людмила Валентиновна...

Мальш вырвал свою ладошку из Аниных рук и подошёл Людмиле.

— Фёдор Сергеевич, — убрав руки за спину, деловито и не выговаривая буквы, представился он. — А мы к дедушке и папе пришли.

— Здравствуй, Феденька, — ласково произнесла Полякова, сдерживая вдруг подступившие слёзы. Она протянула дрожащие руки и обняла внука, чувствуя, как пустота в груди заполняется теплом.

— Бабушка, я так рад, что увидел тебя, — прошептал Федя, обнимая её за шею.

— К ним можно? — Анна настороженно смотрела на Людмилу.

— Анатолий без сознания. Три часа назад операция закончилась, — скорбно пробормотала Полякова, переводя дыхание, но при этом, не отпуская внука. — И Серёженьку вчера прооперировали... ходить не будет... позвоночник повреждён...

— Я всё равно зайду?

— Как хочешь, — женщина посмотрела на внука. — А мы тут с Феденькой пока поговорим... если ты не возражаешь?

— Федя останешься с бабушкой?

— Да, — мальш уселся на кушетку рядом с Людмилой.

Анна подошла к палате, осторожно открыла дверь и вошла.

Она так и не сделала больше ни одного шага, застыла на месте.

— Боже! — вырвалось у неё.

Аня прислонилась к стенке, чтобы не упасть, сердце сжалось. Настолько трудно было смотреть, на открывшуюся перед ней картину: на кровати с перебинтованной головой и лицом лежал Анатолий. Не тронутыми бинтом остались только глаза. Он был укрыт одеялом, из-под которого торчала рука с наложенным гипсом. Вокруг кровати стояли разные мониторчики, к ним с помощью проводов и трубочек был подключен Поляков. Аппаратура попискивала, диагностируя работу сердца.

Анне трудно было поверить в то, что этот человек-мумия и есть Анатолий Васильевич Поляков.

— Больно... — хрипло прозвучало из-под бинтов. — Всё тело горит... в ушах звенит...

— Анатолий Васильевич это я Аня... — она коснулась его рукой.

— Знаю, — не открывая глаз, с трудом сглатывая, произнёс Поляков. — Духи...

Он замолчал, переводя дух и собираясь с силами.

— Я хотел извиниться перед тобой. Я очень виноват. Но и ты пойми меня... в тот момент я думал только о сыне... хотя должен был поступить не так, по совести... — Анатолий вновь замолчал, приоткрывая глаза.

— Не вините себя, — Анна вздохнула. — Я, то же перед вами виновата. Завещание... которое вы подписали... я не думала, что так получится. Я только хотела справедливости...

— Знаю... всё знаю. Ты что думаешь, я не читал завещание, которое подписывал?

— Но тогда зачем?

— Потому что так, по совести. И про Валерку всё знаю. Он мой сын... — Алик устал вздохнул и закрыл глаза. — Если бы он только позволил мне помочь ему... если бы раньше сказал, что он мой сын...

— Валера не должен был... он думает, что это вы... ведь не знал, что его отдал в детский дом мой отец.

— Всё, так как получилось. Никто не виноват, что так судьба сложилась, — Поляков сжал её ладонь, уцелевшей чудом рукой. — Пообещай мне, что спасёшь завод и банк, не оставишь Сергея. Он слабый... а Валерка... он его оставит без всего... ведь эта его цель?

Анна согласно кивнула головой.

— Простите...

Она встала, чтобы уйти, но неожиданно пальцы Анатолия сжались сильнее, удерживая Аню.

— Спаси... — едва слышно прошептал он. — Завод должен остаться... он наследство моих сыновей и внука. Только ты сможешь спасти их всех... Пообещай мне...

— Я постараюсь...

Анатолий удовлетворённо кивнул.

— Не верь никому...

Это были последние слова, которые смог произнести Анатолий, прежде чем потерять сознание. Он уже не слышал, как засвистел аппарат, показывая на мониторе остановку сердца, он не видел, как в палату ворвались врачи, он только чувствовал, как его тело падает в бездну. Боль отпустила, но Поляков боялся открыть глаза, страх сковывал его, но сделав над собой огромное усилие, Алик всё же открыл их. Перед ним стояла фигура в белом — Зинаида. Она, молча, манила его к себе, звала за собой...

Людмила всё поняла без слов, по хмурому лицу врача. Она почувствовала, что задыхается, что вот-вот потеряй сознание. На слёзы не было сил.

— Мы ничего не смогли сделать, — растерянно оправдывался врач, отводя глаза. — Травмы не совместимые с жизнью. Я вас предупреждал...

— Да... да... конечно... — женщина тупо смотрела перед собой. — Надо Серёже... сказать...

Анна положила на её плечо руку, их взгляды встретились.

— Я... я ему скажу.

Палата Сергея находилась на другом этаже. Поэтому поднимаясь по лестнице у Ани было время всё обдумать. Она так погрузилась в свои мысли, что не заметила спускающегося по ступенькам Татарина. Он перехватил своей сильной рукой её запястье. Кондрашова вздрогнула.

— Привет! К Сергею идёшь? — с улыбкой спросил он.

— Не трогай меня! — враждебно отозвалась Аня. — Зачем ты подстроил аварию? Ведь это ты сделал? Зачем? Ты говорил...

— То, что произошло, тебя не касается! Главное, что все деньги Поляковых твои. Я

выполнил свою работу. Теперь настала пора тебе выполнить свою. Надеюсь, ты не передумала?

— А что, если передумала? — вырвала свою руку из его пальцев Аня и отступила на ступеньку вниз, не желая находиться даже рядом с убийцей. — Ты и меня убьешь и Феденьку, как своего отца?

— Так ты и про отца знаешь? — усмехнулся Татарин, уставившись прямо в лицо сестры своими холодными глазами.

— За что ты мстишь? Ты ж не знаешь всей правды...

— Правда, у всех своя! Ты будешь делать то, что скажу я. Не захочешь по-хорошему — будет по-плохому.

— Это не Поляков тебя отдал в детский дом. И не мама подписала документы на отказ... вернее она, но...

— Она не она... — громко засмеялся он. — Какая теперь разница?

Аня прикрыла глаза и сильно сжала кулаки, стараясь справиться с волной эмоций, накатившей на неё. “Тихо, тихо!” — уговаривала она себя, сдерживая изо всех сил ослепляющую разум ярость — “Я должна ему всё рассказать, несмотря на то, что он не хочет слушать”.

— Послушай...

— Всё хватит!

— Это мой отец подsunул документы маме, он сказал ей, что ребёнок умер при рождении. А Поляков не знал о твоём существовании...

— Заткнись! Я не хочу слушать весь этот бред, — Татарин закрыл уши руками и замотал головой. — Не хочу!

— Да пошёл ты! — Анна побежала по ступенькам вверх, остановилась только у палаты.

Дверь была приоткрыта. Нервно покусывая губы, она пригладила пальцами волосы и только после этого заглянула в палату. Анна сразу ощутила запах лекарств и хлорки.

Бледный Сергей лежал на кровати, отвернув голову в сторону окна.

— Оставьте меня в покое! — зло выкрикнул он, скрипя зубами от боли. — Как же вы все, мне надоели.

— Сергей... — нерешительно начала Аня. — Это я...

Нестерпимая ноющая боль была такой сильной, что мгновениями у Полякова мутилось в глазах. Он не понимал, где находится, и что реально, а что воображение затуманенного болью организма. И поэтому, когда услышал голос Анны, решил, что это очередная галлюцинация.

Обернув резко голову, снова почувствовал боль. “Нет, это не галлюцинация, это она”. На него смотрела Аня. Пшеничного цвета волосы струились по её плечам. В голубой футболке и шортиках, в голубеньких босоножках и с довольно вместительной чёрной сумкой в левой руке, она казалась такой близкой и в тоже время нереальной далёкой фантазией.

— Зачем приехала? — закрывая глаза, прошипел Сергей.

— Ты... не хочешь видеть меня? — запинаясь, спросила Анна, подходя к кровати.

— Я ненавижу тебя... не могу видеть... Посмотри, что сделал твой любовник... Татарин.

Кондрашова молча села на корточки и заглянула Сергею в глаза.

— Послушай меня! Валера твой и мой брат... сводный брат.

— Мне плевать! Ненавижу!

— Он вытащил тебя из машины. Значит, в нём осталось что-то хорошее. Он просто запутался.

— Зачем? Зачем он меня вытащил? Я не хочу так жить! Ты понимаешь я никогда не смогу ходить. Это ты во всё виновата!

— Я знаю, что тебе сейчас больно, но ты должен... мы должны всё пережить... Твой отец умер...

— Умер?

— Да... мы должны спасти завод и “Трестбанк”. Так хотел твой отец.

— Так вот ты зачем здесь! Из-за наследства? Убирайся! — с ненавистью в глазах выкрикнул Поляков, сжимая пальцами одеяло. — Ты получила всё, что хотела. Расчётливая сука!

Анна неуютно поёжилась от его слов, но тут же взяла себя в руки. На её лице появилась непроницаемая маска отчуждённости, скрывающая неуверенность и боль. Серые глаза блеснули сталью, губы сжались.

— Не хочешь помогать не надо! Справлюсь сама, — Кондрашова поднялась. — Но тебе придётся привыкнуть к мысли, что мы с сыном теперь всегда будем рядом с тобой.

Она быстро пересекла палату и, выйдя в больничный коридор, захлопнула за собой белую дверь. Анна прижалась к ней спиной и перевела дух. “Чёрт возьми, он совсем не изменился, а даже стал ещё более не выносимым, чем был”, - подумала она, досаду на Сергея...

Похороны Алика прошли торопливо и скомкано. Не было торжественной процессии на городском кладбище, не было отпевания. Гости — местные чиновники, политики, бизнесмены, молча, наблюдали за тем, как дорогой гроб выносят из зала, где проходило прощание. Никто не произносил прощальных речей. Все сочувственно смотрели на безутешную от горя вдову.

Людмила в сбившемся набок чёрном платке выла в голос. Анна, обнимая ее, стояла рядом.

Сергей и Алина на похоронах не присутствовали.

Сергей всё ещё лежал в больницы, а Алина отказалась идти на похороны, сославшись на головную боль. Со дня аварии, она так ни разу и не появилась в больнице у мужа...

Глава третья

Старая фабричная труба выпускала в голубое небо серые сгустки дыма. Высокий бетонный забор, обрамлённый по всему периметру колючей проволокой, скрывал от города и посторонних глаз два здания: двухэтажный белый дом — офис завода и рядом стоящее кирпичное строение — цех...

Стоя у широкого окна своего кабинета, Анна наблюдала, как работники завода шли на обед, отмахиваясь от летящего тополиного пуха. Посередине двора на небольшом газоне две женщины под присмотром охранника высаживали рассаду.

Кондрашова прикрыла веки рукой. На столе снова непрерывно зазвонил телефон, не давая ей сосредоточиться на открытой папке с документами и не законченном разговоре с

Женей.

Новость о смерти Анатолия Полякова разлетелась по городу мгновенно. И тотчас в его офисе все телефоны буквально сошли с ума. Но звонили не только в офис, звонили и в банк, и на квартиру Поляковых.

На заводе оборону держала — Аня, в квартире — Людмила, а в банке секретарша — Лидия. Сергей так и находился в клинике. Ему стало лучше, но он по-прежнему отказывался покидать больницу, буквально спрятавшись за стенами медучреждения от свалившихся проблем, как улитка в раковину.

Анна в одиночку отбивалась от кредиторов, клиентов, требующих немедленных выплат по займам или желающих забрать свою долю из бизнеса Полякова.

Ко всем проблемам навалились ещё две — Алина и Валерий.

Алина полностью игнорировала состояние мужа, она жила своей жизнью — поздно вставала, потом уезжала куда-то, а возвращалась под утро.

Татарин и вовсе куда-то исчез, испарился. Никто из его людей не знал где он, что с ним...

— Тебя что-то тревожит? — вопрос Евгения вернул Аню от тревожных мыслей.

Она прошла по кабинету и остановилась у стеллажа с папками. Одетая в строгий серый костюм и белоснежную блузку Кондрашова выглядела вполне по-деловому, если не обращать внимания на распущенные волосы, которые струились по её плечам и спине. Анна сделала несколько лёгких шагов в обратном направлении — к окну и только потом ответила:

— Нет... всё в порядке.

— Аня то, что Татарин твой брат, не даёт тебе право укрывать его от закона. Он в первую очередь убийца!

Кондрашова тяжело вздохнула, последнюю фразу Женька повторял на протяжении всего разговора.

— Он в первую очередь мой брат. Ты понимаешь мой брат? — последнее слово она подчеркнула. — Я тоже виновата в смерти Анатолия Васильевича. Я должна была предположить, что Валерий пойдёт дальше. Когда он мне сказал, что новое завещание подписано, я даже не спросила, каким образом ему это удалось. Мне было всё равно... вернее меня это не касалось. Я хотела, чтобы именно так было. Я не меньше Татарина виновата в смерти Полякова, и в том, что сейчас происходит с Сергеем, — и уже не владея собой, Анна сорвалась на крик. — Не надо было соглашаться...

Женька в один стремительный рывок оказался рядом, обнял, сильно прижал её к себе.

— Тихо, тихо! — уговаривал он, поглаживая по голове. — Я предупреждал тебя. Татарин очень опасный и хитрый. И рано или поздно он подставит тебя. Так и получилось. В милиции думают, что это ты заказала Поляковых.

Кондрашова уткнулась головой в его плечо, прижалась к нему, ища защиты от несчастий, вдруг свалившихся на её плечи.

— Не говори так..., - глухо в его плечо прошептала она. — Я... этого не делала... Я хотела только справедливости...

— Я знаю!

— Меня арестуют?

— Пока нет. У них против тебя ничего нет. Только это странное завещание.

— Мне нужен Валерка. Без него я не разберусь ни с банком, ни с заводом.

— А-н-я пойми Татарин преступник, убийца.

— Мне он нужен! — упрямо повторила она, вытирая слёзы. — Прошу тебя найди его! У тебя есть связи. Я знаю, ты можешь...

Кондрашова откинула голову от его плеча и посмотрела с мольбой в глазах.

— Ладно, — сдался Женька. — Постараюсь.

— Спасибо...

— Анюта, брось всё это, а?

— Не могу...

— Можешь! — вкрадчиво сказал он, прижавшись губами к макушке её головы.

— Думаешь, я об этом не думала? Я не могу бросить Сергея в таком состоянии и положении. Не сейчас.

— Он-то выбросил тебя беременную, — усмехнулся Женька.

Отстраняясь от него, Аня шумно выдохнула:

— Ты обещал больше не затрагивать эту тему!

— Там в Питере я думал, что мы одна семья, — Евгений наклонился к ней и, не отпуская плеч, нежно поцеловал глаза, щёки и тёплые губы.

Вопреки Женькиным опасениям Аня его не оттолкнула, как раньше. Она словно ждала этого поцелуя. Губы её стали мягкими и податливыми.

— Я люблю тебя, — шепнул он, чувствуя, как от счастья начинает кружиться голова.

Кондрашова ничего не ответила. Просто, молча, отстранилась.

— Я готов ждать вечность...

— У меня много дел, — сказала она тихо. — Через час заседание наблюдательного совета “Трестбанка”. Карпов хочет присоединить “Трестбанк” к своему банку.

— Если ты не согласишься на слияние “Трестбанк” лишится лицензии.

— А если соглашусь, то Карпов станет управлять им, отстранив меня от всех дел. Получается я в любом случае потеряю банк... Если... — Анна задумчиво смотрела на красную папку. — Если не верну выведенные со счетов полтора миллиарда долларов.

— Это невозможно!

— Всё возможно... Татарин знает, где эти деньги и как их вернуть. Найди его! А я буду оттягивать время...

— Добрый день! — Дмитриев — помощник Карпова, открыл папку. — Сегодня проходит второе заседание наблюдательного совета в новом составе. Хочу всем представить Анну Михайловну Кондрашову, — Аня привстала. — Теперь она представляет интересы семьи Поляковых и управляет “Трестбанком”. Сейчас прошу открыть папки, которые лежат перед вами.

Когда все присутствующие открыли синие папки Дмитриев начал свой доклад, описывая перспективы слияния двух банков “Трестбанка” и “Восход”.

— Владимир Александрович, давайте по существу, — перебил его один из акционеров, седой не молодой мужчина — Сергей Владимирович Куравлёв. — Не теряйте наше время. Мы всё видим из ваших отчётов.

— Выход для “Трестбанка” только один — слияние.

— А что может предложить Анна Михайловна?

— Сергей Владимирович, Анна Михайловна совсем недавно приняла дела банка, и она не может...

— Владимир Александрович, ваша позиция нам ясна, — вновь перебил Куравлёв Дмитриева. — Но я всё же хочу услышать мнение Анны Михайловны.

— Я прошу у наблюдательного совета ещё девять месяцев. За это время я гарантирую, что банк расплатится по всем займам.

— Ну, что ж это очень любопытно, — Куравлёв с нескрываемым интересом смотрел на Анну. — Как вы будете возвращать деньги?

— Слухи о том, что “Трестбанк” переживает, тяжёлые времена и находится на грани разорения, появились ещё весной. Они были не безосновательны. Действительно у банка были трудности. Анатолий Васильевич и Сергей Анатольевич провели аудит в банке, и нашли решение на его возможное оздоровление...

— Да бросьте вы, — неожиданно с раздражением в голосе выкрикнул до этой минуты молчавший Карпов. — Какие проверки? Какой выход? Дорогая Анна, что вы нам толкаете туфту. Откуда вы возьмёте столько денег? Уже давно ни для кого не секрет, что дела банка идут не очень хорошо. Кто вам даст столько денег?

— У “Трестбанка” будет крупный инвестор. На сегодняшний день он готов принять участие в оздоровлении банка...

— Ну, это же смешно...

— Подождите господин Карпов, — Сергей Владимирович аккуратно положил на стол папку. — Мне очень хочется дослушать Анну Михайловну.

— Ещё совсем недавно “Трестбанк” был прибыльным. И это стало одной из причин, почему инвесторы заинтересовались и решил вложить деньги. Они станут акционерами банка.

— И когда же поступят деньги на счета “Трестбанка”? — с издёвкой в голосе спросил Андрей Карпов.

— Я сейчас над этим работаю.

— Так значит, договор с инвестором не заключён? — усмехнулся Карп, он смотрел на Кондрашову холодными чёрными глазами.

— В ближайшее время он будет заключён, — уклончиво ответила Анна.

— Ну, что же всё понятно, — опять вмешался Куравлёв. — Давайте голосовать...

— Подождите! Прежнее руководство, которое довело своими не правильными действиями банк до края, не желало признавать ошибки. И теперь нам снова пытаются навязать провальное решение, которое окончательно разорит “Трестбанк”, — Андрей посмотрел на Аню, как бы спрашивая: что ты теперь скажешь, девчонка?! — Я настаиваю на единственном правильном, в данном случае, решении — объединении “Трестбанка” и “Восход”.

Анна повернулась к Карпову.

— Я понимаю, как заинтересован банк “Восход” и его учредитель в объединении... таким образом Андрей Владиславович уже приобрёл не мало предприятий в нашем городе. Не буду напоминать, как честно в кавычках он это сделал... — в её голосе звучало признание. — Задумайтесь ведь в “Трестбанке” и ваши деньги, а при объединении получите ли вы их?

— Давайте голосовать! — предложил Сергей Владимирович. — Кто за то чтобы “Трестбанку” дать отсрочку на девять месяцев?

Стараясь не глядеть в сторону Карпова, присутствующие подняли руки. Воздержался один Карп. Он сидел мрачный, барабанил по столу пальцами...

Аня в сопровождении Куравлёва вышла из зала и направилась к лифту. Вслед за ней резко поднялся Карпов и его помощник.

— Анна Михайловна, — Андрей успел поймать Кондрашову за локоть, прежде чем она зашла в лифт. — Я хотел бы поговорить с вами.

Аня обернулась, недоумённо посмотрев на стоящего перед ней мужчину.

— Анечка, я, пожалуй, не буду вас больше задерживать. Было очень приятно с вами познакомиться, — улыбнулся Куравлёв. — До свидания Андрей Владиславович.

— Анна, давайте перейдём на “ты”? — предложил Карпов, нажимая кнопку, чтобы вызвать лифт. — Здесь рядом есть хорошее кафе. Выпьём кофе и поговорим?

Аня взглянула на часы.

— Только не долго.

— Я отниму у вас десять минут.

Выйдя из лифта, они прошли в кафе, которое располагалось на первом этаже здания. Заняв свободный столик, сделали заказ — два кофе и пирожные.

— О чём вы хотели поговорить? — спросила Кондрашова, разглядывая Карпова.

Перед ней сидел симпатичный мужчина лет сорока. Красивое смуглое лицо, чёрные как уголь глаза, несколько прядок седины в тёмных волосах, волевой подбородок, твёрдые тонкие губы.

— Хочу сделать вам предложение, — он смотрел на Анну пристально. — Я готов купить у вас “Трестбанк” за ту сумму, которую вы укажете.

Молодая женщина недоумённо посмотрела на него.

— Почему вы раньше не сделали это предложение?

— Я думал, что совет проголосует за объединение банков. Но, всё получилось по-другому. У меня нет ни времени, ни желания ждать, когда вы окончательно разорите “Трестбанк”. Поэтому я вам делаю это предложение.

Анна задумчиво посмотрела на Андрея. Тот расслабленно откинулся на спинку стула и с любопытством рассматривал её.

— По-моему, вы торопитесь... “Трестбанк” выплатит все свои долги. Не всё так ужасно, как иногда кажется.

Карпов достал из кармана пиджака визитную карточку и протянул её Кондрашовой.

— Здесь мой телефон. Сегодня среда, у вас есть неделя, чтобы обдумать моё предложение, — чёрные глаза Андрея были насмешливо прищурены.

Анна, молча, взяла визитку.

— И мой тебе совет, девочка, — не лезь, куда тебя не просят, — жестоко предупредил Карп, накрывая своей ладонью руку Ани и сжимая её пальцы, причиняя боль. — Пожалеешь!

Он кинул на стол деньги за кофе, поднялся и направился к выходу.

Анна ещё сидела несколько минут после того, как Карпов вышел из кафе. Дрожащей рукой потянулась к чашке, сделала глоток остывшего кофе и посмотрела на наручные часы. На них было без пяти четыре. Нужно было, ещё, успеть к лечащему врачу Сергея...

Куда больше, чем головная боль от похмелья, Татрина изводила не находящая выхода ненависть к себе, к тому, что он наделал. Она бурлила, выворачивала наружу всё чувства, разум и кровоточащее сердце. Но он не мог дать ей волю, не мог... потому что тогда бы он стал слабым, уязвимым.

Гадко и противно было на душе. Тяжело и больно, как бывает, когда неожиданно сталкиваешься с чьей-то открытой подлостью. Валерий думал, что давно в себе убил, уничтожил все чувства, но видимо нет... не всё сгорело в ненависти. Совесть осталась, и теперь душила его, не давая покоя.

“Круговорот воды в природе получается”, - подумал он. “Решил, что отмстил, а зло обратно вернулось с двойной отдачей. Я убийца! Я убил отца и хотел смерти мамы!”. Валерию вдруг стало жутко. Он попытался спрятаться от собственных страшных мыслей, потянулся к недопитой бутылки водки, сделал глоток. Но ничего не изменилось, алкоголь не действовал на него. Спиртное не принесло желаемого забытья. Когда Татарин закрыл глаза, перед ним возник призрак отца...

Валерки захотелось завывать, заплакать. Он достал из-за пояса пистолет, приставил к своему виску собираясь выстрелить. Оставалось только нажать на курок...

...в таком-то состоянии его и нашёл Евгений.

Женька прошерстил все злополучные места, где мог оказаться Татарин — рестораны, сауны, ночные клубы. Всё было впустую. Валерий как сквозь землю провалился. Допрос Юльки тоже ничего нового не принёс.

— Я не знаю где он — нервно теребя подол халата, пробормотала она. — Как выясняется, я вообще не знаю своего мужа!

— Юльчик успокойся, — Евгений обнял её. — Тебе в твоём положении нельзя так волноваться...

— Вот видишь даже ты заметил. А он нет! — молодая женщина вытерла ладонью слезу скатившуюся по щеке. — Женька как мне дальше жить?

— Не знаю... Ты сама должна решить...

— Он таскается с этой шляхой по всему городу. А меня не замечает, — голос Юльки сорвался на крик. — Всё не могу больше!!! Я подозреваю, что он убивает людей...

— Успокойся. Я не знаю, что тебе сказать и оправдывать Татарина не буду. Если ты всё обдумала, уходи!

— Не могу... жалко его... он такой ранимый... и я люблю его, — всхлипнула Юля.

Ананьев устало вздохнул, поднимаясь с табуретки. Ему предстояло проверить ещё один адрес.

Поэтому адресу в милицию поступила жалоба от соседей. Дебоширивший мужик по внешнему описанию очень напоминал Татарина.

Когда Женька отправился по адресу, уже было далеко за полночь. Он поднялся на шестой этаж. Долго и упорно давил на кнопку звонка у обшарпанной двери. Никто не открывал. Ананьев дёрнул за ручку, дверь поддалась, она оказалась незапертой.

В прихожей было темно.

— Есть, кто живой? — крикнул он темноте, нащупывая выключатель на стене и продвигаясь вперёд.

Свет от одиноко всящей лампы осветил небольшую квартиру. Хотя квартирой её трудно было назвать. Рваные обои свисали до самого пола, грязные залитые чем-то доски пола, чёрный потолок. В нос ударил запах тухлятины и анаши.

На полу лежали несколько человек, а в углу на грязном матрасе сидел Татарин. В руках он держал пистолет, его бил озноб. В какую-то долю секунд Евгений подумал, что сейчас Валерий выстрелит в него. Но он прижал дуло к своему виску.

Ананьев сделал шаг вперёд, под ногами что-то хрустнуло.

— Зачем пришёл? — прохрипел Татарин.

— Отдай пистолет, — Женька осторожно присел на корточки рядом с ним. — Тебя все ищут, с ног сбились. Ты нужен Анне. Так что давай завязывай...

— Зачем? — бесцветным голосом спросил он. — Зачем ты ей помогаешь? Любишь?

— Люблю...

Валерий кивнул и сделал глоток из бутылки, потом протянул её Евгению.

— Тогда почему не вытащишь из этого дерьма? Ты же мент... ты можешь забрать её отсюда. Увезти, запереть, заставить забыть...

— Я даю ей право выбора, она должна сама решить...

— Наверное ты прав... Каждый из нас имеет право выбора... Я тоже люблю Аньку.

— Тогда помоги ей... Поступи хотя бы раз по совести!

Татарин встал, протянул Женьке пистолет.

— Хорошо пошли...

После консилиума врачей, где Сергею поставили окончательный диагноз — “ходить не будет”, с ним случилось самое страшное, что может произойти с человеком при подобных обстоятельствах. Он полностью ушёл в себя. Поляков не жаловался, не плакал, не раздражался. Он целые дни, неподвижно лежал и молча, смотрел в одну точку.

Несколько раз с ним пыталась заговорить Анна, она приходила каждый день, Сергей отвечал невпопад — “да”, “нет”, “не знаю”, а потом снова смолкал, уставившись в потолок.

— Так дальше не может продолжаться! — однажды вспыхнула Анна. — Врач сказал, ты здоров!

— Здоров? — усмехнулся Поляков.

— Тебе нет смысла больше лежать в больнице.

— Ты предлагаешь мне встать и пойти домой? Зачем Татарин вытаскивает меня? Я никогда не буду ходить! — истерично заорал Сергей. — Я не встану! Я парализованный инвалид!

— Возьми себя в руки! Ещё не всё кончено... Люди и на инвалидных колясках ведут обычный образ жизни. Ты нужен мне! Ты можешь меня консультировать по многим вопросам...

— Ты сама этого хотела, — равнодушно ответил Сергей. — Вот и разбирайся со всем сама.

— Но это же бизнес твой семьи...

Сергей молчал, продолжая не замечать Аню. Она нахмурилась и вышла, громко хлопнув дверью, а на следующий день его перевели из платной палаты с обходительной медсестрой в обычную — перенаселенную, с раздражёнными больными, с потрескавшимся потолком, зелёными стенами и кривыми тумбочками.

— Жадная стерва! — прошипел Поляков, узнав, что Анна отказалась оплачивать vip палату.

Все перевязки, обработки ран и гигиенические процедуры проходили тут же в палате. За каждым больным ухаживали, как правило, родственники. Душная маленькая комната была не рассчитана на такое количество людей.

Но на этом сюрпризы не закончились. Накануне утром в дверях палаты появилась Алина. Одета в лёгкий шёлковый брючный костюм, итальянские туфли на высоких каблукках, причёска, макияж — вся при параде. Она светилась счастьем и благоухала дорогими французскими духами, но в её движениях скользила какая-то нерешительность и

нервозность.

— Я долго думала... — запинаясь, начала она, нервно поправляя белый халат, который соскальзывал с её плеча.

— Надо же, ты, оказывается, думать умеешь! — с ухмылкой перебил её Сергей.

— Твой сарказм в данном случае не уместен! — Алина обиженно поджала губы, она не понимала из-за чего больше злиться из-за хамского поведения мужа или из-за своей нерешительности. — Я хочу развод!

— Понятно, — процедил Сергей.

— Ну, что тебе понятно? — с вызовом возразила Алинка, крепко прижимая к себе сумку. — Я хочу нормальной жизни, а не возиться с мужем-инвалидом!

Поляков не собирался с ней спорить, переубеждать. К чему? Он давно понял, что за человек его жена — расчётливая сук*. Сергей закрыл глаза и передним появился образ другой женщины — Анны.

— Что ты будешь делать после того как получишь развод? — вдруг поинтересовался он.

— Выйду замуж...

— Ты сейчас замужем.

— Не заметила! Где ты был все эти годы, что мы женаты? По клубам и бабам таскался. Жил в своё удовольствие. Ты меня обижал...

— Прости... Давай попробуем всё сначала?

— Ничего не получится! Ты думаешь, я не видела, не понимала, отчего ты маялся и гулял на стороне? А как у тебя глаза загорались, каждый раз как Татарин начинал рассказывать про Аню? Ты злился, но ты её любишь. И женился назло ей. Мы чужие друг другу люди. Свадьба была ошибкой. Я конечно тебя любила по-своему, а может, и не любила... хотела заполучить богатого мужа и, насолить Аньке. И что получила? Ничего... Понимаешь я хочу любить и быть любимой. Я хочу настоящей любви, такой чтобы сжигала. А с тобой мне это не светит.

До этого разговора Поляков даже не задумывался об их с Алиной отношениях. Ну, жили как многие из их круга семьи — редкий дежурный секс, у каждого своя жизнь ничего общего кроме денег. И вроде как ничего жили... а что теперь без денег — и не нужен стал? И как-то обидно Сергею стало.

— И что у тебя уже есть кандидат?

— Есть...

— Татарин? И чем же он лучше меня? Денег больше?

— Он не инвалид... он настоящий мужчина!

— Давай свои бумаги!

Алина не веря смотрела во все глаза на мужа. Замешательство быстро прошло. Она суетливо вытаскала из сумки папку с документами и протянула Сергею. Он взял их и, не читая, подписал все листы.

— Отлично, — улыбнулась Алинка, торопливо убирая документы. — Поправляйся. Может ещё всё наладится...

Она поднялась и направилась к дверям.

— Прощай!

В эту ночь Сергей лежал без сна, думал, как так получилось, что он остался совсем один. Не друзей, не семьи. Никому он не нужен. Он не задумывался о своей жизни, пока мог ходить, мог ездить на машине и не от кого не зависел. А что теперь? Он даже

самостоятельно в туалет сходить не может. Куда исчезли все друзья? Общие тусовки оказались не слишком скрепляющим фактом для настоящей дружбы. И снова у него появилась навязчивая мысль о суициде.

Ещё несколько часов назад он до конца не осознавал, настолько сильно изменилась его жизнь и как он зависит от окружающих его людей. Только теперь пришло понимание, что ничего не поменять и ничего не будет как прежде. Сергей не видел будущего. Хотелось закрыться полностью от существующего мира.

Он инвалид — практически полностью парализованный инвалид. Обуза для матери, жены и окружающих. Ещё недавней сказочной мысли, что вот, скоро он встанет на ноги, всё начнёт налаживаться, уже не было. Только в этот момент Поляков трезво осознал всё произошедшее.

Он в голове прокручивал всю свою жизнь. Доходя до крайнего отчаяния:

— За что мне?! Я не могу понять за что? — обхватив руками голову, издал подобие звериного рыка Сергей. — Что происходит и почему со мной?

Обида была на отца, на Анну, мать, Алину и Татарина, на всех. И только потом на самого себя. Он злился на себя за то, как раньше жил, за то, что сильно обидел девушку, которая его по-настоящему любила.

Тот, прежний беззаботный красавец Сергей прожигатель жизни исчез. На его месте появился больной, неуверенный в себе, замкнутый человек.

Глава четвёртая

Машина скорой помощи только что отъехала от дома Поляковых, и Анна наконец-то вздохнула свободно. Всё время, пока медики вытаскивали каталку с лежащим на ней Сергеем, поднимали её по лестнице в дом, она не высказала не единого слова, находясь в напряжении.

Сергей тоже молчал. Он был бледен и равнодушен ко всему, что происходило вокруг. Аньку пугало его поведение и этот потухший, отсутствующий взгляд.

Поляков также ничего не сказал, когда врач сдержанно объяснял, что из лекарств и в каком порядке пить. Он только хмуро с какой-то решительностью посмотрел на маленькие белые пакетики, которые положил на тумбочку доктор.

— Оставляю вам обезболивающие порошки. Принимать только строго по необходимости, при сильных болях. И прошу вас осторожно с этим препаратом, а то не дай бог передоз, — врач приложил свой платок, ко лбу вытирая пот. — Не спасём... Как закончатся, Анна Михайловна, подъедите ко мне за новым рецептом.

— Это вам... — Кондрашова протянула ему конверт с деньгами.

— Спасибо!

— А если станет лучше...

— Ну, тогда это будет чудо, — язвительно заметил профессор, торопливо убирая конверт в карман брюк. — Смиритесь, Голубушка. Сергей Анатольевич никогда не встанет и сильные боли в области спины тоже навсегда!

Анна сдержалась, не стала грубо отвечать врачу. А как хотелось! Закутавшись в длинную белую шаль, она проводила его до машины. Потом пошла на кухню, поставила на плиту кофейник и зажгла сигарету.

Её руки дрожали. Она посмотрела на свои ладони и подумала: “чего так распсиховалась

на ровном месте. Но не верит профессор, что Сергей встанет, и пускай себе не верит. А она знает точно, что, если не ходить, так сидеть он будет!”. Уверенность вновь вернулась, и на душе стало как-то легче. Затушила недокуренную сигарету.

Кондрашова налила в чашку кофе, отпила глоток и поморщилась: не сладкий! Положила две ложки сахара и снова отпила. Потянулась к новой сигарете. “Хватит курить!” — мысленно приказала себе, отодвинула пачку “Мальборо”. Окинула взглядом кухню — стильная, уютная.

В дом Поляковых они с сыном переехали неделю назад, но Аня всё никак не могла привыкнуть ко всей этой роскоши, которая теперь окружала её.

— Кофе пьёшь? — на пороге кухни стояла Алинка.

— Будешь? — предложила Кондрашова, прогоняя досаду — так хотелось посидеть одной в полной тишине.

— Буду... у меня ещё есть пару минут, пока не приедет такси.

Аня налила кофе в чашку Алине, села на табуретку, взяла в руки свой бокал.

— Куда-то едешь?

— Уезжаю... я уйду от Сергея...

— Как уходишь? — Кондрашова со стуком поставила свою чашку на стол и в упор уставилась на сидевшую напротив подругу.

— Что? — поёжившись, спросила Алинка, не выдержав её взгляда. — Сергей подписал документы на развод. Теперь я свободна!

— У тебя совесть есть?

— Ты думаешь, я не любила его? Я любила его по-настоящему. А он... он владел мной как владеют красивой мебелью. В общем, очень удобно! А когда надоедала отодвигал, — Алина ухмыльнулась. — Сколько раз я приходила в офис и натыкалась на запертую дверь его кабинета? На стук в дверь слышала — постанывания очередной секретарши Сергея. Когда он всё-таки открывал дверь, нагло отвечал: “Подожди дорогая, я тут трахаюсь, посиди пока в приемной”...

— Почему ты раньше не ушла, пока Сергей ходил и не был инвалидом? Почему терпела?

— Я не терпела, а ждала. Я тоже завела любовника. Так было легче и не обиднее. Через какое-то время всё становилось на свои места, и у нас снова была полноценная семья. Как будто ничего и не было. А сейчас зачем он мне такой нужен? Обуза! Нет больше Серёжки, который щёлкал баб как семечки. — Алина развела руки в стороны — типа ничего не поделаешь. Достала пудреницу из сумки и стала поправлять макияж.

— Вот смотрю на тебя и думаю. Много лет тебя знаю, а такой подлости не ожидала... — Аня смотрела на подругу с бессильной яростью. — Сергею сейчас тяжело, он беспомощный. Он не хочет жить, не видит смысла. А ты его просто бросаешь!

— Да, бросаю! Да, я вот такая гадина! А ты тоже молодец! Всё строишь из себя ангела? А сама вон как хорошо пристроилась, оттяпала у Серёги всё наследство! Слушай подруга, — Алина наклонилась к Ане и зашептала. — А может это правду говорят, что ты Поляковых заказала?

— Как ты... — Анна подскочила с табуретки, сдерживая из последних сил закипающее раздражение.

— Да, ладно! Я пошутила, — засмеялась Алинка, поднимаясь. — Мне пора!

Сергей закрыл глаза. Хотелось спать. Спать ему теперь хотелось почти всегда. Но не получалось. Он мог только дремать. Временное забытье приходило, когда боль отступала.

После сильного обезболивающего ноющая боль прекращалась почти мгновенно. Становилось хорошо — туман постепенно поднимался, густой белой пеленой окутывая сознание, вызывая чувство опьянения и отрешённости от окружающего мира, принося только лёгкость во всём теле. “Ах, как хорошо. Почему не может так быть всегда? Нет никакой боли... Я никому не нужен, и никто не нужен мне”. И тут же пришла новая мысль: “Позорно продолжать свою жизнь вот так — обузой. А что если ... со всем этим покончить и остаться в этом тумане забвения? Лекарства под рукой...”.

Сергей потянулся рукой к пакетикам с порошком. Нашупал, схватил несколько штук и положил к себе на грудь. До стакана с водой дотянуться было не просто, слишком далеко стоял. Уперев руки в край кровати, он всё-таки смог сдвинуться в сторону, к самому краю.

Теперь и стакан был у него в руках.

Поляков медленно открывал пакетик, за пакетиком высыпая порошок в стакан, кидая белый пергамент на пол. Ещё пару минут и он больше не будет нести на себе муки совести за всё, что совершил. Бремя ответственности за поступки соскользнёт с его души...

Он смотрел на стакан с мутной жидкостью, методично перемешивая ложкой. На мгновение задумался: “Ещё немного и всё закончится. Вот так просто”... Решившись наконец, прижал стакан к губам и замер, закрыв глаза, желая только одного быстрее забыться и умереть. В глубине души он уже умер ещё тогда, когда прозвучал взрыв.

— Ты о матери подумал? — на пороге комнаты, стояла Аня, держа в руках красную папку. — Как она перенесет твою смерть? А сын? Ты ему нужен. Ты всем нам нужен.

Она подошла к Полякову опустилась на колени, прижилась к его руке. Аня испытывала сейчас те же душевные муки и так же ощущала себя беспомощной, как и Сергей. Но ужаснее всего было осознавать, то, что она не знает, как ему помочь, как ослабить боль и вернуть Сергею веру в себя и желание жить. Да он её обидел, но она изо всех сил подавляла в себе чувства обиды.

— Я давно простила тебя. Прости и ты меня... Я тоже виновата.

Сергей посмотрел на Анну. Осунувшееся лицо, тёмные круги под глазами, от накопившейся усталости. Внутри у него что-то замерло и сжалось.

— Я понимаю, что ты не хочешь, чтобы тебя жалели... — она погладила его руку. -

— Что тебе нужно? — перебил её грубо Поляков.

— Понимания и помощи! Я обещаю, что не буду к тебе относиться как к беспомощному, но и ты перестань себя жалеть.

— Я инвалид... — лицо Сергея сделалось каменным, губы сжались.

— Твоя болезнь не навсегда. Ты можешь ей сопротивляться.

— Не навсегда? — его рот искривила циничная усмешка. — Ты же сама слышала профессора. Уходи!

— Посмотри бумаги, — Кондрашова протянула ему папку с документами, но Сергей их отпихнул. Папка упала на пол, а листы, выпавшие из неё, разлетелись по комнате.

Она, крепко сжав зубы, сделала глубокий вдох, наклонилась и собрала документы.

— Сергей, пожалуйста, помоги мне... — выдавила Аня.

Тут Поляков не выдержал: “она что слепая и не видит, что он не хочет ничего?”.

— Хватит меня опекать и жалеть!

— Я же сказала — что не буду жалеть... мне нужна твоя помощь, — выдавила она.

— Да неужели? — карие глаза полыхали холодным раздражением. — Я ничем не могу тебе помочь! Делай с банком и заводом всё, что хочешь!

— Тебе, что всё равно, что случиться с бизнесом твоего отца? — в отчаяние выкрикнула Аня — Не сегодня — завтра Карпов приберёт всё себе.

— Мне всё равно!

— Так нельзя... — сдавленно прошептала она.

— Взгляни правде в глаза — я не способен тебе помочь! — жестоко оборвал её Поляков и уже тише добавил. — Было бы гораздо лучше, если б Татарин не вытащил меня из горящей машины.

Она положила руку ему на плечо и тут же ощутила, как оно напряглось.

— Не смей так говорить! — появление Феди удержало её от грубого слова, готового слететь с губ.

Мальчик вошёл в комнату осторожно ступая.

— Мама, ты здесь?

Анна повернулась к сыну и слабо улыбнулась.

— Иди, я сейчас приду...

— А кто этот дядя? Папа?

Мальчик подошел к кровати, где лежал Сергей и вопросительно посмотрел на незнакомца.

— Ты, мой папа?

Поляков лежал, не двигаясь и ничего не отвечая, он с нескрываемым интересом разглядывал сына.

— Ты мой папа? — снова спросил мальш.

— Да, — за Сергея ответила Аня.

И тогда Федя сделал то, что от него не ожидали ни Анна, ни Сергей — он запрыгнул на кровать с криком:

— Ура! — оседлал Полякова, усевшись тому на живот. — У меня теперь есть папа!

У Сергея в глазах появился туман, руки затряслись. А Феденька ничего, не замечая, прижался к нему, поцеловал в колючую щеку.

— Наконец-то мы тебя нашли!

Не привыкший к таким проявлениям теплоты и симпатии, Сергей застыл от удивления, стакан выпал из его рук, проливая мутную жидкость на пол. Сердце мужчины разрывалось от какого-то нового чувства. Он не мог себе объяснить, что ощущает в данный момент — радость или любовь... Поляков правой, свободной, рукой обнял сына.

Анне было больно и в тоже время радостно смотреть на это объятие — сына и отца. Она знала, что Феде не хватало мужского общения — отца, а Сергей не хотел жить, потому что не видел смысла в жизни, потерял себя, а теперь всё складывалась как нельзя лучше. Первый контакт отца и сына произошел, Феденька вернёт ему смысл жизни, и научить любить. Она была в этом уверена на сто процентов.

Аня вытерла не прошеную слезу, скатившуюся по щеке. Положила на тумбочку папку и тихо вышла из комнаты.

Валерий со стоном открыл глаза и посмотрел на мелькающий экран телевизора. Шли дневные новости. Он скосил взгляд на Юлю, спящую в кресле рядом. Последние месяцы отношения между ними были довольно напряжёнными, они часто ругались по всякой

ерунде, так по крайней мере казалось Татарину. Причины для ссор всегда находились легко: позднее возвращение Валерки домой, не вынесенный мусор, не вымытая посуда, ревность Юли. Подумаешь на рубашке следы от женской помады, подумаешь не пришёл домой ночевать — дела, а мусор, посуда — это женские заботы. Для чего он женился? Только Юльке это было сложно объяснить, она отказывалась понимать и принимать его, таким как он, есть, со всеми его недостатками.

Впрочем, все-таки некоторые упрёки жены были не безосновательны. За прошедшие полгода события, происходившие в жизни Валерия, настолько захватили его, отнимая всё время и мысли, что ему было совсем не до Юльки. А тут ещё Алинка. Страсть с ней так захватила, что порой он даже забывал о своей конечной цели.

Татарин изначально не планировал затаскивать к себе в постель жену Сергея. Но получилось всё как получилось. Алина была ненасытной любовницей, она с удовольствием подчинялась Валерию, выполняя все его извращённые фантазий.

Совсем другие чувства Валерка испытывал к Юле. Она стала для него родным человеком, он ощущал к ней более глубокие чувства, Татарин любил её. Он относился к ней бережно, нежно целуя, не позволяя себе никаких грубостей.

Уставшим от одиночества, пережившим предательство и личную трагедию, встретив Юлию, он вдруг понял, что ещё не всё потеряно, и он может обмануть судьбу и стать счастливым.

Осторожно, чтобы не разбудить жену, он сел на диване, скинув покрывало на пол. Дрожащими пальцами нашарил в кармане брюк сигареты. Щёлкнув зажигалкой, Татарин прикурил и, выпустив облако дым, отсутствующим взглядом уставился на экран телевизора.

Страхивая пепел в тарелку-пепельницу, прибавил звук телевизора. Голова гудела, мысль о спиртном вызывала рвотные позывы, на душе было тяжело и больно. Последние три дня Валерий помнил смутно, потому что всё время пил. Но водка не давала нужного забытья и опьянения, она лишь на некоторое время вводила в ступор, отодвигая реальность. И запой бы продолжался, если бы на пороге притона не появился Евгений.

Ананьев привёз его домой, передав в руки заботливой жены. Юлька не стала упрекать мужа. Поставила на стол бутылку водки и тарелку с закуской. И тут в груди у Татарина как будто, что-то разжалось, он заплакал, выплёскивая в нежные ладони жены свою боль, отчаяния, обиду и ненависть.

— Всё будет хорошо, — бормотала Юлька, поглаживая его по волосам. — Ничего, ничего, поплачь, так будут легче. Так надо...

— Прости любимая, — целуя мокрые ладони жены, попросил Валерка.

— Всё у нас ещё будет... ты только брось всё это... а я тебе всё прощу... — продолжая гладить его по волосам попросила она.

А потом он провалился в глубокий сон без сновидений.

Мысли вновь путались, вновь и вновь возвращая Татарина к недавнему разговору с Ананьевым.

“Похоже, действительно придётся вмешаться и помочь сестре вернуть деньги. Только это точно не понравится Карпову. Так просто он завод и банк не отдаст. Да, ну, его к чёрту! Кто он вообще такой? И не таких ставил на место. А вот с отцом Ани надо будет разобраться” — мысленно рассуждал Валерий, внутренне досадуя на себя за косяк, который допустил, поверив словам Кондрашова.

В горле пересохло. Его взгляд упал на бутылку минеральной воды, приготовленной заботливой Юлькой.

Сковырнул крышку ключом и жадно, залпом выпил минералку. Потом снова закурил. Он хотел уже выключить телевизор, но вдруг резко замер, уставившись в мелькающий экран.

От увиденного, его прошиб холодный пот. Татарин, молча, смотрел на сменяющиеся картинки репортажа. В сознание медленно вползало ощущение неминуемой надвигающейся беды.

На экране показывали криминальный репортаж. Камера оператора большим кадром показала лежащее на полу без движения тело человека. Отрезанная голова валялась в нескольких сантиметрах от трупа. Её показали крупным планом. В убитом Валерий узнал одного из акционеров “Трестбанка” — Куравлёва.

Картинка сменилась. Теперь рассказывали о новом происшествии. Камера показала лежащего на асфальте человека. Его руки и ноги были не естественно вывернуты.

— Это же Глебов! — удивлённо и немного испуганно воскликнула проснувшаяся Юлька.

Валерий обернулся к жене. Молодая женщина, слегка подавшись вперёд, всматривалась, в экран телевизора.

— Его что выбросили? — она перевела испуганный взгляд на Татарина. — Валера, скажи, что ты не причастен к этому... — взмолилась она, схватившись за живот.

— Я тут не причём! Что с тобой? — он с беспокойством смотрел на жену.

— Да... ничего...

— Собирайся, я отвезу тебя в безопасное место.

— Куда? Зачем?

— Тебе оставаться в городе опасно... — ответил Татарин и бросился к шкафу собирать вещи жены.

— Может, ты всё-таки объяснишь, что происходит? — не отступала Юля.

— Сейчас не могу. Чем меньше ты знаешь, тем спокойнее мне. Просто поживи пару месяцев в деревне.

На лице Юльки отразилась растерянность, недоумение и даже обида. Ещё несколько часов назад он плакал на её руках, прося прощения и обещая, что всё бросит, а теперь опять всё как раньше — отчуждённость, секреты.

— В какой? — снова задала вопрос Юлька, бросив на мужа внимательный взгляд.

— Я купил за городом в деревне дом. Хотел сделать тебе сюрприз, — проговорил в ответ Валерий, не оборачиваясь к ней, запихивая какую-то вещь в чемодан.

— Я никуда не поеду!

Татарин подошёл к креслу, на котором сидела жена. Присел рядом с ней на диван, закурив.

— Ты должна уехать.

— Нет!

— Как знаешь! — раздражённо бросил Татарин, затушив окурок.

Они несколько минут молча сидели. Валерий снова курил одну сигарету за другой с сосредоточенным выражением на лице. Юлька смотрела на него, решая говорить ему о ребёнке или нет. Мысленно взвесив все “за” и “против”, решила, что сейчас не время.

— Я хочу объяснений, что, в конце концов, происходит? — требовательно не выдержав, потребовала она. — Кто и зачем убил Глебова?

Не выдавая своих истинных эмоций, Валерий посмотрел на жену.

— Он сам выбросился в окно. Так сказали в новостях.

— И ты в это веришь? Я вчера видела Глебова на работе. И в его планы совершенно точно не входило выбрасываться из окна. Ему помогли это сделать. Кто?

— Не знаю. Может он и сам свёл счёты с жизнью. Деньги то он перевёл на левые счета, — ответил Валерий уклончиво, не желая пугать жену. — Но ты всё равно должна уехать!

— Нет!

Между ними снова повисла долгая пауза. Валерий думал, как убедить жену уехать.

— Мы можем поехать вместе, — прервала молчание Юля.

— Нет. Я хочу помочь Ане.

— С какой это стати? Ты с ней тоже спишь? — с негодованием, возмутилась Юлька.

— Не говори ерунды! Аня моя сводная сестра.

— Как это?

— Я тебе потом как-нибудь, расскажу. А сейчас мне надо идти. А ты всё-таки подумай над моим предложением. Моё вмешательство в дела Анны может привести к серьёзным проблемам. Карпов, против которого пошла Аня, не остановиться ни перед чем. Он хочет любым способом заполучить “Трестбанк”. И если около меня будешь ты, то ты автоматически станешь его мишенью, так же, как и все союзники и окружение Ани.

— И всё же мне лучше быть рядом с тобой. Я тоже хочу помочь.

Валерий встал и подошёл к окну. Он некоторое время обдумывал слова жены, уставившись угрюмо в окно. Татарин был раздосадован тем, что втянул в опасную игру ещё и Юльку, женившись на ней. Надо было держать её на расстоянии, гнать от себя.

Ещё несколько минут Татарин раздумывал, как будет лучше для Юльки — оставить её в городе или всё-таки насильно отправить в деревню. Наконец, определившись, он повернулся к ней.

— Хорошо. Оставайся дома. Но при одном условии. В дела “Трестбанка” ты не лезешь и завтра напишешь заявление об уходе с работы.

— Я согласна, — с готовностью кивнула Юля.

— Но, чемодан собери. Пускай он будет наготове.

... Анна со страхом смотрела на лысого братка. Лицо каменное, глаза холодные, как лёд. Он не кричал, не угрожал, просто пристально оценивающе смотрел на неё.

— Короче, крошка давай без порожняков. Долг Полякова на сегодня двести тысяч, — сухо сказал бандит. — Через месяц будет триста.

— И я, так понимаю, должна его выплатить за Поляковых?

— Правильно понимаешь...

— У меня нет денег. Я не собираюсь платить чужие долги, — тихо прошептала она.

Браток с усмешкой вскинул бровь.

— О сыне подумай. Он может пойти гулять и попасть под машину...Случайно... Или твой батя траванётся палёной водкой...

— То есть вы хотите сказать, что если я не заплачу деньги, то вы убьёте моих близких? Вы мне угрожаете?

Анна смотрела на бандита с откровенной неприязнью, хоть и боялась. Но братка это не очень-то и волновало, ему было всё равно.

— Понимай, как хочешь.

— Это незаконно! Вы сейчас покинете мой кабинет, а я делаю вид, что вас здесь не было, — Анна поднялась, показывая тем самым, что разговор закончен.

— Что-то ты больно смелая стала, — браток толкнул Кондрашову обратно в кресло. — Приемник должника обязан оплатить его долги. Всё чисто по понятиям.

— Я ещё раз вам повторяю — у меня нет денег. Банк можно сказать банкрот, завод убыточен...

— Банк отпиши и будем в расчёте, — он взял ручку, лист бумаги и придвинул их к Ане.

Внутри у Кондрашовой всё оборвалось.

В это время дверь кабинета отлетела в сторону, на пороге возник Татарин. Его лицо было бесстрастным, в глазах раздражение. Из-за спины Валерия показались два братка. В руках у них появились длинные пистолеты с глушителями.

Анне стало душно. Мысли спутались, сознание затуманилось. Ей казалось, что она сходит с ума. Кондрашова смотрела на пистолеты безумными глазами, испугавшись того, что может произойти в следующую минуту.

Татарин подал знак рукой. Выстрелов Кондрашова не услышала. Она сидела, вжавшись в кресло и плотно зажмурив глаза, обхватив голову руками.

— Пошли, — Валерий толкнул её, протягивая руку.

Аня открыла глаза, автоматически взялась за руку брата.

Уже в дверях она услышала ещё два щелчка пистолета — контрольный выстрел. Обернувшись, увидела, на полу мёртвых братков. В их головах зияли дыры, стенка к которой они стояли, прислонившись, была забрызгана чёрной кровью. И тут сознание Аньки помутилось. Она закрыла глаза и стала оседать на пол...

— Татарин, ты куда? А это кто с тобой?

Как и всякий солидный бизнесмен, Карп имел свою службу безопасности. Перед Валерием стоял Альберт Давыдов — начальник Карповской охраны. Здоровый, мордастый, лысый, нахальный. Татарин сжал кулак, собираясь устранить преграду на пути. Мощный удар пришелся в солнечное сплетение. Амбал согнулся пополам, оседая на пол, как мешок. “Пятый” — мысленно сосчитал Валера.

Отодвинув в сторону тело охранника, Татарин толкнул дверь ногой.

— Какого чёрта! — осатанело заорал Карпов.

Он терпеть не мог, когда к нему в кабинет входили без стука. С его коленей, спорхнула секретарша, быстрым движением на ходу оправляя юбку.

В кабинет вошли Татарин и два крепких поджарых парня. Пиджак Валерия расстёгнут, а под ним ствол. Он остановился, дожидаясь, когда за секретаршей закроется дверь.

— Чего надо? — недовольно спросил Андрей.

— Я тебе подарок принёс, — тихо сказал Валера, смотря на него ледяными голубыми глазами. — От сестры моей — Анны Кондрашовой.

И тут как по команде открылась дверь. В кабинет вошли ещё двое братков из бригады Татарина, они за ноги втоптали изувеченные тела людей Карпова, тех самых которых он послал к Кондрашовой. Мёртвых амбалов разложили прямо перед столом Карпа.

— Это что ещё такое? — запаниковал Карп, но увидев свою охрану, вбежавшую в кабинет, успокоился.

— Завершение нашего контракта, — тихо, но хлётко сообщил Татарин.

— Ты об этом пожалеешь! — сверкнул взглядом Андрей.

Валерий с трудом сохранил самообладание. Его бы воля, он бы сразу пришел этого ублюдка. Но, он понимал, что тогда не уйдёт от сюда живым. Численный перевес людей был на стороне Карпова.

— Не оставишь Анну в покои, сам пожалеешь! И думать о ней забудь, так же, как и о банке и заводе. Если с моей сестрой что-то случится, ответишь по всей строгости...

В этот раз Карпов промолчал, он потом оплатит Татарину и поквитается с девчонкой. Они будут умирать, медленно истекая кровью, и смотря на муки друг друга.

Когда Татарин и его подручные вышли из кабинета, Карп сел в своё кресло. То, что сейчас произошло, ему не нравилось. Татарин навязывал свои правила игры. И Андрей пока должен был их принять. Но он не намерен отказываться от своих планов...

Глава пятая

...Ещё одна смерть и ещё одни похороны...

Анна поправила чёрную полоску на фотографии отца. Все эти тяжёлые дни, до похорон и после, её поддерживали самые близкие друзья — Юлька, Женька, Сергей и Валерка.

Сергей старался не оставлять её одну, Татарин взял на себя все заботы о похоронах.

За последние пять месяцев это были уже пятые похороны. Люди, окружающие Анну, гибли один за другим. Совпадение это или нет никто сказать не мог. Евгений, расследующий эти дела в частном и рабочем порядке, не находил ни одной зацепки. Всё выглядело как самоубийство или несчастный случай кроме двух смертей — Куравлёва и отца Анны.

По данным следствия, одинокого владельца квартиры Куравлёва злоумышленники вывезли за город, где сначала нанесли несколько ножевых ранений, а после того как он подписал документы на продажу квартиры и акций банка жестоко добились — отрубив голову. Это и стало официальной версией.

Поэтому делу были задержаны трое выходцев из Азербайджана, члены преступной группы, занимавшейся похищениями и убийствами граждан с целью завладения их квартирами. Задержанные, очень быстро, признались в убийстве Куравлёва.

Отца Ани — Михаила Кондрашова убили в пьяной драке. Собутыльник, которого задержали рядом с трупом Михаила, сознался в преступлении, взяв всю вину на себя. Одно не стыковалось — зачем он отрезал Кондрашову пальцы на правой руке и куда их дел? Сам преступник ничего вразумительного ответить не смог, а через несколько дней после задержания повесился в камере следственного изолятора на своих брюках.

Положение, в котором оказалась Анна, было трудным и крайне тяжёлым. Неприятности и проблемы накатывались как снежный ком. Переведённые деньги со счетов “Трестбанка” вернуть не удалось, они осели в банке Карпова. После долгих поисков и переговоров Татарин нашёл одну фирму, которая согласилась стать инвестором “Трестбанка”. И всё бы хорошо, но за своё “спонсорство” “Кавельпуть” потребовал партию драгоценного металла. И они отправили, но машина с драгоценным товаром так и не прибыла на место, по дороге пропала.

Анна, завернувшись в чёрную шаль, прошлась по комнате, остановилась, посмотрела на часы. Нужно было что-то делать. Время утекало, а для новой поставки металла ещё ничего не было сделано. Через семь дней, ровно в шестнадцать часов ей нужно будет передать товар в “Кавельпуть”. Сил ни на что не было.

С того момента как тело отца, в гробу, опустили в землю, ей так и ни разу не удалось поспать больше часа. Поэтому сейчас Аня еле-еле стояла на ногах, отрешённо, задумчиво глядя в никуда, едва не падая от усталости и изнеможения. Анна остановилась у окна, раздвинула шторы.

Она понимала, что, как бы не старалась, как бы не хотела, ей уже никогда не удастся забыть тот опустошающий душу ужас безысходности, который она переживала каждый день за последние шесть месяцев. Тысячи часов, потраченные на планирование не принесли никакого результата.

Ей все говорили, что она сильная и сможет выкрутиться из этой ситуации. Но никто — ровным счётом никто! — не понимал, не мог даже догадаться, допустить мысли, что она устала, что она всего лишь слабая женщина, которая ввязалась не по своей воле в жестокие мужские игры.

— Я же говорил, что не надо связываться с Татариним, — пробормотал Сергей, не отрываясь от ноутбука. В последнее время он с ним не расставался не на минуту, отвлекаясь от реальности, в которой он никогда не сможет себя почувствовать здоровым и полноценным человеком. На компьютере он много работал, придумывая новые защитные программы для банка.

Вопреки предсказаниям профессора, Поляков пошёл на поправку. К нему постоянно приезжали врачи и массажисты, их усилия в совокупности с лекарствами дали хороший результат — теперь Сергей мог сидеть, и передвигаться на инвалидной коляске. Боли почти прекратились.

— Валера нам помог, как мог! — она вернулась к письменному столу и снова углубилась в просмотр бумаг.

— Не надо было проворачивать свои махинации. Сейчас бы ничего не пришлось исправлять, — недовольно буркнул Сергей, его красивое лицо помрачнело. Он никогда не сможет простить Татарина, несмотря на то, что тот изо всех сил помогал им. — Ты знаешь, кто стоит за “Кавельпуть”?

Анна кивнула головой. Она изначально знала, что “Кавельпуть” принадлежит вору в законе — Максиму Сохину. Валерий её поставил в известность. А вот соглашаться или нет на сделку, она должна была решить сама. И так как другого пути Аня не видела, она согласилась. Со стороны изначально всё казалось просто, но на деле оказалось по-другому.

— Отступать поздно.

Боковым зрением Сергей проследил за её движением — Анна села за стол, взяла один лист бумаги и быстро просмотрела его. Что-то вписала в него остро отточенным карандашом.

— Если у нас ничего не получится, то можно будет готовиться к смерти. Соха тебя убьёт, а потом и нас всех.

Кондрашова это прекрасно знала и без Сергея, но у неё даже не возникало мысли о том, чтобы бежать. Всё равно найдут. Даже за границей под чужим именем и фамилией, выроют из-под земли.

— Половину суммы “Трестбанк” получил. Сохин выполнил своё обещание. Теперь настала моя очередь. Если ты боишься, можешь уехать вместе с Федей и Людмилой Валентиновной.

— Ты что думаешь, я трус? — негодуя, возмутился Сергей. — Я просто переживаю за тебя. У отца не получилось переправить груз. Ты думаешь умнее его?

— Не умнее... Может у тебя есть другое предложение? — процедила Анька сквозь зубы. Она нахмурилась, перечитывая ещё раз листок, потом кинула его на стол, поднялась и подошла к окну, отвернувшись от Полякова.

Её нервы были на приделе. Сергей постоянно пытался её вывести из себя. Никто и не когда не догадается, насколько трудно ей было перешагнуть через себя, через свою гордость, чтобы до конца простить его. Но где-то внутри обида осталась и как бы Анна её не подавляла, смотреть влюблёнными глазами на когда-то любимого мужчину больше не могла. Слишком большую рану он оставил у неё на сердце, а рубец не хотел затягиваться. Ещё не давно она убеждала себя, что сможет разобраться в своих чувствах к Сергею, теперь же находясь рядом с ним, запутывалась ещё больше. Что она испытывает? Любовь? Страх? Или жалость? На эти вопросы Аня не могла ответить.

— Подставляешься опять. Сидела бы тихо, отдала банк Карпову, — он отодвинул от себя ноутбук и подъехал к ней.

— И завод... — пробормотала Кондрашова, впад в оцепенение. Она смотрела невидящим взглядом в окно и не замечала происходящего на улице. Мысленно она была не здесь, далеко...

— И завод. Ань, ну что ты?

— Я чувствую себя последней сволочью... я тащу за собой, возможно на смерть столько людей...

— Но их никто насильно не тянет. Они все знают, на что идут, так что не вини себя во всём.

Сергей поймал её руку и с силой притянул к себе. От неожиданности Анна неловко упала к нему на колени. Он обхватил её рукой за талию, удерживая, не давая встать.

Анька попыталась вырваться, но не тут-то было.

— Всё успокойся! — прошептал Поляков, ещё сильнее прижимая Анну к себе и не отпуская. — Ты очень красивая...

Сергей вдруг наклонился и поцеловал её. Анька даже растерялась сперва. Только лишь когда его губы сильнее прижались к её губам, требуя ответа, она ответила. Это оказалось ещё более сильное ощущение, чем-то, которое осталось в её памяти. Целоваться Поляков умел.

Твёрдые тёплые губы сместились ниже, лаская Анину шею. Кожа, в том месте, где они прикасались, горела. Пальцы Сергея гладили, её по спине, скользя под чёрной блузкой.

Она почувствовала его язык у себя во рту, и застонала от отвращения. Вернулись другие воспоминания — руки Сергея, срывают с неё одежду, бьют по лицу, а потом боль... одна только боль и страх...

— Нет, — громко сказала она, упираясь руками ему в грудь.

— Да, — его губы вновь коснулись Аниной шеи.

— Нет! Я очень прошу тебя — прекрати! — Кондрашова из всех сил колотила кулачками в его грудь. У неё начиналась истерика. — Прекрати! Ничего не поменялось... между нами ничего не будет... Я не хочу!!!

Когда Татарин и Евгений подъехали к дому Поляковых, Людмила Валентиновна гуляла во дворе с Федей. Едва Евгений успел выйти из машины, как мальчик с криком кинулся к нему:

— Дядя Женя!

— Феденька, осторожнее, упадёшь, — поспешила за внуком Полякова.

Но остановить маленького непоседу не мог никто. Евгений протянул руки, подхватил малыша и подкинул вверх.

Если бы сейчас Анна увидела эту картину, то она бы снова рассердилась. Ей не нравилось, что сын так сильно привязывается к Женьке. А Ананьеву наоборот льстило внимание мальчика. Ему было наплевать, кто настоящий отец Фёдора. Евгению хотелось быть его отцом. Он любил малыша, как родного сына.

— Привет дьяволёнок! Я так соскучился! — Женька прижал его к себе.

— Вот ведь егоза! — сокрушалась Людмила Валентиновна, качая головой. — Иди сюда! — она протянула руку, тщётно пытаясь удержать расшалившегося внука. Но Федя, как только оказался на земле, снова побежал теперь уже в сторону Татарина.

— Дядя Валера! Ты надолго?

— Нет, Федя, я приехал к твоей маме. Но и тебе привёз подарок, — Татарин протянул племяннику машинку, упакованную в красочную, яркую упаковку.

Мальчик тут же уселся на землю и начал нетерпеливо разворачивать игрушку.

— Ребята вы, наверное, к Ане? Они с Сергеем в кабинете, а мы вот с Федей решили погулять, чтобы им не мешать, — Людмила Валентиновна с любовью посмотрела на внука, который в этот момент извлёк машинку из коробки.

— Людмила Валентиновна, это вам, — Татарин протянул ей пакет. — Это билеты на самолёт и загранпаспорта. Вылет сегодня.

— Как сегодня? — Людмила была слегка шокирована.

— Анна просила, как можно быстрее вас отправить к морю. А это, — он вытащил из кармана сложенный листок. — Разрешение, заверенное нотариусом, надо только Ане подписать.

— Какое разрешение? — не поняла Полякова.

— Что Анна не возражает против вывоза сына за границу.

— Почему такая спешка?

— Вас нужно отправить подальше, чтобы не подвергать опасности. Карпов будет искать слабое место Анны, — терпеливо объяснил Татарин, нервно выдёргивая из пачки сигарету. — А её слабое место — сын.

— Феденька, пойдём собираться, — суетливо встрепенулась Людмила Валентиновна. — А то на самолёт опоздаем.

Но Федя категорически не хотел расставаться с новой игрушкой.

— Феденька, побежали наперегонки? — предложил Женька мальчику.

Прихватив машинку ребёнок, спотыкаясь, побежал к дому...

На первом этаже навстречу Татарину и Ананьеву вышли телохранители, приставленные Валерой к Ане.

— Всё, Циркач и Монах, теперь с Анны глаз не спускать! Не дай бог, случится что-нибудь, никого не пожалею! — пригрозил Татарин. — По траектории дома увеличить охрану. На въезде в посёлок тоже поставить людей. Обо всём подозрительном сообщать мне.

Отдав распоряжение, Татарин пошёл в сторону кабинета.

Дверь в кабинет была приоткрыта. Валера толкнул её и застыл на месте. Картина, внезапно возникшая перед ним, была не реальной. Сергей самозабвенно целовал Анну. Попутно вместе с поцелуем, он, не упуская момента, ласкал её грудь.

Только вот девушка, сидела у него на коленях в какой-то не естественной позе —

съёжившись, уперев руки в его грудь.

— Вот это номер! — присвистнул Татарин. Он слышал, как тяжело, еле сдерживая себя, дышит ему в спину Ананьев, и решил, как можно быстрее прервать голубков.

— Козёл! — прошипел Женька, стоящий за ним и уже ринулся на Сергея, но Валера перегородил ему дорогу.

— Остынь!

Тем временем Поляков с большой неохотой убрал руки, освобождая Аню. Она резко отскочила от него.

— Мы не вовремя? — снова усмехнулся Татарин, с интересом разглядывая бледную сестру.

Анна поспешно села за стол.

— Нет... вовремя...

Женька, не отводя взгляда, смотрел на неё. В последнее время она сильно изменилась. Её поведение удивляло его. Ранняя, не решительная, предсказуемая Анька за эти месяцы стала совершенно другой — жестокой, решительной и непредсказуемой стервой. Вот и сейчас в её глаза опять стоял холодный лёд отчуждения.

— Бумаги на Карпова привезли? — спокойно поинтересовалась Аня, протянула руку и взяла из пачки сигарету.

Татарин положил перед ней на стол папку с досье на Карпова и коробку, перевязанную лентой.

— Что это?

— Курьер утром принёс в офис. Подарок от тайного воздыхателя?

На крышки коробки красовался, прикреплена открытка, сверху на ней печатными буквами была написана Анина фамилия. Сергей подъехал на коляске ближе.

Кондрашова откинула крышку и тут же с криком отшатнулась от подарка.

Татарин и Евгений ринулись к коробке, чтобы посмотреть, что так напугало Аню. В коробке, на расстеленной, тёмной от впитавшейся в неё крови газете лежали отрубленные почерневшие человеческие пальцы и табличка с номером от машины.

Валерий закрыл коробку крышкой, оторвал открытку.

— Ну, что там? — нетерпеливо поинтересовался Поляков.

- “Твоё время закончилось”, - прочитал Татарин вслух.

— Это номера от нашей фуры... — выдохнул Сергей. — Сволочь!

Только Аня оставалась спокойной.

— Следующая партия металла пойдёт по трассе “Кола”, - она вдавила недокуренный окурок в пепельницу.

— Это самоубийство! — запротестовал Сергей. — Мы потеряем и людей, и машины, и товар! Он просто не доедет до места. Менты остановят...

— Нет! Товар прибудет в срок и в целостности! Это наш последний шанс, и я его не упущу! — холодно процедила Аня, чеканя каждое слово. — Металл поместим в специально оборудованные тайники грузовых автомашин. Татарин отправит своих людей сопровождать груз, но только так, чтобы на посту ДПС они не засветились. Фуры с грузом должны проехать через пост одни и так, чтобы их не остановили.

Анна пристально посмотрела на Евгения.

— Женя, ты договоришься с ментами!

— С чего ты решила, что я буду вам помогать?

— Сергей, Валера, оставьте нас, — попросила Аня.

Как только за мужчинами закрылась дверь, Кондрашова встала и подошла к Женьке. Какое-то время она стояла и не могла решить, что делать.

А Евгению в этот момент, до боли захотелось дотронуться до неё, но он тоже стоял и не двигался. Ревность жгла душу. Картина, которую он наблюдал недавно, до сих пор стояла перед глазами.

— Ну, я жду! — Евгений сложил руки, прислонившись к стене, пристально наблюдая за ней.

Аня сделала ещё один шаг, в следующее мгновение она приподнялась на цыпочки, закрыла глаза и поцеловала Женю.

— Нет. Я не хочу так! — он отстранил её. — Я люблю тебя. Я бросил всё — любимую работу, переехал обратно в провинциальный город. Я следую всю жизнь за тобой, как верный пёс, переступая через принципы и совесть. Я нарушаю закон, прикрывая бандита, место которого в тюрьме. И всё это ради тебя! — Женька схватил её за плечи. — Неужели ты этого ещё не поняла?

Анна опустила глаза.

— Я давно тебе уже говорила, что мы можем быть только друзьями...

— Помню... я помню каждое твоё слово, — сказал он с раздражением.

Аня отвернулась, чтобы отойти от него, но Женька перехватил её руку.

— Скажи тогда что это только что было? — он прижал её к стене. — Ты так хочешь расплатиться за мою преданность и удержать при себе? Как далеко ты готова пойти?

— Пожалуйста, Жень, не надо, прости, — простонала Аня, отрицательно качая головой. — Я не хотела тебя обидеть. Я поступаю, как эгоистка играю и манипулирую тобой... зная точно, что никогда не смогу ответить на твои чувства...

— Почему, Ань? Я же знаю, что нравлюсь тебе. Почему ты не хочешь попробовать?

Анна отвернула голову, не желая смотреть в глаза полные немой мольбы.

— Аня... — Евгений сжал её лицо своими ладонями. — Я никогда не обижу тебя. Забудь о Сергее. Я так люблю тебя, я сделаю всё, чтобы ты забыла о нём.

— Нет, — она покачала головой, насколько его ладони позволяли это сделать. — Не сможешь... никто не сможет...

— Я всё же попробую!

Женька наклонился к ней и поцеловал. Сначала его губы были нежные и мягкие. И Анна не чувствовала угрозы. Но её сердце сильно колотилось, от вдруг откуда-то поднимающегося страха.

Евгений усилил напор, теперь его губы были более требовательными, они грубо приникали к её губам, пытаясь их раскрыть. Его дыхание стало отрывистым и хриплым. Он прижимался к ней всем телом, так что даже сквозь одежду Анна чувствовала его возбуждение. Женька старался вызвать у неё ответную реакцию.

Она перестала дышать, неподвижно застыв. Всё внутреннее состояние протестовало, пытаясь отвергнуть любое насилие.

— Нет! — Аня оттолкнула его. Из груди вырвалось судорожное рыдание. — Перестань... пожалуйста... не надо...

— Аня... — Евгений хотел её обнять, но она ещё сильнее стала бить его в грудь. — Извини... я не хотел тебя напугать...

Его пальцы осторожно прошли по её щеке. Анна подняла голову и посмотрела на него

широко раскрытыми глазами. В них читался испуг и мольба.

Неожиданным молниеносным движением он обхватил её голову и притянул к себе. Его рот припал к её губам, крепко целуя. Но длилось это всего лишь мгновение. Евгений резко отпустил Аню.

— Я обещаю тебе, что больше никогда не дотронусь до тебя. Я буду ждать, когда ты захочешь этого сама...

— Этого не будет никогда... я не смогу... ни с одним мужчиной... никогда...

Женька ухмыльнулся, и сказал, пожав плечами:

— Посмотрим! — развернулся, направляясь к дверям.

— Жень, — окрикнула его Аня.

— Я помогу, — он обернулся, грустно улыбнулся и вышел из комнаты.

Анна успокоилась немного, поняв, что Женька всё сделает.

Она облокотилась о стенку, обхватив себя руками за плечи, закрыла глаза. Её бил озноб от нервного напряжения. “Что теперь? Что дальше? Как долго Женька будет терпеть и ждать?” — Аня лихорадочно искала ответы на эти немые вопросы. Она не понимала, что происходит с ней, с Сергеем, с Евгением. Продолжать делать вид, что её чувства этих двух мужчин не касаются? Боже, да разве это возможно?! Да и разве так можно играть чужими чувствами?!

Она понимала, что настала пора выбора, но решиться на что-то пока не могла. В тягостных раздумьях она продолжала стоять у стены. А потом вдруг, присев на корточки, закрыв лицо руками, чуть слышно простонала:

— Боже, ведь это никогда не кончиться! Я не смогу сделать выбор! Не смогу!

После того страшного утра трагедии Сергей и Валерий впервые остались наедине. Они отмалчивались, боясь затронуть болезненную тему. Между ними так и останется много чего не досказанного, не выясненные отношения, боль и гордыня. Они никогда не станут братьями, которыми являются по крови. Они всегда будут врагами, хоть и находятся на одной стороне, помогая Ане.

Наконец не выдержав томительной тишины, Валерий направился к крыльцу. Он уже был в нескольких шагах от дверей, как вдруг она распахнулась. Из дома вышел Евгений. Он хмуро, со злостью в глазах посмотрел на Сергея, прожигая его ненавидящим взглядом.

— Если бы не Аня, я бы тебя придушил собственными руками, несмотря на то, что ты калека! — прошипел Женька.

— Козёл! Она никогда тебя не любила! Она любит только меня!

Вне себя от злости Евгений подскочил к Сергею, размахнулся, сжав руку в кулак, чтобы ударить соперника. Но Татарин перехватил его запястье, заломил за спину, прижал к машине.

— Тихо! — рявкнул он. — Сейчас не время и не место, чтобы решать кого любит Аня. Мы должны придумать, как её вывести из игры. При любом раскладе Карпов убьёт её! Это только вопрос времени.

— Я решу эту проблему, — задумчиво сказал Евгений. — Аня будет в безопасном месте, пока товар не придёт в назначенное место.

— Хорошо, — одобрительно кивнул головой Татарин, отпуская его. — Я устраню Карпова, заключив договор с Сохиным. Моя бригада отойдёт под него. Но чтобы всё получилось, товар должен придти к нему в назначенный срок. Всё расхордимся.

Валерий дождался пока Сергей уедет на коляске в дом.

— Жень, я не хочу знать куда ты спрячешь Аню. Так будет безопаснее, но прошу тебя — не спускай с неё глаз. Мне она очень дорога. Она моя семья.

— Я её люблю, — ответил Женька, с вызовом смотря в глаза Татарину.

— Знаю. Поэтому тебе и доверяю её жизнь, — Татарин протянул ему руку.

Евгений неохотно пожал её, повернулся, открыл дверь и сел в машину...

Когда Валерий вошёл в кабинет, Анна сидела на корточках, прижавшись спиной к стене и, что-то бормотала в ладони, закрывавшие лицо. Он подошёл к ней и присел рядом.

— Анна, Женька тот мужчина, который тебе нужен!

— Я знаю... но не могу...

— Ты до сих пор боишься?

Она убрала руки от лица, пытаясь скрыть их дрожь.

— Это не твоё дело!

— Ну, хорошо, — сдался Валера. — Я не хочу лезть к тебе в душу. Но ты и сама понимаешь, что тебе одной не справиться с этой ситуацией. Пообещай мне кое-что.

Она старалась не смотреть ему в глаза.

— Что?

— Сходить к врачу.

Анна подняла глаза на брата и вдруг заплакала. Пружина внутри её, которая сжимала и сдерживала всё это время, неожиданно лопнула.

Татарин прижал её к себе. Он гладил сестру по голове, как маленькую девочку, успокаивая, поддерживая. А Анна теснее прижималась к нему, ощущая щекой тепло его кожаной куртки...

Андрей Карпов, ещё около двух часов, сидел в джипе перед большими воротами завода, ничего не замечая, полностью погрузившись в свои мысли. Ему нужно было обдумать всё и не просчитаться.

“Глупая, глупая девчонка! Зачем полезла не в своё дело?” — Карп усмехнулся. никогда и не кого он не жалел. Андрей просто не знал такого чувства.

Его биография говорила сама за себя. Когда-то он служил в сане диакона в Крестовоздвиженском соборе. Смешно подумать — хотел быть поближе к Богу, искупить грехи, а получилось наоборот. Не смог совладать с собой, со своей жадностью. Занимаясь финансово-хозяйственными делами, он имел доступ ко всем деньгам церкви, контролировал денежные потоки, распоряжался благотворительной помощью. Через месяц счёт в банке Карпа стал так же быстро, пополнялся, как стала пустеть казна в церкви.

Через год всё открылось. Дело замяли, церковные служители боялись, что скандал больше навредит авторитету Церкви. Андрея лишили сана, объявив запрет на его священнослужение.

Покинув вынужденно Церковь, Карпов вдруг стал быстро коммерчески развиваться, открывая торговые точки и банк. Он легко разбирался с конкурентами, не щадя никого, вырезая целые семьи. Ничего святого для этого человека не было.

Глубоко вздохнув, он вспомнил о сигаретах. Потянулся к пачке, закурил.

— Очень скоро ты станешь моим, — прошептал Карпов как заклинание, в темноту ночи...

Глава шестая

Обычный ничем не примечательный вторник. Поток пешеходов плавно тѣк по площади Ленина. В этот утренний час люди спешили к остановке. Рабочий день.

Белый “Нисан”, обгоняя и подрезая другие машины, словно куда-то опаздывая, летел вперед. За ним еле поспевая, мчалась “Таѣта”. Но, как назло, сработал закон подлости, на светофоре загорелся красный свет. Иномарки вынужденно затормозили.

— Ну, что за день! — выдохнула Анна. Сначала машина не могла завестись. Ключ проворачивался в зажигании, и как Монах ни бился с ним, как ни уговаривал, разными крепкими словцами, посылая к “такой-то матери”, дело дальше непонятого рычания авто не шло.

Наконец Монах зло выдохнул:

— Не заведѣтся падла! Анна Михайловна пересаживайтесь в “Нисан”.

Аня нахмурилась, на завод она опаздывала. Металл в фурах с минуту на минуту должен был отправиться в путь. Вот уж не повезло, собирались выехать пораньше, а что получилось?

— Да не переживайте вы так! — бросил Монах, словно прочитав её мысли. — Домчу, успеем.

Не успели...

Как только машина Ани остановилась на светофоре, её тут же блокировали непонятно откуда взявшиеся “шестѣрка” и “девятка”.

— Что за чѣрт, — выдохнул Монах.

Следовавшая по пятам “Таѣта” притупилась тут же рядом, заехав на тротуар, блокируя “девятку”, чуть не сбив пешеходов.

Дальше всё происходило быстро, за считанные секунды — выскочившие из машины Циркач и его люди тут же были положены омовцами на асфальт, лицами вниз, с наручниками на руках.

К машине направился молодой мужчина. Анна узнала его, это был тот самый оперативник, который расследовал покушение на Поляковых. Ещё совсем недавно Женька с ним работал в одном отделе.

Кондрашова открыла дверь и вышла из кроссовера, наблюдая — как по одному поднимали и волокли к подъехавшему автобусу её охрану.

— Анна Михайловна? — к Ане подошёл оперуполномоченный Захаров.

Он был одет в потѣртые чѣрные джинсы, такого же цвета ботинки, из-под выцветшей расстегнутой куртки выглядывала тонкая белая водолазка.

— Спешим? Нарушаем? А-й как не хорошо! — причмокивая губами и окидывая холодным взглядом молодую женщину иронично протянул он.

— Доброе утро — выдавила совершенно неуместно Анна. Она была растерянна и сбита с толку. Женщина не понимала, что происходит. — Это... недоразумение... мы ничего не нарушили...

— Олег! — окрикнул Захарова один из Омовцев.

— Разберѣмся.

Захаров направился к омовцу.

— Да... — присвистнул он, заглянув в багажник Нисана, а потом и в протянутые помощником документы, которые тот изъясил у Монаха. — Анна Михайловна, скажите,

пожалуйста, как вы объясните тот факт, что в вашей машине находится оружие? У вас есть на него разрешение? А у вашей охраны?

— Это не моё... я не знаю...

— Машина ваша?

— Нет...

— А по документам ваша, — Захаров протянул ей документы, на машину.

— Как...

— Это я у вас хочу спросить, как так получилось, что вы разъезжаете в машине, багажник которой набит автоматами?

— Я первый раз в жизни вижу эти документы... и это оружие — хрипло выдавила из себя Кондрашова.

— Анна Михайловна, вам придётся проехать с нами в отделение.

— Я не куда не поеду, и больше не буду отвечать на ваши вопросы без адвоката!

— Адвокат вам, Анна Михайловна, уж точно понадобится, — снова усмехнулся Захаров. — У следствия есть все основания подозревать вас в заказе на убийство Поляковых. Вы арестованы!

— Я... Я не убивала, я некого не заказывала и оружие не моё, — Анна с трудом сдерживала себя, балансируя на грани истерики и непонимания того, что происходит.

Уже через минуту она опустилась на задние сиденье “девятки”, а ещё через минуту машина рванула к отделению милиции...

Алина влюблено жалась к Валерию. Она сегодня вела себя с ним как последняя шлюха, позволяя делать с собой всё. Вот только он, чувствуя обнажённое податливое тело пылкой любовницы, кроме брезгливости и отвращения ничего не испытывал. И роскошные бёдра, и смазливое личико уже не вызывали такой страсти как раньше. В эту ночь он не просто брал, он насиловал её. Татарин хотел сделать ей больно. К его удивлению Алинка терпеливо сносила все его безумные извращения. Только вот он больше не испытывал от секса с ней той удовлетворенности и кайфа что раньше. Всё прошло, оставив горькое послевкусие и неприятный осадок усталости от её навязчивости.

Валерий поднялся с дивана, прошёл по комнате, остановился у окна. Это была съёмная вполне приличная двушка. Квартиру он снял специально для Алины. Сам приходил сюда не часто — пару раз в неделю, когда становилось совсем плохо, и нужно было срочно выпустить пар.

Татарин посмотрел на сигареты в пачке, зажигалка лежала рядом — тут же на подоконнике. С куревом надо завязывать, так же, как и с любовницей. Хватит, наигрался... устал. С Алиной расстаться будет просто, он её не любит и изначально предупреждал, что их отношения временные. Всё, решено, прямо сейчас он разорвет все отношения с ней. И больше никаких любовниц. Потом после того как груз попадёт к заказчику, он поедет домой к Юльке и сыну. А послезавтра они отправятся на море. Билеты на самолет, в одну сторону, лежали у него в кармане. Юлька так мечтала оказаться в Испании, теперь она туда не просто попадёт, они останутся там навсегда.

Валерий отодвинул штору, глянул вниз. Во дворе напротив подъезда его ждала машина. Нужно было уезжать прямо сейчас. Его “пехота” уже наготове. По их плану, через несколько часов груз отбывает к заказчику, и Татарин должен там присутствовать, руководить процессом, так как Анна в данный момент уже арестована, об этом позаботился Евгений.

Валерий выкурил сигарету, оделся. За спиной послышался шорох.

Обнажённая Алина подошла к нему и обняла со спины.

— Уходишь? — прошептала она в самое ухо мужчине.

— Ухожу навсегда, — он повернулся к ней, скинув её руки со своих плеч. — Между нами всё кончено.

— Ты уверен? — скривив губки, недовольно спросила Алинка, в её глазах светилась обида.

— Давай не будем... ты с самого начала знала, что это просто секс. Я люблю свою жену. Можешь оставаться некоторое время здесь. Квартира оплачена за два месяца вперед...

Новикова не могла поверить, тому, что сейчас слышала. Ей нравилось прожигать жизнь. Ей нравилось жить на всём готовом, не заботясь о деньгах. А теперь она остается без гроша в кармане. Да и на Татарина у неё были свои планы. Она его выбрала, и он не смеет вот так с ней поступать — её бросать!

— Ты хоть понял, что сказал? — зашипела Новикова. — “Просто секс”? Я тебе покажу, козёл, “просто секс”!

Вне себя от злости Алинка размахнулась, чтобы влечь ему пощёчину. Но Валерий перехватил её руку, заломил за спину. Другой рукой Татарин схватил любовницу за волосы и притянул к себе. В его глазах полыхал гнев, рот перекосило от бешенства.

— Ты что себе позволяешь шлюха! — его трясло от гнева и отвращения. — Собирай свои манатки, и чтобы через полчаса и духу твоего здесь не было.

Он брезгливо оттолкнул её от себя, так что Алина упала голой задницей на холодный пол. Наклонился к ней и с силой хлестнул ладонью по лицу. С её губы и носа потекла тонкой струйкой кровь.

— Ты ещё пожалеешь, — Новикова подняла голову и с кривой усмешкой, и вызовом в глазах посмотрела на Валерия.

Татарин сдёрнул со стула свою куртку, и больше не обращая никакого внимания на бывшую любовницу, вышел из комнаты. Через несколько секунд в коридоре хлопнула дверь...

Дежурный следователь допрашивали Аню в маленьком кабинете. Женщина уже успела отойти от шока, который испытала при задержании, успела воспользоваться правом на один звонок, позвонила она Сергею, и поэтому сейчас держалась уверенно, даже с вызовом.

— Давайте к делу перейдём, — предложил усталый следователь, заглядывая в бумаги.

— Без своего адвоката я никаких показаний давать не буду.

Следователь взял с блюдца недокуренную сигарету, затянулся.

— Это ваше право. Не хотите давать показания — не надо, — пожал плечами мужчина. — У меня и так есть постановление на ваше задержание. А ваших людей сейчас отпустят.

— Дайте мне позвонить! — Аня потянулась к телефону.

— Анна Михайловна, у вас уже был право на звонок.

Кондрашова наклонилась вперёд и очень тихо сквозь зубы прошипела:

— Вы ответите за этот произвол!

Следователь вызвал из дежурки — высокую женщину-сержанта. Они вместе составили опись одежды и личных вещей Ани.

Конвой для её сопровождения прибыл через десять минут. Выходя из кабинета, она

остановилась на пороге, обернулась и, окинув холодным взглядом следователя, вышла в коридор.

Раздражённый Сергей ворвался в офис частного сыскного агентства Ананьева, вернее его вкатил Монах. За столом сидел Евгений. Он не сразу сообразил, что происходит, а когда до Женьки дошло, было уже поздно. Поляков поднял пистолет, целясь в него:

— Я знаю, что это ты! — выдохнул он, пристально смотря на Женю. — Это ты сдал Аню ментам!

Евгений облегчённо выдохнул, встал со стула и подошёл к Сергею.

— Да, я! — с вызовом ответил он. — Убери пистолет.

Ананьев повернулся к столу взял стакан, налил туда из графина воды, развернулся к Сергею.

— Следственный изолятор — это единственное место, где до Ани не сможет добраться Карпов. Я сегодня снял с её машины хвост, который отправил Карп, чтобы убить Аню. А теперь выпей воды и успокойся!

Несколько секунд Сергей неподвижно смотрел на протянутый ему стакан с водой, затем взял его, опустил пистолет. Монах выдохнул.

— И сколько времени ты собираешься её там держать? — карие глаза Сергея задумчиво сузились.

— До тех пор, пока Карпов представляет для неё опасность.

— Анна тебе этого не простит!

— Я знаю, — спокойно ответил Евгений.

— Ты ведь её любишь! — язвительно заметил Поляков. — Каково это знать, что любимая женщина никогда не будет тебе принадлежать?

— А каково знать, что она с тобой из жалости? — парировал Женька.

Сергей сдавленно засмеялся.

— Пускай хотя бы так.

— Пока так. Я Аню очень люблю. И тебе не отдам, — предостерегающе предупредил Евгений.

Несколько мгновений они, молча, сверлили глазами друг друга.

Сергей даже не пытался разобраться в клубке собственных ощущений, он точно знал, что ненавидит человека, стоящего напротив него. И дело было даже не в конкуренции за любовь Ани. Всё намного глубже и больнее. Между ними всегда было соперничество. Женька любил по-настоящему, не ожидая взаимности. И другом он был верным и преданным.

Себя же Поляков ловил на мысли, что не может так любить и не сможет быть таким другом. Да и Аня нужна была ему только из чувства эгоизма и боязни остаться одному. Когда-то давно он испытывал настоящие чувства к ней, но они умерли в тот день, когда он узнал всю правду об отце и Зинаиде. А потом, делая одну ошибку за другой, он потерял и друга — Женьку.

В памяти Сергея всплыло одно воспоминание, как в седьмом классе они с Женькой в походе сидели у костра. Май тогда был теплым, одноклассники уже давно спали. А Поляков и Ананьев смотрели на яркий огонь и мечтали, говорили о будущем, строили планы. И тогда не с того не с сего Сергей вдруг признался, что с первого класса ему нравится Анна. Евгений промолчал, а потом вдруг подскочил с места и убежал.

Только сейчас до Сергея дошло, почему Женька повёл себя так странно. Он тоже был влюблён в Анну. Но на пути у друга вставать не захотел.

Досада и сожаление сдавили грудь Полякова. Он с такой силой сжал руками ободья колёс, что костяшки пальцев побелели: “Пускай он тогда поступил как настоящий друг, но, это не значит, что и я так же поступлю. Нет, я не отдам ему Аню!” — поклялся себе Сергей, а вслух пробормотал:

— Посмотрим... — и снова завёлся. — Как будто нельзя было придумать, что-нибудь другое...

— Брось, ты же сам понимаешь, что я прав.

— А что потом?

— Не знаю! — отрезал Женька. — Сначала Татарин устранил Карпова, а там видно будет...

Тысячи горожан ежедневно проходят по улице Красной мимо следственного изолятора номер один. Это старое неказистое здание с высоким забором и колючей проволокой было знакомо всем. Люди его сторонились. Не дай Бог побывать за стенами этого забора.

Аня, как и многие, часто проходила мимо него не допускала мысли, что может оказаться внутри, и в тем более как подследственная.

На входе в специальном помещении ещё раз провели осмотр её вещей. Забрали ремень от платья, заколки из волос, цепочку золотую, кольца, серёжки.

Путь до камеры, где предстояло сидеть Анне, был недолгим — всего три коридора. Она двигалась вперёд по новой плитке, мимо синих стен, вдоль которых были установлены железные воронки с трубами — ключеуловители*.

— Стоять! Лицом к стене, — строго приказала Ане толстая тётка в форме.

Дверь камеры открылась.

Зайдя внутрь пустой арестантской, Кондрашова осмотрелась. Она оказалась в просторном светлом помещении. В обоих углах железные кровати, стол и две лавки. Всё намертво прикручено к полу с деревянным настилом. В другом углу камеры раковина и отдельный туалет с унитазом за деревянными дверцами.

— Проходи, — толкнула её вперёд тётка-конвоир.

За спиной скрипнула дверь, провернулся с лязганьем ключ в замочной скважине.

Анна подошла к койке и легла на не застеленный матрас. Так она лежала на спине, закинув руки за голову, и пыталась сосредоточиться, чтобы понять, что же всё-таки происходит? Почему-то всё происходящее казалось не реальным — страшным сном? Откуда взялись эти странные документы на машину?

Лежа на нарах, Анна мысленно складывала в цепочку события сегодняшнего дня — сломанная машина, менты с обыском, оружие в багажнике и наконец, липовые документы. Всё было сделано так, чтобы она не попала на отгрузку металла и не смогла сопровождать фуры. И тут все звенья сложились, все “случайности” вдруг стали не случайны. Её подставил кто-то из своих — близкий человек.

Под подозрение сразу попадали трое — Сергей, Евгений и Валерий. Кто из них или может... Нет! Не может быть! От вдруг пришедшего озарения Аня подскочила: “Они сговорились! Её предали люди, которым она доверяла и верила!”. Ей вдруг стало страшно. Она поняла, что осталась совсем одна, обманутая. И теперь впереди неизвестность и непонятно чем всё закончится, куда приведут эти игры...

Потом, ночью, она так и не смогла уснуть, проворочавшись на жёстких нарах до утра, и лишь на рассвете ненадолго забылась беспокойным сном...

По ночной трассе, пронзая темноту дальним светом фар, двигалась колонна из трёх фуры и одной легковой машины.

Первой ехала чёрная Волга с Татариним и двумя охранниками, следом за ней фуры. Машины летели, покачиваясь на максимальной скорости, какую могли развить.

Но вдруг тишину ночи развеял яростный гул сирены. Впереди посередине дороги стояли, столкнувшись две машины. У первой, видимо от столкновения, был раскурочен весь зад. Второй автомобиль пострадал чуть меньше — небольшая вмятина на бампере.

Рядом на обочине стояли два “жигулёнка”, на их крышах мерцающими огнями мигали маячки. Гаишники в униформе уже издалека махал полосатым жезлом, сигналивая колонне остановиться.

Машины затормозили.

— Командир раненные есть? — выглянув из окна “Волги” крикнул Татарин.

— Нет, — ответил гаишник, пряча пистолет за спиной.

Второй мент зачем-то пошёл к фурам.

— Сержант Тимохин, — представился он, взглядываясь в темноту салона “Волги”. — Ваша помощь нужна... Машины растащить надо.

Татарин незаметно потянулся за автоматом, который лежал рядом, между сиденьем и дверцей машины. Охранники тоже были готовы, прижимая оружие к себе.

— Поможем... — пробормотал, придавив крючок “Калашникова” пальцем. Он сразу понял, что это засада. И мент, представившийся сержантом с погонами старшины, был ряженный.

В этот момент дверца фуры открылись и оттуда посыпалась автоматная очередь. Из машин Гаи выскочили амбалы. Это были люди Карпова.

Всё правильно просчитала Аня. Как она и предполагала именно в этом месте и произойдёт нападение. Это был самый неудобный участок дороги и самый узкий. И самое главное, что они предусмотрели всё — фуры были обманом. Товар поехала другим путём и гораздо раньше, железной дорогой, в специальных контейнерах.

Перестрелка продолжалась недолго. Через несколько минут всё было закончено. Ряженные менты и люди Карпова лежали на земле, истекая кровью.

— Как у тебя? — крикнул Татарин одному из своих помощников, вылезшему из фуры.

— Порядок, — ответил тот, пиная ногой мёртвого мента.

— У меня тоже, — Валера выстрелил в голову, лежащего на земле гаишника с которым ещё несколько минут назад разговаривал. — Убираем трупы и сматываемся с дороги, — приказал он.

Через полчаса дорога была расчищена. Волга и фуры тронулись с места. Им предстояло через пару метров развернуться, теперь их путь лежал в обратном направлении...

Карпов был на взводе. К нему весь день стекалась информация об неудавшихся операциях. Подосланный к Кондрашовой киллер так и не успел выполнить заказ. Мало этого его ещё и схватили менты. Прокололся из-за своей глупости. Гнал по трассе подрезая машины, гаишники его и остановили, а в тачке пистолет с глушителем.

Фуру с грузом захватить не удалось, снова его перехитрила девчонка. Вместо металла в

машинах оказались люди Татарина. Всю бригаду Балыка положили.

— Сучка! — стукнул кулаком по столу Андрей. — Ну, ничего я подожду! Не будешь же ты вечно прятаться за спинами ментов.

Карпов подошел к столу, открыл ящик. Там лежал пистолет “Макаров”. Он хмуро посмотрел на него и задвинул ящик стола. Никаких неожиданностей больше не будет. Всё, полоса провалов закончилась.

Ох, как он ошибался...

Тяжело гружённый “Вольвешник” на большой скорости врезался в ворота и снёс их начисто. Вслед за ним в ворота въехали две иномарки, из которых на ходу стреляли по охране. В окна дома полетели дымовые шашки. Нападение было внезапным. Люди в камуфляжной форме и противогазах за несколько секунд заполнили новый недавно отстроенный особняк Карпова. Прозвучали одиночные выстрелы.

Подчинённые Карпа особо не сопротивлялись. Несколько человек, спасаясь от удушающего газа, успел выскочить из дома, но тут же угодил под очередь пуль выпущенных из автомата.

Нападавшие двигались по зданию, обходя все комнаты, громя всё, что им попадалось по пути, но главной их целью был Карпов...

Услышав звуки выстрелов Андрей успел выпрыгнуть в окно и сейчас, он пробирался короткими пробежками вдоль кустов к дороге.

Приехавший за хозяином, Макс Давыдов не успел въехать во двор, как раздались выстрелы в доме. Сообразив, что напали на дом Карпова, парень выскочил из машины и перелез через забор и тут же увидел своего хозяина.

— Пригнитесь, — прошипел Макс в самое ухо Андрея, прикрывая его собой.

И тут он увидел, как в них целиться человек в камуфляжной форме и ещё один выпрыгивает в окно. Не раздумывая не секунды, Максим с автоматической скоростью и снайперской точностью за доли секунд, вытащил пистолет и несколько раз выстрелил. Тела бандитов упали на землю.

Давыдов быстро подбежал к покойникам и ловко разоружил их, распахав по своим карманам затворы от автоматов, оружие повесил себе на плечо.

— Теперь к лесу, живо! — приказал Макс, первым перепрыгивая невысокий забор и направляясь мелкими перебежками к соснам. Впервые приказы отдавал он Карпову, а не наоборот, как было всегда.

Прячась за деревья и кустарники, Карпов остановился и стал наблюдать, как закончив своё кровавое дело, один из нападавших облил вытащенные из банка трупы бензином. Другой поливал из канистры вокруг дома. Ещё несколько человек выбегали из особняка.

Бандит откинул канистру, зажёл спичку и кинул её на облитые тела. Вторя, зажженная спичка, полетела в открытое окно.

Алое пламя вспыхнуло, поглощая своими горячими языками трупы, постепенно перемещаясь к дому. И тут прозвучал взрыв. Раздался громкий звон разбитого стекла, огонь вырвался наружу из окон. Здание полыхало.

Андрей продолжал хладнокровно наблюдать за всем происходящим. На его лице не отражалось ни страха, ни волнения — только холодная презрительная усмешка играла на тонких губах...

Юля проснулась среди ночи. Одна, в холодной постели. На сердце вдруг стало тяжело.

Она словно почувствовала беду. Чего она боится? Сын спокойно спит в кровати. Несколько часов назад звонил Валерий. Сказал, что едет обратно и скоро будет дома.

Юлька встала, накинула халат и пошла на кухню. Там за столом, прижавшись к стене и закрыв глаза, сидел мужчина — охранник, приставленный Валерой к жене и сыну.

— Юрий, — тихо позвала Юля, тряхнув мужчину за плечо. — Вы бы легли в комнате, на диване.

В этот момент в дверь позвонили...

Глава седьмая

— Стоять! Лицом к стене!

Анна выполнила команду, и конвоир открыл дверь в помещение, выделенное для встреч с адвокатом.

За столом сидел Евгений. Нюрка нахмурилась. Мужчина встал и направился к ней, но она решительно отошла в сторону, игнорируя посетителя.

— Аня! — позвал Женька, протягивая руку к ней.

Анна обернулась к нему, прижала ладони к лицу. От волнения у неё подкосились ноги, но Евгений не дал ей упасть, подхватив за талию. Как он смотрел! В его глазах было столько магнетизма и боли, что Анькино сердце взволнованно забилось, а в горле пересохло. В голове зашумело и она, на мгновение, позволила себе обмякнуть в Женькиных руках, но тут же справилась с собой, подавила предательскую слабость.

— Не трогай меня! Предатель! — женщина резко вырвалась из его рук. — Это ты сделал? Ты... меня сюда посадил? — она с укором и болью смотрела ему в глаза.

Евгений отвёл взгляд, отошёл в сторону, отвернувшись.

— Значит это правда! — выдохнула она, больше никаких сомнений не осталось.

— Мне нужно о многом тебе рассказать. Сядь, пожалуйста... Давай спокойно поговорим...

Кондрашова послушно села. У Женьки сжалось сердце. Он никогда не видел её в таком потерянном состоянии как сейчас.

— Всё было сделано для твоей безопасности...

— Если это — единственное, о чём ты хотел поговорить, то можем считать, что наш разговор закончен! — Анна хотела встать, но потом снова села на стул. — Скажи мне только одно — металл попал к заказчику?

— Да. Его отправили железной дорогой.

Женька подошел к Ане и присел на корточки, напротив. Взял её холодные руки в свои ладони.

— Прости... но по-другому я бы не смог защитить тебя. Ты же упрямая и не захотела спрятаться, а Карп отправил киллера, чтобы убить тебя... У меня просто не было другого выхода... прости...

Анна не выдержала, заплакала, уткнувшись лицом в плечо Женьки. Он осторожно обнял её.

— Не плачь... всё позади... ты можешь прямо сейчас уйти отсюда домой, — Женька целовал мокрые от слёз глаза. — Часть бригады Карпа убита, другая разбежалась. Киллер в тюрьме. Правда, самого Карпова не удалось взять, но я думаю, он уже далеко. Скорей всего уехал за границу по поддельным документам.

В её мозгу как будто что-то защемило. Реальность шипами вонзалась в нервные узлы, вызывая всё большую и большую ясность мыслей. Теперь Аня до конца и полностью осознавала, что ходила по лезвию ножа. И только благодаря Евгению осталась живой.

Она подняла голову и недоверчиво посмотрела на него, погружаясь в сладкую дурь зовущих глаз. Евгений ласково улыбнулся ей, медленно провёл тыльной стороной руки по её щеке, а затем наклонился и нежно поцеловал.

Сердце Ани учащенно билось, но уже не от страха как раньше. Она не отвернулась и не стала вырываться. Женька сам, первый, оторвался от её губ, глубоко вздохнул и снова поцеловал.

— Жень...

— Только не говори, чтобы я перестал, — с тоской в голосе произнёс он. — Не перестану... не отпущу... за все эти годы, по-моему, я заслужил хотя бы не много твоей любви?

Аня прижалась к нему. Сейчас она чувствовала, что защищена. Наверное, только теперь до неё стало доходить, что только с этим мужчиной можно, не бояться и только с ним её будущее.

— Я хотела тебя попросить... не отпускай меня...

Со стоном Женька сжал её в объятиях. Он раздвинул своими губами её губы.

— Анька... — шептал он между поцелуями. — Анька... любимая... я уже не надеялся...

Заскрежетали ключи в замочной скважине. Анна вздрогнула. Евгений отпустил её, встал с колен.

— Свидание закончено! — конвоир вошёл в комнату.

— Я буду ждать тебя на улице, — прежде чем выйти, пообещал Женька.

Татарин злился и от этого сильнее давил на педаль газа. Всё не так... обещал жене приехать через пару часов, но дорога заняла больше времени, чем рассчитывал и в итоге в город попал только к утру. А тут ещё сюрприз — Карпов сбежал. Пока разбирался, ещё время прошло. Юлька, наверное, вся извелась от беспокойства.

Подъехав к своему дому, Валерий пулей выскочил из машины и быстрым шагом направился к подъезду. Его словно что-то подгоняло. Он забыл про лифт. Бегом взлетел по лестнице на свой этаж.

Оказавшись в квартире, каким-то шестым чувством, понял, что опоздал — Юли и сына больше нет. Сердце сжалось в груди. Он не обратил внимания на подскочившего с дивана ему на встречу охранника, сразу же направился в спальню.

— Татарин... — попытался остановить его Юрий. — Они спят...

Валерий влетел в комнату...

...Юля лежала на кровати. Спала? Да, нет, тут было что-то не так... В комнате стояла гробовая тишина.

— Юлька! — позвал Татарин, женщина не шевелилась.

Он подошёл к окну, резко раздёрнул плотные шторы. И невольно содрогнулся. Юлькина голова покоилась на подушке пропитанной кровью. У жены было перерезано горло, изуродовано лицо. Окровавленный нож валялся рядом.

— Юлька! — Валерий подскочил к ней, опустил на колени, прижался к холодной руке.

Сейчас стал понятен смысл каждой отведённой секунды жизни. Самые ценные

мгновения — когда ты — любишь и тебя — любят. Только теперь больше некого любить... Юльки больше нет!

— Нет! — выдохнул он из себя стон, голова моталась из стороны в сторону, тело сотрясали рыдания. — Ушла... — Тут же появилось от безысходности тайное желание уйти следом за ней.

Мир пустоты проникал в его кровь, добираясь до сердца, чтобы там оставить холод и боль утраты. Чувства обострились, становясь пронзительными, вызывая гнев и ненависть к безликой судьбе.

Он прижал к себе, ещё крепче, холодное тело жены, повторяя как заклинание:

— Ты не можешь уйти, не надо...

Только через несколько минут Валерий нашёл в себе силы подняться и подойти к кровати сына. У него ещё теплела последняя надежда на чудо, но, увы, чудес не бывает.

Убийца не пожалел даже маленького ребёнка. Лицо малыша было накрыто подушкой, его придушили. Для Татарина это стало последним ударом. Подлым ударом, нанесённым исподтишка. Он никак не мог осознать, принять разумом, что его любимые — сын и жена мертвы. Валерка словно умер вместе с ними.

— Прости меня прости! — зашептал Татарин, аккуратно взял сына из кровати, прижал к себе, целуя. Он словно пытался передать ему частичку себя, вдохнуть жизнь.

Под ногой хрустнуло стекло. Валерий остановился, приходя в себя. Ничего не поможет ни сыну, ни Юлке. Но он может и должен найти убийцу.

Подойдя к кровати, Валерий осторожно положил малыша рядом с матерью.

— Кто? — тихо спросил он у застывшего Юрия. — Кто? — уже закричал Татарин, повернувшись к нему. — Кто?

Охранник показал пальцем на рамку с разбитым стеклом, лежащую на полу. Старое фото жены с её подругами — Алиной, Аней.

Валерий обхватил голову руками. Всё казалось страшным сном. И только мозг работал в хладнокровном режиме. К Татарину вернулось давно забытое страшное спокойствие. Он снова смотрел на смерть, как на что-то само собой разумеющееся. И лишь щемящая тоска, злая и бессильная оставалась где-то глубоко внутри.

— Я, правда, любил только тебя одну. Прости... — прошептал он, наклоняясь над женой. Поцеловал её в холодные губы, потом сына в лоб. — Простите меня за всё...

Он попытался встать, но покачнулся и упал на колени на пол. Завыл...

Татарин вышел из квартиры, захлопнув дверь. Он, пошатываясь, перешагивал через ступеньки, спускаясь вниз по лестнице.

Остановившись у машины, поднял голову к небу, словно надеясь получить указание, но небо было серо-чёрным. Оно давило своей темнотой, душило, прижимая к земле. По щекам Валеры текла вода, он точно знал, что это не дождь и не снег, это его слёзы. Мужчина опустился на колени, набрал полные руки земли, перемешанной с чёрным снегом и прижал к лицу. Умываясь грязью, он словно очищался от того, что натворил в прошлом и то, что сделает в будущем. Валерка не чувствовал холода, не видел ничего вокруг, мир для него умер так же, как и он умер для мира.

Встав, Татарин подошёл к “Мерсу”, сел в него. Машина завелась с полоборота и резко рванула вперёд...

Женька ждал Аню, боясь пропустить её появление. Он на секунду отвернулся от открытого окна машины, вынул сигарету из не начатой пачки, закурил, выпуская дым и щурясь, и в этот момент неожиданно появилась она.

Анна вышла, беспомощно огляделась по сторонам, теребя в руках пакет с вещами.

— Нюрка! — окрикнул её Евгений охрипшим голосом, выбегая из автомобиля.

Но вместо того чтобы броситься к нему на встречу она заплакала, не решаясь сделать хоть один шаг. Женька моментально подхватил её на руки и понёс к машине, на ходу целуя мокрое лицо.

— Ну, что ты, любимая... не плачь... всё позади...

Анька обняла его за шею и уткнувшись в плечо ещё сильнее зарыдала.

— Только прошу тебя — не отпускай меня...

— Никогда, — пообещал Женька, усаживая её на пассажирское сиденье.

Пакет с вещами небрежно бросил на заднее сиденье. Сам сел на место водителя. Он уже собирался завести машину, когда вдруг перед его “Ладой” остановился белый “Нисан”.

— Какого чёрта? — возмутился Евгений. — Зачем он приехал?

— Жень, я не хочу сейчас ни с кем разговаривать... и особенно с Сергеем, — устало сказала Аня, у неё не было ни желания ни сил на выяснения отношений. А именно это и намеревался сделать Поляков, подкатываясь в инвалидной коляске к “Ладе”.

Женька провернул ключ зажигания — двигатель отозвался ровной вибрацией. Машина тронулась с места объезжая охрану, “Нисан” и его хозяина...

Анна проснулась и застонала. Открыв глаза, она увидела, что лежит на кровати, а рядом Евгений. Он осторожно перебирал пряди её волос. Мгновенно Кондрашова выпрямилась. Сердце тревожно забило. Она настороженно посмотрела на Женьку.

— Я всё проспала...

Евгений дотронулся кончиком пальца до её щеки, провёл по бровям, носу, обвёл контур губ.

— Прости... Я разбудил тебя?

— Где мы?

— Это моя квартира... здесь тебя никто не будет искать...

Он потянул за конец шёлкового шарфика, освобождая её шею, приподнял прядь волос и нежно поцеловал за ушком.

Аня напряглась. То, как он снимал с неё шарф и целовал, живо вызвало в её памяти другую картину — ту единственную страшную ночь, которую она провела с Сергеем. Стало трудно дышать. Женщине вдруг показалось, что она задыхается.

— Если ты ещё не готова... я не буду настаивать. Если хочешь, я уйду... — предложил Женька.

— Нет, не надо, не уходи...

И тут Анна заплакала, прижавшись к его плечу. Заплакала как маленькая девочка, сквозь всхлипы, рассказывая Женьки про ту чёрную ночь, наполненную болью и унижением. Он слушал молча, нежно гладя её по волосам, целуя заплаканные глаза. Как бы ему хотелось спрятать, уберечь свою Анютку, от всего, что с ней сделал этот ублюдок. От всех проблем, которые на неё свалились. Но он не мог исправить прошлое, зато он может изменить настоящее и будущее. Главное, чтобы этого захотела она сама.

— Поцелуй меня, — тихо попросила Анька, закрывая заплаканные глаза.

Евгений навис над ней, наклонился, и осторожно прикасаясь губами, поцеловал.

Анна плыла, медленно уплывая на невиданные просторы океана. Туда где обещали губы и руки Женьки, рай, обжигая желанием. Они целовались очень долго, совершенно выпав из реальности.

Евгений прижался к ней сильнее, словно пытался раствориться в её теле, чтобы стать одним целым. Поцелуй уже не был таким нежным как вначале, он стал напористым, горячи, требовательным.

Не отрываясь от губ любимой, он протянул руку и скинул простыню, лежащую между ними. Пальцы Женьки скользнули вниз, проворно расстегивая молнию. Затем присев рядом с Аней, он медленно стянул джинсы с её бедёр, оставив шёлковые кружевные стринги. За брюками последовала блузка. Мужчина не стал мучиться с маленькими петельками, он просто дёрнул ткань, и пуговицы в один момент разлетелись в разные стороны по всей комнате.

Со своей одеждой он так же не церемонился, Евгений торопился. Через секунду на пол полетели: футболка, брюки, трусы, носки...

Когда Женька стал скидывать свою одежду, Анна запаниковала, испугавшись, того, что сейчас произойдёт. Старые страхи вернулись. Она резко села и нащупав пальцами простыню, потянула её на себя, чтобы скрыть свою ногату. Но тёплая сильная ладонь Евгения накрыла её кисть.

Она посмотрела встревоженные глаза мужчины.

— Только не говори, что ты передумала... Я больше так не могу... видеть тебя и не иметь право дотронуться, находиться рядом и понимать, что ты никогда не будешь моей...

— Я не смогу... Я ни с кем никогда не смогу...

— Я знаю и понимаю, что именно тебя пугает. Но поверь, вместе мы с этим справимся. Только доверься мне...

Преодолевая панику, смотря ему в глаза, она, выпустив простыню, протянула руку и дрожащими пальцами коснулась его плеча. Потом её ладонь скользнула ниже, по его груди.

— Я постараюсь... — Нюрка понимала, что никогда больше не встретит такого мужчину, как Женька. Понимала, что сойдёт с ума без него и что скорей всего после этой ночи навсегда потеряет верного друга. А вот что будут дальше, покажет время...

Евгений провёл пальцем по стройной шее, переместился к спине, осторожно поглаживая нежную кожу. Теперь он не спешил, давая любимой время. Она должна привыкнуть к нему, к его прикосновениям, отпустить свои страхи, перестать бояться.

Он коснулся застёжки бюстгалтера, через секунду кружевной лифчик упал на колени Анны. Её напрягшиеся груди оказались у него в ладонях. Евгений нежно сжал их, лаская пальцами соски. В ночной тишине он слышал, как бешено, бьётся сердце любимой.

Для Аньки настолько были новы ощущения, которые он в ней пробуждал, что охваченная ими, она невольно, тихо застонала. Протестовать и отступать было поздно. Ладони мужчины уже скользили по её ногам. Волшебная незнакомая до сегодняшней ночи теплота разлилась по всему телу.

Требовательная рука Женьки скользнула по бедру Ани, другой рукой он обнял её и резко опрокинул на кровать. Теперь такое желанное обнажённое тело было открыто для его взглядов и прикосновений.

Он видел, как любимая реагирует на каждое его касание, он слышал её стоны, неровное дыхание. Всё это подталкивало к дальнейшим действиям. Женька сдвинулся вниз, обхватил бёдра женщины, склонил голову и кончиком языка обвёл её пупок, одновременно поглаживая стройные ноги.

Анна вскрикнула и со стыдом попыталась оттолкнуть его от себя, сдвинуть ноги, но Женька оказался проворнее. Уже через секунду преодолевая сопротивление любимой, не давая свести ноги вместе, склонился над её бёдрами. В этот раз он не собирался отступить, сегодня он разбудит в ней настоящую страстную женщину...

Нюрка с изумлением почувствовала прикосновение его губ между ног. Она вздрогнула всем телом, напряглась. Прикосновение мужчины к самому интимному месту пугало её. До сегодняшней ночи никто к ней так не прикасался. Она вновь запротестовала, пытаясь освободиться.

— Тихо, девочка моя, — прошептал Женька, поглаживая её ноги. — Тихо...

Крепко сжимая Анькины бёдра, он погрузился языком в горячую влажную плоть, лаская её, настойчиво проникая в нежные глубины. Он повторял раз за разом свои быстрые движения языком, доводя её до экстаза, показывая новый мир отношений мужчины и женщины.

Приятная нега разливалась по телу Анны, она перестала сопротивляться. Останавливать Женьку не было сил. Напряжение исчезло, уступив место желаниям подчиняться настойчивому натиску берущего тебя мужчине. Думать ни о чём не хотелось, сердце трепетало. Анька погружалась в полузабытьё. Закрыв глаза, она плыла навстречу зародившемуся томлению, она плыла к необузданной, испепеляющей страсти, которую в ней зарождали губы Евгения...

— Я хочу тебя... — запустив руки в спутанные волосы Анны, прошептал Женька, прижимая её губы к своим. — Я хочу, чтобы мы стали любовниками. Хочу, чтобы в эту ночь ты принадлежала только мне... Я буду твоим первым и единственным мужчиной...

— Да... — она забилась в его руках. — Да... — выдохнула вновь, между пьянящими поцелуями.

— Только на одну ночь...

После этих часов любви они станут всего лишь далёким воспоминанием друг для друга. Он знал — она не любит его и понимал — в его жизни будет только одна эта ночь, одна единственная, украденная у судьбы. А завтра он вновь станет её тенью, ангелом хранителем, просто другом. Ну, а сейчас он заставит её забыть... забыть всё. Забыть страхи, унижение и боль.

— Да... — пробормотала Анна, сходя с ума от его поцелуев, выгибая спину. — Да... — вырвался стон из её губ, когда Женька вошёл в неё сразу и до конца, но тут же замер, неизвестно где, найдя силы.

— Тебе больно? — спросил он, с заботой смотря в глаза любимой.

— Нет... — прошептала Анька. — Мне хорошо... мне очень хорошо... — она закусила губу, чтобы не закричать, чтобы не потребовать немедленного продолжения.

И Женька словно все, поняв без слов, вновь её поцеловал, продолжая двигаться, входя в неё с каждым разом всё глубже и глубже. Он смаковал каждое прикосновение, каждое соединение и торжествовал, чувствуя, как Аня отвечает на поцелуи и вонзает ногти в его спину. С каждым новым толчком, с каждым новым движением он стремился передать

любимой свою скопившуюся за годы любовь. Постепенно теряя нить реальности, блуждая где-то вне времени в прострации.

Продолжая удерживать Анну на весу, вонзился в неё ещё раз, содрогнулся всем телом, и вот желаемое опустошение, а затем и опутывающая лёгкость, доводящая до эйфории...

Анька ощущала, как Женькина сила пронизывает её насквозь. Горячее кольцо всё сужалось и сужалось, и вот она вспышка и вот оно помутнение разума и чувств. Молодая женщина вскрикнула, от последнего сильного толчка любовника и упала без сил на подушку, придавленная мужским телом...

Эта ночь была самой длинной и в тоже время самой короткой для Анны и Евгения.

Анька и не знала, что бывает такая физическая близость, что она может быть такой приятной и может вызывать столько чувств.

Они перебрали все возможные позы. Женька не отпускал её не на секунду. Его гонка и стремление насытиться любимой напоминало марафон.

— Моя любимая Анютка... — со стоном выдохнул Женька, наполняя её собой, доводя обоих до последней точки. С годами сдерживаемое влечение вырвалось на свободу, опустошив Евгения до конца. — Всё будет хорошо, — он прижался к её тёплому телу. Ему вдруг стало так спокойно и хорошо...

После они лежали и молчали, боясь прервать словами этот временный миг счастья.

— Жень... — прервала молчание Аня.

— Тс-с-с... — протянул Евгений, накрыв её рот рукой, останавливая ненужные готовые слететь с её губ слова. — Всё потом...

Но в это время зазвонил телефон.

— Чёрт! — ругнулся Женька.

Он нашарил на тумбочке истошно заливающийся мобильник.

— Да...

Чёрный Мерс не притормаживая, проскочил перекрёсток на красный свет. Автомобиль стремительно летел по полосе против движения, ловко уворачиваясь в последнюю секунду от встречных машин. Взвизгнув покрывками иномарка, свернула на проспект и через сто метров исчезла во дворе нового элитного жилого района. С грохотом она проскочила, расшвыривая комья земли, через газон и проехала по тротуару, распугивая прохожих. Пересекла детскую площадку и, выехав на асфальт, внезапно затормозила у первого подъезда.

Дверца Мерса резко распахнулась, и сутулая мужская фигура высунулась из него. Помутневшими глазами Валерий окинул двор, обошёл машину и направился к подъезду.

Женщина, спускавшаяся по ступенькам, увидев в руках Татарина пистолет, истерично взвизгнула и отступила в сторону.

Выбив ногой входную дверь, Валерий ворвался в квартиру. Пересёк несколькими стремительными шагами пустую прихожую и вошёл в комнату и тут же остановился. Стоящий на столе небольшой магнитофон заходился в крике попсовой зарубежной мелодией. Рядом на грязной столешнице валялся пустой пластиковый шприц. На его стенках были заметны остатки какой-то желтовато-коричневой жидкости.

Рядом со столом на диване в свободной расслабленной позе лежала Алина. Зрачки сужены, взгляд направлен куда-то вверх к потолку. Она была под кайфом.

Валерий сел рядом с ней, схватил её рукой за волосы, задрал голову так, чтобы она смотрела на него.

— Ты, убила их?

— Я — истерично засмеялась Алинка. — Юлька твоя даже пикнуть не успела. Красивая ей расписала личико?

— Заткнись, тварь! — Татарин ударил её по лицу.

— А с сыночком пришлось повозиться. Я накрывала его лицо подушкой... он так махал ручками, так мило боролся со смертью... — глумливо пела Алинка, из неё фонтаном выплёскивалась дикая злость и ненависть. — Маленький ублюдок никак не хотел покидать этот мир ... Тогда я навалилась на него всем телом и удерживала подушку до тех пор, пока он не задохнулся.

— Ненавижу... — закрыв глаза, сквозь зубы процедил Валерий.

— Зачем ты так... Я же тебя люблю. Я освободила тебя от всех обязательств, — Алинка снова громко засмеялась, вытирая ладонью с губы кровь. -

— Я тебя ненавижу... — протянул Татарин каким-то чужим, не своим голосом.

Встал, снял пистолет с предохранителя, передёрнул затвор.

— Ты не убьешь меня! — Алина с насмешкой смотрела на него. — Ты не сможешь выстрелить в женщину!

Татарин медленно поднял руку с пистолетом, направил его на любовницу и разрядил весь ствол.

— Сдохни! — спокойно сказал он, опуская оружие. Достал из кармана телефон, набрал номер милиции, но именно в этот момент от сильного удара распахнулась входная дверь, и в квартиру ворвались вооружённые люди. Через мгновение Валерий оказался прижатый к полу...

Глава восьмая

Последнее, что запомнил Татарин — это то, как в квартиру ворвались менты, вызванные соседями. Милиционеры прижали его к полу. Валерий отшвырнул от себя сначала одного, потом второго. Потянулся к пистолету, но его опередили, заломили руки за спину, последовали сильные удары по спине. Самый сокрушительный пришёлся по голове, он то и погрузил его сознание в чёрную дыру пропасти.

Очнулся Татарин в больнице СЗО на вторые сутки. Голова раскалывалась от боли, в висках стучало. Он почти ничего не соображал, перед глазами всё плыло.

В палату вошёл мужчина в белом халате. Как бы Валерий не пытался сфокусироваться на его лице, ничего не получалось — оно расплывалось, не имея чётких контуров. Врач бегло осмотрел перевязанную голову больного.

— Этого можно выписывать, — сказал он сопровождавшей его медсестре. — Хватит ему тут валяться, место занимать. Не в санатории.

Через час в палате появились вооружённые конвоиры. Пошатывающего Татарина вывели в тёмный коридор, в конце которого виднелась решётчатая дверь.

— Лицом к стене, руки за голову, ноги на ширине плеч, — скомандовал один из надзирателей.

На запястьях Валерки защелкнулись металлические наручники.

— Вперёд двигай.

Загребели ключи, открывая дверь.

— Налево. Прямо, — следовали команды, указывая Татарину нужное направление. Он двигался медленно, преодолевая новые взрывы боли. — Лицом к стене, — Послышался скрип отодвигаемого засова. — Вперёд, — Валерия втокнули внутрь камеры...

Ночью его разбудили на допрос. Кто-то толкнул в плечо.

— На выход, Татарин.

Валерий встал со шконки, не заметно спрятав в карман брюк заточку. Пошатываясь, направился к дверям. Тело и голову по-прежнему ломало от непонятной боли. Перед глазами плыли жёлтые круги, а руки и ноги дрожали.

— Лицом к стене, руки за голову.

И опять длинный коридор...

В комнате для допросов его ждал Захаров. Их взгляды скрестились, в них читалось отвращение, которое они испытывали, уже давно, друг к другу.

— Ну, вот мы снова и встретились, Татарин! — с усмешкой и каким-то торжеством сказал Захаров. — Теперь ты точно сядешь! И надолго.

Валерий перевёл дыхание, постарался сконцентрироваться на словах оперативника, отодвинуть болевые ощущения на второй план.

— Что шить начальник будешь? — небрежно усмехнулся Валерка.

— Убийства, рэкет...

Валерий кивнул и резко втянул в себя воздух, он снова своим резким движением вызвал новую жуткую головную боль.

— Новикову убил я, — никакого раскаяния в голосе. Татарин сожалел лишь об одном — что не успел дотянуться до пистолета и всадить пулю в себя. — Готов написать чистосердечное признание. Давай бумагу...

— Я бы на твоём месте так не спешил. Напишет он чистосердечное признание... — небрежно усмехнулся опер. — А вот не нужно мне твоё признание. Тебя взяли с пистолетом, ты стоял рядом с трупом гражданки Новиковой, твоей любовницы. И ещё у меня есть свидетели... Так что готовься, сидеть ты будешь долго!

— Эта тварь должна была умереть. Ты прекрасно знаешь, что это она убила мою жену и сына...

— А знаешь, я тебе совсем не сочувствую! — в упор глядя на Валерия, сказал мент. — И ты не имеешь права решать, кому жить, а кому умирать. Чем ты лучше её?

Татарин побледнел и сгорбился, потянулся к пачке сигарет, но тут же отдёргнул свою руку и посмотрел на опера. Если бы взглядом можно было убить — то Захаров лежал бы уже мёртвый на полу. Столько ненависти и боли мелькнуло в глазах Валерки. Но он взял себя в руки, подавляя все чувства.

— Да, ты прав я хуже её... — пожал плечами он, в глазах мелькнула ярость и решительность. — Так пристрели меня прямо сейчас. А своим скажешь при попытке к бегству...

— На, пиши своё признание, — Захаров кинул ему лист бумаги и ручку.

— У тебя как с раскрываемостью? Могу парочку глухарей взять на себя. Я подпишу всё... — Татарин издевательски засмеялся и тут же сморщился от боли. — Мне теперь всё равно...

— Ну, хватит! — разозлился Захаров. — Не хочешь по — человечески не надо! Охрана!

Двое конвоиров моментально появились на пороге кабинета и застыли в ожидании.

— В камеру его! — рявкнул Захаров.

Конвоиры направились к задержанному. Но Татарин резко соскочил со стула, бросился вперёд, одновременно приседая на колени. Мощный толчок плечом и грудной клеткой и стол перевернулся, падая на Захарова. Столешница пригвоздила опера к полу, решая на несколько секунд способности двигаться.

Растерявшиеся конвоиры не сразу сообразили, что происходит. Они застыли на месте. Несколько секунд замешательства вполне хватило Валерке. Стиснув зубы, он ринулся на одного из охранников. Ударил его в живот, толкнул вперёд. Конвойный отлетел к выходу, ударился головой об стену.

Молниеносно развернувшись, нанёс удар второму — охранник получил коленом в пах. Взвыл, согнулся пополам. И тут Татарин снова нанёс удар — сжатым кулаком в горло. Конвоир отключился, потеряв сознание.

Валерий втянул в себя воздух, боль была адская, голова раскалывалась, к горлу подступила тошнота. Он дико устал, и ко всему прочему по-прежнему ломило всё тело, каждое новое движение выливалось в пронзительную пытку. Выпрямившись, он окинул взглядом комнату. Захаров лежал, придавленный столом. Из носа тонкой струйкой текла кровь, его глаза были закрыты.

Не спуская глаз с неподвижных тел конвоиров, Татарин извлёк из кармана своих брюк заточку, прислушался. Не услышав за дверями шума шагов, бросился к Захарову. Валерий понимал, что живым ему не выбраться из СЗО. Слишком много людей с табельным оружием. Но этого он и хотел — хотел, чтобы его застрелили.

Мысль — взять Захарова в заложники пришла молниеносно. Последние силы ушли на то, чтобы сдвинуть стол. Татарин закашлял, стоя на корточках, его вырвало. Как только он смог двигаться снова, схватил оперативника за ворот рубашки.

— Вставай Захаров! — Валерий ударил его по щеке, приводя в сознание...

Татарин стоял у самого выхода, держа заточку у горла раненого оперативника.

— Бросайте оружие и тогда получите опера целым! — крикнул Валерий. — Мне терять нечего!

Ситуация была трудноразрешимой — Захаров не хотел умирать, не время героизмовать, но и давать Татарину шанс на побег он не мог, так же, как и убить его. Ведь именно этого и добивался преступник. Слишком лёгкое для него наказание.

— Опустите оружие, — прохрипел Захаров.

Милиционеры убрали оружие.

— Открывай, — глухо приказал Валерий, контролёру. — Ну! Резану сейчас опера...

Охранник с трудом справился с замком, слишком сильно дрожали у него руки.

— Все лицом к стене, — приказал Татарин, протискиваясь с Захаровым в дверь...

Карп понимал, что никто не поможет ему выпутаться из западни, созданной Татариним и этой девчонкой — Анной Кондрашовой. Он, конечно же, может снова сколотить бригаду, но скорей всего не успеет. Да и не реально противостоять Сохе. И поэтому он решил отыграться на самом слабом звене — Анне. Хотя бы с ней он сведёт счёты...

Весь следующий день прошел впустую. Анна не пыталась даже сосредоточиться на

работе. Ночное известие об убийстве Юли и её ребёнка — оказалось лишь первой плохой новостью. Второй — арест Валеры и смерть Алины.

Каким-то шестым чувством Аня подсознательно знала, что это ещё не всё. А ещё её беспокоило то, что Сергей и Женька заперлись в соседнем кабинете. Это-то особенно не давало покоя Кондрашовой.

Анна встала и решительно направилась к кабинету Сергея. Она больше не могла находиться в неведении.

Воспользовавшись тем, что секретарши Полякова не было на месте, Аня прильнула к двери и, затаив дыхание, стала слушать.

— ... Карп требует и завод, и банк.

— Надо обратиться в милицию. Захаров поможет...

— Не успеет!

— Так отдай ты ему все, что он требует! И расскажи Анне, — прогремел голос Женьки.

— Не жирно ли ему будет?

— У него в заложниках Федя... — заметил Ананьев ледяным тоном.

Аня резко открыла дверь. Войдя в кабинет не дожидаясь приглашения, прошла к столу, села напротив Полякова и Евгения.

Сергей поджал губы. Женька опустил глаза. Молодая женщина переводила взгляд с одного на другого.

— Что происходит? Может быть, мне кто ни будь, объяснит? Где Федя?

— Анечка, успокойся... — Сергей старательно отводил глаза от неё. Он потянул узел галстука. Его скулы ещё больше побледнели.

— Ты же сказал, что Федя уже дома... — глаза молодой женщины стали тёмно серыми от гнева.

— Аня, Федю похитил Карпов. Водитель и охранник убиты. Людмилу Валентиновну он отпустил, чтобы она передала его условия нам. Карп требует — завод и банк. Вот записка, — Женька протянул Кондрашовой лист. — Тварь! Ребёнка-то зачем? — с трудом совладав с собой, Ананьев продолжил. — Но это ещё не всё. Ночью из СЗО сбежал Татарин. Он взял заложники Захарова, правда потом оглушив его, оставил на скамейке в сквере.

— Ещё и этого не хватало...

Молодая женщина взяла помятый лист бумаги. Пробежала его глазами:

“Анна! Правила игры меняются. Условия теперь диктую я. У меня есть товар — жизнь твоего сына, у тебя — завод и банк. Ровно в три часа все документы на завод и банк должны быть у тебя. На встречу ты должна подъехать одна. По телефону я передам тебе дальнейшие инструкции, скажу куда ехать. И не вздумай обратиться в милицию”.

— Сейчас я подпишу все документы, и когда позвонит Карп, я поеду на встречу одна... — Кондрашова обхватила голову руками.

— Нет! Он не выпустит тебя живой! — Ананьев с силой впечатал окуроч в стеклянную пепельницу.

— Неужели ты думаешь, что мне дороже моя собственная жизнь, чем жизнь сына? Жень, — она взяла его за руку. — Мне страшно...

— Я найду эту мразь и убью! — Женька накрыл второй рукой Анины пальцы, поднялся. — Готовьте документы.

Близость любимой женщины нервировало его, не давая сосредоточиться и всё обдумать. Женька быстрым шагом вышел из кабинета...

Ровно час занял на подготовку нужных бумаг. Анна курила одну сигарету за другой. Сергей же, спокойно сидел в инвалидном кресле, попивая остывший кофе.

— Нюрка, не паникуй, — Поляков наклонился к ней, он не мог отвести от неё глаз. Строгий светло серый костюм плотно облегал её тело. Прямая короткая юбка подчёркивал красивые ноги. Она стояла вполоборота, игнорируя его. — С Федей ничего не случится. Я смогу защитить и тебя и его. Я обещаю.

Анна села и подняла на него тяжёлый, холодный взгляд, откинулась в кресле. Короткая юбка чуть поднялась вверх. Сергей мучился, представляя, как его руки скользят по этим стройным ножкам...

— Не обещай то, чего не можешь выполнить, — отрезала она, возвращая его на землю.

— Анюта... перестань... — он потянулся к ней, взял за руку.

— Отпусти меня! — потребовала Кондрашова. — Я устала от тебя, понимаешь — я больше не хочу тебя видеть.

— Зачем ты так? — прошептал он. — Когда всё закончится, Нюрка, я любой ценой добьюсь своего. Ты будешь со мной. Потому что я люблю тебя!

Неожиданно ей показалось, что она совсем не знает этого человека. Не смотря на то что у них сын и она его когда-то любила, они всегда оставались чужими друг другу.

— Ты любишь только себя! — Анна поднялась.

Она смотрела на Сергея и думала, что сейчас ей, как никогда, не хватает Валерия. Его бы сейчас сюда, он бы обязательно, что ни будь, придумал. Время летит... катастрофически... А может...

— О чём задумалась? — голос Полякова вернул Анну в настоящее.

— Я попрошу помощи у Сохина.

— С ума сошла? Опять хочешь связаться с этим уголовником? — в голосе Сергея звучала брезгливость и раздражение.

Но Анна не стала слушать Полякова. Взяв со стола папку с документами, направилась к дверям...

Женька прислонился к дверям. Ему надо было, просто необходимо было сбежать от Анькиных полных отчаянья глаз. Они сжигали его душу до золы. Она ждала от него помощи, а он не мог ей помочь... а ещё было ощущение какой-то тяжести внутри. Как будто ещё что-то плохое должно произойти... От этого стало как-то совсем не по себе. И Евгений вдруг испугался своего бессилия...

— Я найду Федьку! — зло возразил себе Ананьев, ударив по стенке кулаком. — И больше ничего не произойдёт!

Анна даже не успела понять, как всё произошло. Она собиралась, ехала к Сохе. Вдруг на выезде со стоянки офиса ей перегородил путь милицейский “Уазик”. Милиционер вышел из автомобиля, постучал корочкой с гербом по стеклу дверей.

— Нарушаем, дамочка, оперативную машину, с мигалкой не пропускаем? Пройдите в наш автомобиль. Сейчас будем вызывать ГАИ.

Анна покорно подчинилась. Вышла, прихватив сумочку с мобильником и документами с собой. Подошла к милицейскому “Уазику”. Ей услужливо открыли заднюю дверь, помогли сесть.

— Не рыпайся, поняла? — прохрипел рядом мужской голос, зажимая ей рот. Машина тут же дёрнулась с места...

Мобильник и сумку у Аньки отобрали сразу. Надели наручники. Молодой мент, обшарил её, давая волю рукам — залез под юбку.

— Пусти! — взвизгнула Кондрашова.

— Заткнись, сука! — прошипел парень.

Женщина попыталась оттолкнуть хама, когда это не увенчалось успехом, изловчилась и укусила обидчика за ухо, за что тут же получила пощёчину.

— Сука!

— Уймись Юрик! — бросил ему водитель. — Сказано привезти в целости и сохранности.

— Эта — тварь, кусается. Я сейчас ей в рот шарф её суну и снова обыщу, — гнусно захихикал он.

Анька пыталась сопротивляться, но куда ей против такого здоровяка? Через несколько секунд она могла только мычать, на каждое новое похотливое прикосновение чужих рук к её телу.

— Отпусти, бабу!

— Отпущу, но не сейчас, — пробормотал мент, одной рукой снимая с неё колготки. Второй рукой он расстегивал молнию на своих брюках.

Кондрашова сжала бёдра и приготовилась к худшему, но к счастью машина вдруг остановилась.

— Приехали, — поставил в известность водитель.

— Чёрт, — выругался мент, застёгивая ширинку на брюках...

Анин автомобиль, перегородивший выезд, привлёк внимание охраны, только через десять мину.

Когда после звонка Сергея, Женька и Захаров подъехали к офису, около машины уже стояли гаишники.

— Не горячись, — остановил его Захаров. — Я сам всё выясню, а ты пока осмотри машину.

Из иномарки ничего не пропало, провернув ключ зажигания, Евгений убедился, что с автомобилем всё в порядке. Что же случилось? Почему Аня бросила машину?

И тут Женьку осенило — её похитили! Отгоняя растущий в душе страх, он выскочил из машины и быстрым шагом направился к банку. В кабинете охраны уже находился Сергей и его охранник. Они просматривали видеозапись с камеры находящейся на стоянке.

Евгений очень внимательно следил за всем происходящим на мониторе, и с каждой секундой у него всё больше и больше росло гнетущее чувство, что случилось, то чего он боялся больше всего, то, что ещё несколько минут назад было всего лишь страшным предположением — Анну похитили.

— Это мог быть только Карпов! Падла!

Немедленно рвануть с места Ананьеву помешал Захаров.

— Стой! — велел он, правильно поняв намеренье Женьки. — И куда ты пойдешь?

— Она у них! Надо по базе пробить машину! — выдохнул Евгений. — Срочно!

— И что потом? У тебя нет полномочий. Ты теперь частный детектив. Я сам всё

пробью, а ты сейчас успокойся, — посоветовал Захаров. — Не надо рубить с горяча. И так уже навертели всего.

Через десять минут у них были данный “Уазика”...

...Женька выжимал из машины максимум возможного.

— Главное успеть...

— Не переживай. Мои ребята уже там, — успокоил его опер.

Действительно, когда они подъехали на место, люди Захарова уже были там. Они задержали ментов, похитивших Аню, и вели допрос.

— В чём нас обвиняют? — глухо спросил мент, стараясь не показывать свой страх.

— В похищении человека. И незаконном лишении свободы. У вас большие неприятности, ребята. Вляпались вы. Так что не советую отпираться, — предупредил Захаров.

Милиционеры не стали отпираться, понимая, что теперь не отвертятся, но и ни чего важного узнать у них не удалось. Заказчиков они не знали, видели впервые. Передали женщину в условленном месте, получили деньги и уехали.

— Увести, — распорядился опер.

Ментов схватили под руки, и повели к машине.

— Дело тухлое. Где её искать? Они могли поехать в любую сторону...

— Не могли, — Женька всё ещё надеялся найти Аню и Федю живыми. — Они далеко не поедут. Карпов объявлен в розыск. Надо искать не далеко от точки передачи.

— Это мало вероятно...

— И всё-таки надо попробовать...

— Есть там не далеко дом лесника...

... Анна оказалась в небольшой прихожей. Вдоль стены висели какие-то куртки и брюки, ватники. В старой русской печки потрескивали дрова. Кондрашову толкнули сзади в спину. Споткнувшись о порог, она влетела в комнату и упала на грязный пол, больно ударившись боком.

— Лежать, — в спину женщины упёрлась чья-то нога. — Ну, вот мы и встретились.

Аню перевернули на спину. Над ней возвышался Карпов. Он помог ей подняться, снял наручники.

— Столько охраны и никто не смог уберечь тебя, детка, — с издёвкой сказал Андрей.

— Где мой сын?

— С мальчишкой, пока всё в порядке, — Карпов уселся в кресло-качалку, закинул ногу на ногу. — Пока... — повторил он, положил на стол пистолет, взял сигарету. — Всё зависит от тебя. Сейчас ты подпишешь бумаги на продажу акций банка и завода...

— У меня в сумке есть подписанные документы...

— Те что у тебя меня не устраивают... Они не на ту фамилию. Так что будем переписывать.

— Нет!

— Нет?

— Пока я не увижу сына, ничего подписывать не буду!

— Подпишешь! Или ты надеешься, что тебя с твоим щенком придут спасать? Напрасная надежда. Не успеют!

— Можно подумать, если я подпишу, ты оставишь меня в живых... — Анна совсем не боялась Карпа. Понимая, что, скорее всего он её убьёт. Выхода из создавшейся ситуации не было, и на неё, вдруг, навалилась апатия ко всему.

С боку подошёл помощник Карпова и ударил её кулаком в живот. Женщина, застонав от боли, согнулась и осела на пол. Последовал новый удар, теперь уже ногой.

— Ну что? Так доходчивее?

— Пока не увижу сына, ничего подписывать не буду! — хрипло прошептала Аня.

Её снова ударили. Из губы потекла кровь. Кондрашова закрыла глаза, готовясь к очередной боли.

— Ничего не подпишу!

— Хорош... Макс, приведи мальчишку, — вдруг, передумав, велел Карпов. — Пускай увидит своего щенка.

Анна с ненавистью посмотрела на Андрея. Сейчас он сделал самую большую ошибку, отправив своего помощника за Федей. Ой как он недооценивал её. Она медленно поднялась, преодолевая боль в животе, села на стул.

— Давай твои бумаги... — вытерла рукой кровь с лица.

— Очень хорошо, — Карпов придвинул ей лист и ручку.

Кондрашова взяла ручку, сжала её в кулак и, взревев, как раненая волчица, воткнула её в кисть Карпова. Тут же схватила пистолет со стола...

“Здесь ли Аня?” — вертелось в голове Женьки, и словно в ответ на его немой вопрос из дома вышел Макс, водитель Карпова.

Евгений хотел рвануть вперёд, но его отпихнули в сторону. Люди в камуфляжной форме, обезоружив, повалили Макса на землю. Несколько человек уже вбежали в дом. И тут прогремел выстрел.

Женьке стало трудно дышать, перед глазами завертелись деревья, люди в форме. Он двинулся вперёд, вошёл в дом и увидел свою Аню.

Карпов лежал на полу. Через стол от него стояла Анна. Опустив низ руку с пистолетом, женщина не сводила с трупа глаз. Только что она убила человека.

— Аня, — тихо позвал её Женька.

Кондрашова подняла на него глаза, выронила пистолет, который тут же поднял омоновец. Теперь она смотрела на него, на её испачканном кровью лице сначала появилось облегчение, потом радость...

Анька сделала шаг к нему, вдруг её ноги подкосились. Евгений бросился к ней...

Анна привстала на носки и поцеловала Женьку в губы.

— Я так люблю тебя... если бы ты знал...

— Я знаю, — самоуверенно ответил он, обнимая любимую. — Потому что я тоже люблю тебя и всегда любил. В тот момент, когда прозвучал выстрел в доме, я испугался, что потерял тебя. Что тебя больше никогда не будет, в моей жизни...

— Теперь я буду у тебя всегда...

— Мама, мама я устал, — захныкал Федя.

Женька наклонился к мальчику и подхватил его на руки...

Изможденный Валерий вышел на поляну, зажмурился от ударившего по глазам

ослепительного солнечного света. Осел на колени. Сил идти больше не было. Всю ночь он пробирался вперёд по лесу. Зачем он это делал, зачем пытался выжить он и сам не знал. Ведь ещё недавно он хотел умереть...

Прямо перед Татариным на поляну приземлилась ворона. Она распахнула настежь клюв, выкрикивая:

— Кар-кар...

— Кыш... — махнул рукой Валерий, птица испуганно взмахнула крыльями и улетела.

А обессиленный Татарин упал на землю, потеряв сознание...

Следующее что он увидел, открыв глаза — бредущего к нему во всём чёрном монаха...

ЭПИЛОГ

Анна положила снимок на холодную плиту памятника, рядом с букетом белых роз. На сером камне была высечена надпись: “Сергей Поляков” и две даты — рождения и смерти.

Сергей ушёл из жизни внезапно, он умер во время очередной операции на позвоночник. Не выдержало сердце. А врачи ведь предупреждали о таком исходе. Но Поляков не стал слушать и настоял на операции. Анька до последней минуты была рядом с ним, не смотря на возражения мужа. Женька продолжал её ревновать к Полякову.

Прошел уже год со смерти Сергея, а ей до сих пор с трудом верилось, что этот серый камень всё, что осталось от него.

— Прости... — прошептала Аня, прижавшись лбом к холодному мрамору. Она чувствовала, как освобождается от прошлого. — Прощай...

Встала с колен и медленно пошла к выходу с кладбища.

От ветра фотография поднялась вверх и вперемешку с листьями закружилась над памятниками...

Вдоль узкой тропинки с другой стороны городского кладбища, шёл монах в чёрной рясе, с бородой. На шее, на толстой цепочке, висел большой крест.

Сейчас вряд ли, кто ни будь бы узнал, в этом монахе, криминального авторитета — Татарина. Именно в тот момент, когда Валерий подобранный монахом, впервые оказался в церкви он осознал зачем ему жить. Он отрёкся от прошлой жизни и остался в монастыре.

Через год его арестовали на вокзале в связи с прошлыми заслугами. Захаров тогда не поверил в его искренность и раскаянье. После срока Валерий вернулся в монастырь, чтобы продолжить служение Богу. Он стал известным. Многие люди шли к нему за советом и помощью...

Монах свернул с тропинки, мысленно отсчитывая — “пятый ряд... шестую оградку от прохода”.

— Здравствуй, Юленька. Здравствуй, сынок. Здравствуйте, любимые, — Валерий поднял голову к небу. Тяжело вздохнув, сел.

С большого памятника смотрели такие родные лица. Щемящая боль сжала сердце.

— Ну, здравствуй, Татарин, и прощай, — сказал кто-то рядом, за спиной.

В тишине кладбища прозвучали два глухих хлопка...

К О Н Е Ц

Больше книг на сайте — Knigolub.net